

DOI: 10.21209/1996-7853
DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5

ISSN 1996-7853 (Print)
ISSN 2542-0038 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»

672039, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Бабушкина, 129,
кабинет № 126

Телефон: 8 (3022) 35-24-79

Факс: 8 (3022) 41-64-44

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE

“Transbaikal State University”

30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita,
Transbaikal Territory, Russia, 672039

EDITORIAL OFFICE ADDRESS

Office no. 126, 129 Babushkina st.,
Chita, Transbaikal Territory,
Russia, 672007

Phone: 8 (3022) 35-24-79

Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail.ru

<http://www.zabvektor.com>

Том 16, № 5
2021

Vol. 16, No. 5
2021

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-71267 от 10.10.2017

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук:

- 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки);
- 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки);
- 07.00.06 – Археология (исторические науки);
- 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология (исторические науки);
- 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки);
- 09.00.11 – Социальная философия (философские науки);
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 10.01.01 – Русская литература (филологические науки);
- 10.01.10 – Журналистика (филологические науки)

Направление номера журнала

Философские науки

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Языки издания: русский, английский, китайский

Редакция журнала руководствуется положением Гражданского кодекса РФ по авторскому праву, международным стандартом редакционной этики, лицензией Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Подписной индекс журнала в «Пресса России» **42407**

Редакционная коллегия

Главный редактор

Ерофеева Ирина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия)

Выпускающий редактор

Надежда Дмитриевна Субботина, доктор философских наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия)

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна, кандидат культурологии, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия)

Размещение и индексация журнала

Научная электронная библиотека, CrossRef, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Соционет, Знаниум, БиблиоРоссика, Арбикон, ИВИС, КиберЛенинка, Университетская библиотека онлайн, IPRbooks.

Редакционная политика журнала ориентирована на исследование, в которых рассматриваются ценностные ориентиры современного общества – новые и традиционные, значимые не только для личности и конкретного социума разных регионов, но и для мировой культуры в целом в условиях вызовов и угроз технологической революции, кризиса культур и их ценностных оснований, тотальной цифровизации мирового сообщества.

В контенте номера представлено осмысление социокультурных проблем и аксиологических практик в рамках философии. Представлены исследования по экзистенциальной философии, философии общества и аксиологии культуры.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям и учащимся, деятелям культуры и образования – всем, кто обеспокоен вопросами гуманизма в его исконном и фундаментальном статусе, проблемой сохранения культурного многообразия общества, интересуется ментальной картиной мира, знаковыми реалиями разных социумов.

© Забайкальский государственный университет, 2021

Редактор О. Ю. Гапченко, редактор перевода В. М. Ерёмина, вёрстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 15.11.2021. Дата выхода в свет 18.11.2021

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура "Arial"

Способ печати оперативный. Заказ № 21163

Усл. печ. л. 13,7. Уч.-изд. л. 12,1. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.)

Цена свободная

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

The journal is registered

by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС 77-71267 of 10.10.2017

The journal

is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences:

- 07.00.02 – National history (historical sciences);
- 07.00.03 – Universal history (of the corresponding period) (historical sciences);
- 07.00.06 – Archeology (historical sciences);
- 07.00.07 – Ethnography, ethnology and anthropology (historical sciences);
- 07.00.09 – Historiography, source study and methods of historical research (historical sciences);
- 09.00.11 – Social philosophy (philosophical sciences);
- 09.00.13 – Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences);
- 10.01.01 – Russian literature (philological sciences);
- 10.01.10 – Journalism (philological sciences)

Journal Issue direction

Philosophical Sciences

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them may not necessarily reflect the views of the editorial board

Publication languages:

Russian, English, Chinese

The editorial board is guided by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Copyright, International Editorial Ethics Standards, Creative Commons license "Attribution"

("Attribution") 4.0 Universal

Subscription index of the journal
in "Press of Russia" **42407**

Editorial Board

Editor-in-chief

Erofeeva, Irina V., Doctor of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University (Chita, Russia)

Main Handling Editor

Subbotina, Nadezhda D., Doctor of Philosophy, Professor,
Transbaikal State University (Chita, Russia)

Executive Secretary of the Editorial Board

Sedina, Elena V., Candidate of Culturology, Transbaikal State
University (Chita, Russia)

Journal placement and indexing

E-library, Crossref, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Socionet, Znanium, BiblioRossica, Arbibcon, IVIS, KiberLeninka, University library online, IPRbooks.

The editorial policy of the journal focuses on the studies which examine the values of modern society - new and traditional, significant not only for the individual and specific society of different regions but also for the world culture as a whole in the face of challenges and threats of the technological revolution, crisis of cultures and their value bases, and the total digitalization of the world community.

The content of the issue presents an understanding of socio-cultural problems and axiological practices within the framework of philosophy. The issue includes the studies in existential philosophy, philosophy of society and axiology of culture.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university lecturers, students, workers in culture and education, everyone who is concerned about humanism in its original and fundamental status, the

problem of preserving the cultural diversity of society, and everyone who is interested in the mental picture of the world, sign realities of different societies.

© Transbaikal State University, 2021

Editor O. Yu. Gapchenko, Editor of the English Translation V. M. Eremina,
Make-up G. A. Zenkova

Signed to print 15.11.2021. Date of publication 18.11.2021

Format 60×84 1/8. Offset paper. Headset "Arial"

Operative printing. Order No. 21163

Conv. quires 13,7. Ed.-print quires 11,1. Circulation 1000 copies. (first impression 1–100 copies)

Free price

Printed by FSBEI HE "Transbaikal State University"
30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039

Члены редколлегии

- Алеврас Наталия Николаевна**, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия);
- Афанасьева Эльмира Маратовна**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (Москва, Россия);
- Базаров Борис Ванданович**, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия);
- Батмаз Вейзель**, доктор наук, профессор, Стамбульский университет, заведующий отделом методов исследования, факультет коммуникаций, кафедра связей с общественностью и рекламы (Стамбул, Турция);
- Бернюкевич Татьяна Владимировна**, доктор философских наук, профессор, Московский государственный строительный университет (национальный исследовательский университет) (Москва, Россия);
- Буржо Андре**, доктор социальных наук, академик, Национальный центр научных исследований Франции (Париж, Франция);
- Ванчикова Цымжит Пурбуевна**, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия);
- Воронченко Татьяна Викторовна**, доктор филологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Геруля Мариан**, доктор филологических наук, профессор, Институт политических наук и журналистики Силезского Университета в Катовице (Катовица, Польша);
- Гомбоева Маргарита Ивановна**, доктор культурологии, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Гончаров Юрий Михайлович**, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия);
- Граля Хероним**, доктор исторических наук, Варшавский университет (Варшава, Польша);
- Дербишева Замира Касымбековна**, доктор филологических наук, профессор, Кыргызско-Турецкий университет Манас (Бишкек, Киргизская Республика);
- Диев Владимир Серафимович**, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права НГУ (Новосибирск, Россия);
- Жуковская Наталья Львовна**, доктор исторических наук, Центр азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия);
- Захарова Елена Юрьевна**, доктор философских наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Зубарева Вера Климовна**, доктор филологических наук, профессор, Пенсильванский университет (Филадельфия, США);
- Изухо Масами**, доцент, Токийский столичный университет (Токио, Япония);
- Иизука Фуми**, доктор антропологии, Калифорнийский государственный университет (Калифорния, США);
- Камалова Алла Алексеевна**, доктор филологических наук, профессор, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне (Ольштын, Польша);
- Карасик Владимир Ильич**, доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия);
- Келли Бэрн**, доктор наук, профессор факультета театральных искусств, Университет Луисвилля (Кентукки, США);
- Ковтун Наталья Вадимовна**, доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (Красноярск, Россия);
- Константинов Александр Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Константинов Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Костырченко Геннадий Васильевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Москва, Россия);
- Куликова Елена Юрьевна**, доктор филологических наук, доцент, сектор литературоведения, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия);
- Лига Марина Борисовна**, доктор социологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Маслова Валентина Авраамовна**, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет (Витебск, Беларусь);
- Мисонжников Борис Яковлевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия);
- Новиков Александр Николаевич**, доктор географических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Петров Александр Юрьевич**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия);
- Пименова Марина Владимировна**, доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия);
- Розов Николай Сергеевич**, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия);
- Романова Екатерина Назаровна**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирское отделение РАН (Якутск, Россия);
- Саймонс Грег**, доцент, Центр российских и евразийских исследований (Уппсала, Швеция);
- Сонг Чжон Су**, профессор, Университет Чжунг-Анг, Институт зарубежной филологии (Сеул, Корея);
- Стровский Дмитрий Леонидович**, доктор политических наук, доцент, Ариэльский университет (Ариэль, Израиль);
- Сяобин Чжао**, доктор литературы, доцент, Хэбэйский университет (Баодин, КНР);
- Цэцэгма Жамбалын**, доктор исторических наук, профессор, Международный университет Их Засаг (Улан-Батор, Монголия);
- Черникова Ирина Васильевна**, доктор философских наук, профессор, Томский государственный университет (Томск, Россия);
- Шапошник Вячеслав Валентинович**, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия);
- Шевцов Вячеслав Вениаминович**, доктор исторических наук, Томский государственный университет (Томск, Россия)

Editorial Board

- Alevras, Natalya N.**, Doctor of History, Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia),
- Afnas'eva, Elmira M.**, Doctor of Philology, Chief Researcher, the Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);
- Bazarov Boris V.**, Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Veysel, Batmaz**, Istanbul University, Faculty of Communications, Head of Research Methods Branch, Public Relations and Advertising Department (Istanbul, Turkey);
- Bernyukevich, Tatiana V.**, Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (Moscow, Russia);
- Bourget, Andre**, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France);
- Vanchikova, Tsymzhit P.**, Doctor of History, Professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Voronchenko, Tatiana V.**, Doctor of Philology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Gierala, Marian**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Journalism Chair at the Institute of Political Science and Journalism of Silesia in Katowice (Katowice, Poland);
- Gomboeva, Margarita I.**, Doctor of Culturology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Goncharov, Yurii M.**, Doctor of History, Professor, Altai State University (Barnaul, Russia);
- Grala, Hieronim**, Doctor of History, Warsaw University (Warsaw, Poland);
- Derbisheva, Zamira K.**, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyz Republic);
- Diev, Vladimir S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia);
- Zhukovskaya, Natalya L.**, Doctor of History, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Zakharova, Elena Yu.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Zubareva, Vera K.**, Doctor of Philology, Professor, University of Pennsylvania (Philadelphia, USA);
- Izuho Masami**, Associate Professor, Tokyo Metropolitan University (Tokyo, Japan);
- Izuka Fumie**, Doctor of History, Anthropology, California State University (California, USA);
- Kamalova, Alla A.**, Doctor of Philology, Professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Olsztyn, Poland);
- Karasik, Vladimir I.**, Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Social and Pedagogical University (Volgograd, Russia);
- Kelly Baron**, Doctor of Sciences, Associate Professor, University of Louisville (Kentucky, USA);
- Kovtun, Nataliya V.**, Doctor of Philology, Professor, Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia);
- Konstantinov, Aleksandr V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Konstantinov, Mikhail V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Kostyrchenko, Gennady V.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Kulikova, Elena Yu.**, Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Liga, Marina B.**, Doctor of Sociology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Maslova, Valentina A.**, Doctor of Philology, Professor, Vitebsk State University (Vitebsk, Belarus);
- Misonzhnikov, Boris Ya.**, Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Novikov, Aleksandr N.**, Doctor of Geography, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Petrov, Aleksandr Yu.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Pimenova, Marina V.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia);
- Rozov, Nikolai S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Romanova, Ekaterina N.**, Doctor of History, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia);
- Simons Greg**, Associate Professor at Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies Box (Uppsala, Sweden);
- Song Chon Su**, Professor, Chung-Ang University, Foreign Philology Institute (Seoul, Korea);
- Strovsky, Dmitry L.**, Doctor of Political Science, Associate Professor, Ariel University (Ariel, Israel);
- Xiaobing Zhao**, Doctor of Literature, Associate Professor, Hebei University (Baoding, People's Republic of China);
- Tsetsegma Zhambalyn**, Doctor of History, Professor, 1st Vice Rector, Ikh Zasag International University (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Chernikova, Irina V.**, Doctor of Philosophy, Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia);
- Shaposhnik, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Associate Professor, Department of History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Shevtsov, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Содержание

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

<i>Дедолко Ю. В.</i> Эволюция концепции человеческого капитала в контексте динамики этапов научного познания	8
<i>Ерохин В. С.</i> Соотношение нормативности и коммуникации в бытии личности	18
<i>Фатенков А. Н., Грехов А. В.</i> Общественное сознание в реалиях IT-цивилизации	25
<i>Федотова М. Г.</i> Маргинальная реальность юмора	36

АКСИОЛОГИЯ СОЦИУМА

<i>Изуткин Д. А.</i> Человеческое достоинство и рационализация современной медицины в аспекте биомедицинских технологий	43
<i>Полюшкевич О. А.</i> Современное прочтение социологии морали	50
<i>Смирнова О. В., Кононов А. А.</i> Разграничение права и морали в правовом позитивизме: социально-философский аспект	59

МЕНТАЛЬНОЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА

<i>Зимина Н. С.</i> Проблема идентичности человека в трансграничном социокультурном пространстве	69
<i>Кирчанов М. В.</i> Фантастический кинематограф как одна из форм локализации военных образов в американской массовой культуре.....	77
<i>Субботина Н. Д.</i> Соотношение естественного и социального во внутригрупповых и межгрупповых отношениях в ситуации межэтнических конфликтов	87
<i>Чистанов М. Н., Еремин Л. В.</i> Современные городские диаспоры: факторы социальной динамики (на примере тувинской диаспоры в г. Абакане)	99

УГОЛ ЗРЕНИЯ

<i>Сериков А. Е.</i> Страхование как аналог отбора кандидатов в жертвы в контексте проблемы универсальности человеческого жертвоприношения	106

CONTENTS

HUMANISTIC TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF SOCIETY

Dedolko Ju. V. Human Capital Concept Evolution in the Context of Scientific Knowledge Stages Dynamics.....	8
Erokhin V. S. The Relationship Between Normativity and Communication in the Being of a Person	18
Fatenkov A. N., Grekhov A. V. Social Consciousness in the Realities of IT-Civilization	25
Fedotova M. G. The Marginal Reality of Humor	36

AXIOLOGY OF SOCIETY

Izutkin D. A. Human Dignity and Rationality of Modern Medicine in the Aspect of the Biomedical Technologies	43
Polyushkevich O. A. Modern Reading of the Sociology of Morality	50
Smirnova O. V., Kononov A. A. The Distinction Between Law and Morality in Legal Positivism: Socio-Philosophical Dimension	59

MENTAL AND SOCIOCULTURAL SPACE OF THE REGION

Zimina N. S. The Problem of Human Identity in a Transboundary Sociocultural Space.....	69
Kyrchanoff M. W. SciFi Cinema as one of Spatial Localizations of Military Images in American Mass Culture	77
Subbotina N. D. The Relationship of the Natural and the Social in Intragroup and Intergroup Relations в ситуации межэтнических конфликтов	87
Chistanov M. N., Eremin L. V. Modern Urban Diasporas: Factors of Social Dynamics (on Materials of Tuva Diaspora in the City Of Abakan).....	99

POINT OF VIEW

Serikov A. E. Insurance as an Analogue of the Candidates Selection for Sacrifice in the Context of the Problem of Human Sacrifice Universality	106

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

HUMANISTIC TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF SOCIETY

УДК 101.1:3163+141.319.8

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-8-17

Юлия Владимировна Дедолко,
Белорусский государственный университет
(г. Минск, Республика Беларусь),
e-mail: dedolko@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-4991-5610>

Эволюция концепции человеческого капитала в контексте динамики этапов научного познания

В статье исследуется концепт «человеческий капитал», его генезис и развитие в контексте динамики философского и научного познания. Формирование теоретического конструкта «человеческий капитал» вызвано переходом общества на постиндустриальный этап развития. Актуальность исследования продиктована увеличением доли человеческого капитала в структуре современного общественного воспроизводства. Теоретико-методологическим базисом исследования послужили философские трактаты Аристотеля, Фомы Аквинского, Т. Гоббса и др.; работы классиков политэкономии У. Петти, Дж. С. Милля, А. Смита, К. Маркса; анализ идей Ф. Тейлора, Г. Форда, Дж. Минсера, Т. Шульца, Г. Беккера и др.; статьи российских и белорусских экономистов Р. М. Нуреева, Ю. В. Латова, Р. И. Капелюшниковой, М. М. Ковалёва, Е. Г. Господарик. Эмпирическая база – доклады Всемирного банка, доклады о развитии человека ООН. Анализ литературы позволил выявить тенденцию экономизма или экономического редуционизма в исследованиях человеческого капитала, в силу чего мы можем зафиксировать недостаточность использования системного подхода и трансдисциплинарной методологии. Анализ литературы выявил недостаточный интерес к проблеме человеческого капитала в философском познании, несмотря на то, что данная концепция затрагивает аксиологические и экзистенциальные аспекты человеческого бытия. Цель исследования – философско-методологическое исследование концепта «человеческий капитал» и выявление статуса человеческого капитала в структуре ресурсов постиндустриального общества. Для достижения поставленной цели использованы метод историко-философской реконструкции, принципы системного и трансдисциплинарного подходов. Выявлена взаимосвязь между этапами социально-экономического развития общества и трансформацией ресурсов в направлении их дематериализации. Выделены четыре этапа эволюции концепции «человеческий капитал» в рамках парадигмы динамики науки философа и методолога В. С. Стёпина. Обоснован амбивалентный статус концепции в научном познании и общественном сознании. Выявлен значительный ресурсный потенциал человеческого капитала на постиндустриальном этапе развития общества.

Ключевые слова: человеческий капитал, нематериальные ресурсы, общественное воспроизводство, постиндустриальное общество, динамика науки

Благодарность: Исследование выполнено в рамках НИР кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета, НИР № 20162537 «Методологические программы современной философии и социально-гуманитарного познания».

© Дедолко Ю. В., 2021

Julia V. Dedolko,
Belarusian State University
(Minsk, Belarus),
e-mail: dedolko@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-4991-5610>

Human Capital Concept Evolution in the Context of Scientific Knowledge Stages Dynamics

The article studies the human capital concept genesis and development in the context of philosophical and scientific knowledge dynamics. Society transformation to the post-industrial stage of social development led to the foundation of human capital theoretical conception. The relevance of the paper was dictated by the increasing human capital volume in the structure of modern social reproduction. The theoretical and methodological bases of the research are philosophical treatises of Aristotle, Thomas Aquinas, T. Hobbes; political economy classics works by W. Petty, J. S. Mill, A. Smith, K. Marx; ideas analysis by F. Taylor, H. Ford, J. Minser, T. Schultz, G. Becker and others; articles by Russian and Belarusian economists like R. M. Nureev, Yu. V. Latov, R. I. Kapelyushnikov, M. M. Kovalev, E. G. Gospodarik. The empirical base is World Bank reports, human development reports of the UN. Analysis of literature revealed insufficient interest in human capital in the philosophical knowledge field, despite the fact that the concept related to axiological and existential aspects of human existence. The purpose of the paper was to perform philosophical and methodological research of the human capital concept, and identification of human capital status in post-industrial society resources structure. Historical and philosophical reconstruction methods, principles of systemic and transdisciplinary approaches were used to achieve the goal. The relationship between stages of social-economic society development and resources dematerialization was revealed. Four development stages of the human capital concept in the paradigm of science dynamics by V. S. Stepin were highlighted. The ambivalent status of the concept in scientific knowledge and public consciousness was substantiated. The significant resource potential of human capital at the post-industrial stage of society development was revealed.

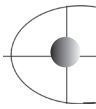
Keywords: human capital, intangible resources, social reproduction, post-industrial society, dynamics of science

Acknowledgment: The research was performed within scientific research work by the Department of Philosophy and Methodology of Science of the Belarusian State University, Research Work No. 20162537 "Methodological programs of modern philosophy and social and humanitarian knowledge".

Введение. Концепция человеческого капитала исследуется в контексте социально-гуманитарного познания с середины XX в. с позиции дисциплинарного и междисциплинарного подходов, а также как теоретический конструкт и особый феномен в условиях постиндустриального этапа общественного развития. Основоположниками концепции (А. Пигу, А. Льюис, Дж. Минсер, Т. Шульц, Г. Беккер) концепт "human capital" предложен для определения экономической эффективности образования в рамках теории рационального выбора. Формирование данного теоретического конструкта актуализировано переходом общества на постиндустриальный этап развития, сопровождавшегося усложнением производственных процессов индустриального сектора, развитием коммуникационных и информационных отраслей, интенсивным развитием третичного сектора экономики. Концепция человеческого капитала позволила выявить ресурсный статус образования на микро- и макроуровнях; применить отдельные принципы экономического подхода к исследованию человеческого поведения; путём формирования

индекса человеческого развития определять уровень развития национальных и мировой экономик; стимулировать инвестирование в образование и здравоохранение. Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления статуса нематериальных ресурсов в структуре постиндустриального воспроизводства и роли человеческого капитала как важнейшего фактора и показателя всестороннего развития общества.

Теоретико-методологическим базисом исследования являются философские трактаты, в которых поднимается проблема человеческого труда таких мыслителей, как Аристотель, Ф. Аквинский, Т. Гоббс, А. Дестют де-Траси и др.; работы классиков политэкономии У. Петти, Дж. С. Милля, А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса; анализ идей зарубежных исследователей, внёсших вклад в становление и разработку концепции, Н. Сениора, Ф. Тейлора, Г. Форда, Й. Шумпетера, А. Пигу, А. Льюиса, Дж. Минсера, Т. Шульца, Г. Беккера, С. Марума, М. Спенса, Дж. Стиглица и др.; российских и белорусских экономистов Р. М. Нуреева, Ю. В. Латова, Р. И. Капелюш-

никова, М. М. Ковалёва, Е. Г. Господарик и др. Эмпирической базой для выявления статуса и ресурсного потенциала человеческого капитала и анализа его динамики в современных обществах послужили доклады Всемирного банка, доклады о развитии человека ООН. Анализ литературы позволил выявить тенденцию экономизма (экономического редукционизма) в исследованиях человеческого капитала, в силу чего мы можем зафиксировать недостаточность использования системного подхода и трансдисциплинарной методологии в изучении данного многогранного феномена, выходящего далеко за рамки чисто экономического интереса.

Методология и методы исследования. Данным обстоятельством обусловлен выбор методологии исследования, базирующейся на методе историко-философской реконструкции с включением принципов системного и трансдисциплинарного подходов. Цель статьи – философско-методологическое исследование концепта «человеческий капитал» и выявление статуса человеческого капитала в структуре ресурсов постиндустриального общества. Для достижения цели поставлены задачи по выявлению предпосылок формирования и эволюции концепта «человеческий капитал» в контексте динамики философского и научного познания, фиксации специфики существующих методологических подходов к трактовке и оценке человеческого капитала как ресурса, определению основных параметров структуры человеческого капитала.

Результаты исследования и их обсуждение. Историко-философская реконструкция выявила, что в эпохи Античности и Средневековья проблема ценности человеческого труда как таковая не стояла, поскольку тогда преобладал принудительный рабовладельческий и феодальный труд. В античной классике наличие интереса к проблеме труда прослеживается в трудах Аристотеля [1]. В Средневековье – в трудах Ф. Аквинского, где различные формы трудовой деятельности трактовались с моральной точки зрения на предмет их соответствия церковным канонам [2]. В периоды Ренессанса и Реформации произошёл расцвет прикладных наук и творческих ремёсел, трансформация цехового производства в мануфактурное, возникла протестантская этика, которая в ранг новых цен-

ностей возвела бережливость, трудолюбие, предприимчивость – качества, востребованные формирующимся капиталистическим обществом.

Следствием урбанизации и роста производственных мануфактур стал расцвет торговли, в том числе международной. В силу этого внимание представителей зарождавшегося экономического познания, меркантилистов, было сфокусировано на сфере обмена. Физиократы, в свою очередь, труд в сфере торговли считали непроизводительным, а источником богатства называли земледелие. Взгляды мыслителей этих эпох относятся к периоду преднауки и обладают характерными для него признаками (обобщение практического опыта, прикладной характер, отсутствие системности, эмоциональная и морально-этическая нагруженность). Опираясь на парадигму типов научной рациональности В. С. Стёпина [3; 4], мы можем констатировать, что в этот период зафиксирована универсалия «труд» в обыденном сознании и языке, в сферах нравственности, философии, религии, политике, а также предприняты первые попытки относительно систематизированных исследований экономических феноменов в рамках меркантилизма и физиократии, но труд как таковой не был объектом специального изучения.

В Новое время проблема стоимости труда актуализировалась по причине развития промышленности и трансформации структуры общественного воспроизводства. Т. Гоббс затрагивал проблему ценности человека: «Стоимость, или ценность, человека, подобно всем другим вещам, есть его цена, т. е. она составляет столько, сколько можно дать за пользование его силой, и поэтому является вещью не абсолютной, а зависящей от нужды в нём и оценки другого» [5, с. 59]. У. Петти, один из основоположников классической политэкономии, исследовал категорию «живые действующие силы человека» и предпринял попытку подсчёта стоимости человеческих ресурсов современной ему Англии, которые он оценил значительно выше – почти в два раза – вещественной составляющей её национального богатства [6]. А. Смит, анализируя капитал, обратил внимание на потенциал способностей, знаний, навыков людей в общественном воспроизводстве и назвал их «основным капиталом личности и частью

богатства общества», облегчающими труд, требующими издержек на формирование и возмещаемыми впоследствии с прибылью [7]. Французский философ и экономист А. Дестют де-Траси считал, что физические и моральные способности человека являются его единственным первоначальным богатством [цит. по: 8]. Дж. С. Милль отмечал: «Самого человека <...> я не рассматриваю как богатство. Но его приобретенные способности, которые существуют лишь как средство и порождены трудом, с полным основанием, я считаю, попадают в эту категорию» [9, с. 139]. Он причислял мастерство и трудолюбие рабочих к богатству страны наравне с техникой. Английский экономист Н. Сениор считал, что человек представляет собой капитал с затратами на содержание, которые вкладываются в него с ожиданием получения будущей выгоды [10].

Значительное внимание роли труда в процессе возрастания стоимости и приращения капитала уделяли классики политэкономии А. Смит, Д. Риккардо, К. Маркс [7; 8; 11]. Маркс полагал, что «капитал возникает лишь там, где владелец средств производства и жизненных средств находит на рынке свободного рабочего в качестве продавца своей рабочей силы...» [11, с. 156]. Как и А. Смит, К. Маркс считал, что получение подготовки и навыков в определенной отрасли труда требует от рабочих образования или воспитания, принимающих форму издержек, эквивалентных некоторой сумме товаров и различных в зависимости от конечной квалификации рабочей силы. Рабочий является собственником своей личности и способности к труду и распоряжается ей как товаром, который он выносит на рынок труда. Рабочая сила имеет стоимость, определяющуюся рабочим временем, включающим в себя издержки на подготовку и выработку трудовых навыков, образование и воспитание. Спецификой рабочей силы как товара является то, что определение её стоимости включает в себя «исторический и моральный элемент». Таким образом, в период Нового времени совершён переход к научному осмыслению и ко второму уровню философской рефлексии, когда смыслообраз мировоззренческой универсалии «труд» трансформировался в понятие классической политэкономии.

Особое внимание к проблеме эффективности человеческого труда сформирова-

лось в начале XX в. с появлением конвейерного производства и систем научной организации труда. Базис научной организации труда заложен американским инженером Ф. Тейлором, который сформулировал четыре принципа системы, получившей название «тейлоризм»: 1) дифференциация функций управления и исполнения; 2) принцип служебной иерархии; 3) упрощение трудовых операций и максимальная специализация работников; 4) чёткая регламентация трудового поведения [12]. Цель состояла в обучении персонала методам работы на узкоспециализированном оборудовании, обслуживающем конвейерное крупносерийное производство. Новшеством системы Ф. Тейлора стало внедрение научного подхода в трудовой процесс с целью максимизации эффективности человеческих ресурсов. Г. Форд, олицетворявший фигуру предпринимателя-инноватора Й. Шумпетера, осознавал значимость как технических, так и организационных инноваций [13; 14]. Г. Форд возвёл специализацию на конвейерном производстве в высшую степень, подчинив человека требованиям техники, что интенсифицировало процесс отчуждения человека, превращая его в постепенно деградирующий придаток машины. С другой стороны, он высоко ценил роль опыта и индивидуальных склонностей людей, привлекал лучших сотрудников с предприятий-конкурентов, инвестировал средства в образование рабочих, заботился о технике безопасности и медобслуживании, понимал важность частной жизни и досуга рабочих, принимал меры для повышения уровня жизни их семей. Можно сказать, что Г. Форд активно инвестировал в человеческий капитал своего предприятия.

Дальнейшее научно-техническое развитие подготовило почву для автоматизированного производства. Узкоспециализированный работник конвейерного производства, выполнявший набор стандартизированных и регламентированных операций, не удовлетворял требованиям, предъявляемым к специалисту, обслуживающему автоматические производственные механизмы, в силу чего сформировались новые запросы к уровню образования и компетенций работников, актуализировалась потребность в обладании теоретическими и научными знаниями. По мере роста автоматизации труда, развития телекоммуникационных и информационных технологий сокращался

процент людей, задействованных в промышленности, увеличивался сектор услуг, приходило осознание, что информация и знания являются значимыми ресурсами. В контексте происходящих изменений в сфере общественного воспроизводства в социальном познании разрабатывалась концепция постиндустриального общества. Базисом концепции стали: трёхсекторная модель общественного производства, сформировавшаяся в 40–50-х гг. XX в. (А. Фишер, К. Кларк и Ж. Фурастье), подразделившая экономику на первичный (сырьевые добывающие отрасли, сельское, лесное, рыбное хозяйство), вторичный (обрабатывающая промышленность и строительство) и третичный (сфера услуг, образование, туризм) сектора; теория стадий экономического роста У. Ростоу [15–18].

Сформировавшиеся в классической экономической теории суждения о том, что рабочая сила представляет собой однородный взаимозаменяемый ресурс, один из трёх факторов производства, стали подвергаться сомнению в развитых странах именно в 1950-х гг., когда третичный сектор, требовавший креативности работников, а не просто механического повторения трудовых операций, начал производить больше, чем вторичный. Д. Белл отметил утрату индустриальным сектором ведущей роли в экономике, подчеркнув, что основной производительной силой становится наука, а потенциал развития общества определяется информацией и знаниями, носителем которых выступает человек [19]. Р. М. Нуреев и Ю. В. Латов полагают, что «...к 1960-м годам само развитие экономики создало онтологические предпосылки для формирования концепций “человеческих ресурсов” как главной разновидности экономических ресурсов» [20, с. 139].

Термин «человеческий капитал» в экономической теории не использовался из-за негативной коннотации до опубликования работ ряда американских экономистов: А. Пигу [21; 22]; А. Льюиса [23]; Дж. Минсера [24]. Определяющий вклад в закрепление понятия «человеческий капитал» внёс Дж. Минсер. Опираясь на теоретическую модель свободного рационального выбора А. Смита, он трактовал образование как результат свободного выбора, учитывающего длительность периода обучения, и обосновал динамику распределения доходов раз-

личиями инвестиций в человеческий капитал. Дж. Минсер зафиксировал положительную корреляцию между сроком обучения и индивидуальными способностями личности, опытом и производительностью труда, уровнем компетенций и доходами. Используя статистические данные США первой половины XX в., он пришёл к выводу, что при сопоставимом уровне образования и опыта существует неравенство в уровне доходов, на который влияет расовая или национальная принадлежность, пол, семейный статус, размер города, что свидетельствует о наличии дискриминации в оплате труда.

Идеи Дж. Минсера были развиты Т. Шульцем и Г. Беккером. Т. Шульц, исследуя процессы функционирования экономик капиталистических стран после Второй мировой войны, выявил, что быстрые темпы восстановления Западной Германии и Японии, помимо прочих факторов, связаны с уровнем образования и здоровья населения, опровергнув тем самым сложившийся в экономической теории роста стереотип о том, что образование является затратным фактором [25]. Г. Беккер разработал микроэкономические основания концепции человеческого капитала и модель расчёта экономической эффективности образования, опираясь на идею рационального выбора А. Смита, произвёл демаркацию человеческого капитала на «конкретный» (полезный одному работодателю или отрасли, в силу чего рисковый) и «общий» (полезный для всех работодателей) [26]. Ключевыми нововведениями Г. Беккера, согласно Р. И. Капелюшникову, стали: анализ показателей за весь период жизнедеятельности индивидов; влияние инвестиционных факторов на поведение людей на рынке труда; обоснование человеческого времени в качестве ценнейшего экономического ресурса [27]. Благодаря концепции человеческого капитала образование стало рассматриваться не в качестве затратного фактора, а как один из источников экономического роста. Достоинством разработок Дж. Минсера, Т. Шульца и Г. Беккера стало применение междисциплинарной методологии исследований, что соответствовало неклассическому этапу развития науки.

Во второй половине XX в., в соответствии с трендами постнеклассической научной рациональности, актуализировался прикладной аспект концепции, выраженный

в разработке моделей расчёта эффективности человеческого капитала в структуре экономического роста государств. Для расчёта вклада человеческого капитала в экономический рост в настоящее время используются несколько моделей. В модели Т. Шульца производится расчёт вклада образования в валовой внутренний продукт путём произведения прироста человеческого капитала, представляющего собой суммарную стоимость инвестиций в него, на норму его отдачи [25]. Модель американских экономистов Г. Мэнкью, Д. Ромера и Д. Вейла позволяет рассчитывать человеческий капитал по доле населения, имеющего среднее школьное образование [28]. В модели Э. Деннисона расчёт вклада образования на рост экономики производится путём умножения прироста рабочей силы на разницу между заработками работников с разным уровнем образования [29].

Существует модель Р. Нельсона и Э. Фелпса, согласно которой темп технологического развития страны определяется не только уровнем образования, но и разницей между теоретическим знанием и его прикладным использованием [30]. В модели К. Эрроу ключевым фактором влияния человеческого капитала на экономический рост является аккумуляция совокупного профессионального опыта, как производственных работников, так и менеджеров-предпринимателей [31]. Использование данных моделей на практике сопряжено с рядом проблем. В частности, белорусские экономисты М. М. Ковалёв и Е. Г. Господарик к ним относят: 1) акцент на уровне образования, как определяющем факторе человеческого капитала, при этом прирост человеческого капитала оценивается по инвестициям в образование и высчитывается произведением прироста численности специалистов на стоимость их обучения; 2) определение степени влияния человеческого капитала на рост валового внутреннего продукта по сравнению с другими сопутствующими факторами производится по остаточному принципу (остаток Солоу), когда на долю человеческого капитала относят ту часть роста, которую нельзя определить факторами труда и капитала [32]. Наиболее актуальной моделью расчёта экономического роста в долгосрочной перспективе с учётом фактора человеческого капитала в настоящее время считается модель Р. Барро. Она учитывает:

человеческий капитал как совокупность образования, здоровья и уровня рождаемости нации; качество государственного управления, базирующееся на соблюдении политических прав и демократических свобод, а также монетарной стабильности; уровень дохода на душу населения [33].

Анализ структуры современного мирового хозяйства показывает, что в целом его можно охарактеризовать как постиндустриальное. Несмотря на это, сохраняется неравенство в темпах развития различных регионов. Для африканских и ближневосточных стран характерна аграрная и сырьевая структура хозяйства (около 50 % ВВП), для государств Восточной Европы, Азии и Латинской Америки – индустриальная с тенденцией перехода к постиндустриальной. Лидерами постиндустриального развития являются страны Западной Европы, США и Япония, где на долю непроизводственного сектора экономики приходится в среднем 70 % ВВП. Структура общемирового богатства на 10 % состоит из природного капитала, на 25 % – из материального, на 70 % – из человеческого¹. Эффективное развитие человеческого капитала особенно важно в условиях дефицита материального капитала (природных, финансовых, производственных ресурсов).

Значение человеческого капитала отражено в трансформации структуры отчётов всемирных организаций к сравнительной оценке экономического развития стран мира. ООН ежегодно публикует Доклад о человеческом развитии, где оцениваются темпы формирования человеческого капитала. Показателем является Индекс человеческого развития (HDI), методика расчёта которого включает индексы ожидаемой продолжительности жизни, образования и дохода [34]. Положительная динамика данных индексов в течение длительного периода в целом отражает рост индекса человеческого развития. Поскольку уровень человеческого развития является важнейшим фактором экономического развития наций в долгосрочном периоде, макроэкономическая политика современных государств должна содержать меры по развитию человеческого капитала. С. Марум считает, что макроэкономические

¹ Краснушкина Н. Мир стал богаче, но не равнее: Всемирный банк оценил благосостояние наций. – Текст: электронный // Коммерсантъ. – 2018. – 31 янв. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3534675> (дата обращения: 18.03.2021).

возможности управления человеческим капиталом включают три фактора: 1) развитие имеющихся талантов, 2) их продуктивное использование и 3) привлечение талантов из внешних источников. Совокупное использование этих факторов положительным образом влияет на конкурентоспособность человеческого капитала организаций и государства в целом [35].

В 2010 г. методика расчёта индекса человеческого развития была скорректирована и представляла собой среднегеометрический показатель нормированных индексов по следующим критериям: ожидания средней продолжительности жизни; образования; валового внутреннего продукта по паритету покупательной способности на душу населения. В 2019 г. Всемирный банк опубликовал индекс человеческого капитала (HCI), являющийся показателем экономического успеха и ранжирующий страны по количеству средств, инвестируемых в образование и здравоохранение, поскольку существует прямая пропорциональная зависимость между этими инвестициями, производительностью и заработком рабочей силы, что в целом приводит к созданию более высокого уровня благосостояния и сильной экономики. В докладе Всемирного банка отмечается, что современным государствам необходимо больше и эффективнее инвестировать в своих граждан, поскольку в периоды технологических изменений инвестиции в человеческий капитал и навыки решения проблем особенно важны¹.

Опираясь на историческую реконструкцию и философско-методологический анализ процессов формирования концепции человеческого капитала, можно выделить четыре этапа её развития: 1) довольно длительный этап (от Античности до начала Нового времени) включённости проблемы осмысления человеческого труда в философский дискурс, характеризующийся влиянием мировоззренческих установок, морально-нравственным и религиозным пафосом в отношении труда [1; 2; 5]; 2) период классической науки, в частности, политэкономии (XVIII – первая половина XIX в.), где труд и способность к нему, а также знания,

умения, навыки уже осмысляются как элементы капитала и включаются в его состав [6–11]; 3) первая половина XX в. – период неклассической науки – становление и разработка собственно концепции человеческого капитала, методик его оценки, рекомендаций по использованию и развитию [21–26]; 4) вторая половина XX в. по настоящее время – период постнеклассической науки – акцентирование прикладного характера исследований человеческого капитала, его статуса в структуре общественного воспроизводства, влияния на социальное и экономическое развитие национальных и мировой экономик [28–31; 33–35]. Данные этапы позволяют проследить генезис и развитие концепции человеческого капитала в рамках парадигмы динамики науки В. С. Стёпина.

В настоящее время концепция человеческого капитала активно развивается, в том числе и по причине её дискуссионного статуса, в силу того, что исследователи, не оспаривая в целом её базовых положений, предлагают собственный набор параметров, характеризующих человеческий капитал. К примеру, К. Свейби² и Т. Стюарт [36] подразделяют человеческий капитал на ряд компонентов для анализа, включая в его состав социальный, эмоциональный и образовательный капиталы, называя их в целом интеллектуальным капиталом, или «нематериальными активами». П. Бурдьё разработал концепцию культурного капитала, которая по своему содержанию схожа с концепцией человеческого капитала, а также выявил влияние социального и символического капиталов на уровень доходов [37]. В состав человеческого капитала включают способности или талант, индивидуальный характер, здоровье и полезные привычки, престиж полномочий, социальные связи. Поэтому в современном виде концепция человеческого капитала становится бесконечно эластичной, включая в себя дополнительные и порой неизмеримые переменные. Американский экономист М. Спенс критикует концепцию человеческого капитала за то, что с её помощью объясняются все различия в заработной плате и в качестве альтернативы предлагает теорию рыночных сигналов [38].

¹ The changing nature of work: a World Bank Group flagship report. – Текст: электронный // The World Bank. – Washington: International Bank for Reconstruction and Development, 2019. – URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/816281518818814423/pdf/2019-WDR-Report.pdf> (дата обращения: 18.03.2021).

² Sveiby K.-E. Measuring Intangibles and Intellectual Capital – An Emerging First Standard. – URL: <https://www.sveiby.com/files/pdf/measuring-intangibles-and-intellectual-capital.pdf> (дата обращения: 18.03.2021). – Текст: электронный.

Заключение. Концепция человеческого капитала амбивалентна. С одной стороны, тенденции современного этапа развития общества вынуждают нас признать человека с его знаниями, способностями, умениями и навыками главным ресурсом и фактором прогресса постиндустриальной цивилизации. С другой стороны, усилиями неоклассической экономической школы, тяготеющей к экономическому империализму, возникает опасность тотальной дегуманизации, начало которой было зафиксировано ещё К. Марксом в феномене последовательного отчуждения человека. В 2005 г. немецкие лингвисты сочли термин «человеческий капитал» неуместным и бесчеловечным, поскольку он унижает работников компаний, классифицируя их

с позиции экономической значимости, в силу чего производится первичная экономическая оценка всех жизненных ориентиров¹. Несмотря на отсутствие единодушия в оценке статуса концепции в академической среде и общественном сознании, менеджерами-практиками и институтами масштаба ООН и Всемирного банка признано, что человеческий капитал жизненно важен для успеха организаций и государств. Человеческий капитал возрастает в первую очередь благодаря образованию и опыту, поэтому важнейшей задачей управления на всех уровнях является всестороннее развитие людей и интенсификация политики, направленной на повышение инноваций и знаний в качестве экономического пути к дальнейшему процветанию.

Список литературы

1. Аристотель. Политика. М.: Эксмо, 2015. 160 с.
2. Фома Аквинский. Сумма теологии: в 9 т. Т. 8. Ч. 2.2. Вопросы 47–122. Киев: Ника-Центр, 2013. 832 с.
3. Стёпин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура / Рос. акад. наук, Ин-т философии, Нац. акад. наук Украины, Центр гум. образования; отв. ред.: Л. П. Киященко, В. С. Степин. СПб., 2009. С. 249–295.
4. Стёпин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 743 с.
5. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. 478 с.
6. Петти У. Экономические и статистические работы. М.: Соцэкгиз, 1940. Т. 1–2. 324 с.
7. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2009. 956 с.
8. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. М.: Эксмо, 2016. 1040 с.
9. Милль Дж. С. Основы политической экономии: в 3 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1980. 495 с.
10. Senior N. W. Four introductory lectures on political economy, delivered before the University of Oxford. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1852. 76 p.
11. Маркс К. Капитал: в 3 т. Т. 1–2. М.: АСТ, 2001. 564 с.
12. Тейлор Ф. У. Принципы научного менеджмента. М.: Контроллинг, 1991. 104 с.
13. Форд Г. Моя жизнь и моё дело. М.: Концептуал, 2019. 288 с.
14. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития: исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры. М.: Прогресс, 1982. 455 с.
15. Fisher A. G. B. Production, primary, secondary and tertiary // Economic Record. 1939. Vol. 15, is. 1. Pp. 24–38.
16. Clark C. The Conditions of Economic Progress. London: Macmillan, 1940. 504 p.
17. Fourastié J. Le Grand Espoir du XXe siècle: Progrès technique, progrès économique, progrès social. Paris: Presses Universitaires de France, 1949. 380 p.
18. Rostow W. W. The Stages of Economic Growth // The Economic History Review. New Series. 1959. Vol. 12, no. 1. Pp. 1–16.
19. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 2004. 788 с.
20. Нуреев Р. М. Человеческий и социальный капитал как основа современной экономики // Этап: экономическая теория, анализ, практика. 2010. № 5. С. 139–154.
21. Pigou A. C. The Economics of Welfare. 4th edition. London: MacMillan and Co., Ltd., 1932. 837 p.
22. Pigou A. C. A study in public finance. London: Macmillan, 1928. 323 p.
23. Lewis W. A. Economic development with unlimited supplies of labour. Manchester: University of Manchester, 1954. URL: <https://la.utexas.edu/users/hcleaver/368/368lewistable.pdf> (дата обращения: 18.03.2021). Текст: электронный.
24. Mincer J. Investment in human capital and personal income distribution // Journal of Political Economy. 1958. Vol. 66, no. 4. Pp. 281–302.

¹ «Humankapital» ist Unwort des Jahres. – Текст: электронный // Der Spiegel. – 2005. – 18 Jan. – URL: <https://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/sprache-humankapital-ist-unwort-des-jahres-a-337259.html> (дата обращения: 18.03.2021).

25. Schultz T. W. Investment in Human Capital // The American Economic Review. 1961. Vol. 51. Pp. 1–17.
26. Беккер Г. С. Человеческое поведение. Экономический подход. М.: Гос. ун-т Высш. шк. экономики, 2003. 671 с.
27. Капелюшников Р. И. Экономический подход Гэри Беккера к человеческому поведению. Текст: электронный // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 11. URL: <http://www.libertarium.ru/68397> (дата обращения: 18.03.2021).
28. Mankiw G., Romer D., Weil D. A Contribution to the Empirics of Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. 1992. Vol. 107. May. Pp. 407–437.
29. Денисон Э. Исследование различий в темпах экономического роста. М.: Прогресс, 1971. 646 с.
30. Nelson R. R., Phelps, E. S. Investment in Humans, Technological Diffusion, and Economic Growth // American Economic Review. 1966. Vol. 56, no. 1–2. Pp. 69–75.
31. Arrow K. The Economic Implications of Learning by Doing // Review of Economic Studies. 1962. Vol. 29, no. 3. Pp. 155–173.
32. Ковалёв М. М., Господарик, Е. Г. Человеческий капитал – фундамент экономики знаний // Проблемы управления. 2011. № 3. С. 46–56.
33. Барро Р. Дж. Экономический рост. М.: БИНОМ: Лаборатория знаний, 2010. 824 с.
34. Haq Mahbub ul. Reflections on human development: how the focus of development economics shifted from national income accounting to people-centred policies, told by one of the chief architects of the new paradigm. New York; Oxford: Oxford University Press, 1995. 252 p.
35. Mahroum S. Highly skilled globetrotters: mapping the international migration of human capital // R and D Management. 2000. Vol. 30, no 1. Pp. 23–32.
36. Стюарт Т. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 372–400.
37. Бурдьё П. Формы капитала. Текст электронный // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (дата обращения: 18.03.2021).
38. Spence M. Job market signalling // Quarterly Journal of Economics. 1973. Vol. 87, no. 3. Pp. 355–374.

Статья поступила в редакцию 21.04.2021; принята к публикации 25.05.2021

Сведения об авторе

Дедолко Юлия Владимировна, старший преподаватель, Белорусский государственный университет; 220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр-т Независимости, 4; e-mail: dedolko@bsu.by; <https://orcid.org/0000-0002-4991-5610>.

Библиографическое описание статьи

Дедолко Ю. В. Эволюция концепции человеческого капитала в контексте динамики этапов научного познания // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 5. С. 8–17. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-8-17.

References

1. Aristotle. Politics. M: Ehksmo, 2015. (In Rus.)
2. Aquinas, Th. The sum of theology. V 9 t. T. 8. Chast' 2.2. Voprosy 47–122. Kiev: Nika-Tsentr, 2013. (In Rus.)
3. Stepin, V. S. Classics, non-classical, post-non-classical: criteria for discrimination. In L. P. Kiyashchenko, V. S. Stepin editor Post-nonclassics: philosophy, science, culture. Ros. akad. nauk, SPb., 2009: 249–295. (In Rus.)
4. Stepin, V. S. Theoretical knowledge: structure, historical evolution. M: Progress-Traditsiya, 2003. (In Rus.)
5. Hobbes, Th. Leviathan. M: Mysl', 2001. (In Rus.)
6. Petti, W. Economic and statistical work. V. I i II. M: Sotsehgiz, 1940. (In Rus.)
7. Smith, A. Research on the nature and causes of the wealth of nations. M: Ehksmo, 2009. (In Rus.)
8. Rikardo, D. The beginnings of political economy and taxation. M: Ehksmo, 2016. (In Rus.)
9. Mill, J. S. Fundamentals of Political Economy. In 3 v. V. 1. M: Progress, 1980. (In Rus.)
10. Senior, N. W. Four introductory lectures on political economy, delivered before the University of Oxford. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1852. (In Engl.)
11. Marx, K. Capital. In 3 v. V. 1–2. M: Izdatel'stvo AST, 2001. (In Rus.)
12. Taylor, F. Principles of Scientific Management. M: Kontrolling, 1991. (In Rus.)
13. Ford, H. My life and my business. M: Kontseptual, 2019. (In Rus.)

14. Schumpeter, J. Economic development theory: a study of entrepreneurial profit, capital, credit, interest and the business cycle. M: Progress, 1982. (In Rus.)
15. Fisher, A. G. B. Production, primary, secondary and tertiary. Economic Record, no. 1, pp. 24–38, 1939. (In Engl.)
16. Clark, C. The Conditions of Economic Progress. London: Macmillan, 1940. (In Engl.)
17. Fourastié, J. Le Grand Espoir du XXe siècle: Progrès technique, progrès économique, progrès social. Paris: Presses Universitaires de France, 1949. (In French)
18. Rostow, W. W. The Stages of Economic Growth. The Economic History Review, New Series, no. 1, pp. 1–16, 1959. (In Engl.)
19. Bell, D. The coming post-industrial society. M: Academia, 2004. (In Rus.)
20. Nureev, R. M., Latov, YU. V. Human and social capital as the basis of a modern economy. Stage: economic theory, analysis, practice, no. 5, pp. 139–154, 2010. (In Rus.)
21. Pigou, A. C. The Economics of Welfare. 4 st ed. London: MacMillan and Co., Ltd. 1932. (In Engl.)
22. Pigou, A. C. A study in public finance. London: Macmillan. 1928. (In Engl.)
23. Lewis, W. A. Economic development with unlimited supplies of labour. Manchester: University of Manchester, 1954. Web. 18.03.2021. <https://la.utexas.edu/users/hcleaver/368/368lewistable.pdf>. (In Engl.)
24. Mincer, J. Investment in human capital and personal income distribution. Journal of Political Economy, no. 4, pp. 281–302. 1958. (In Engl.)
25. Schultz, T. W. Investment in Human Capital. The American Economic Review, vol. 51, pp. 1–17, 1961. (In Engl.)
26. Bekker, G. S. Human behavior. An economic approach. M.: Gos. un-t – Vyssh. shk. ehkonomiki, 2003. (In Rus.)
27. Kapelyushnikov, R. I. Gary Becker's economic approach to human behavior. USA: economics, politics, ideology, no. 11, 1993. Web. 18.03.2021. <http://www.libertarium.ru/68397> (In Rus.)
28. Mankiw, G. A Contribution to the Empirics of Economic Growth. Quarterly Journal of Economics, vol. 107 (May), pp. 407–437, 1992. (In Engl.)
29. Denison, E. Study of differences in economic growth rates. M: Izdatel'stvo "Progress", 1971. (In Rus.)
30. Nelson, R. R., Phelps, E. S. Investment in Humans, Technological Diffusion, and Economic Growth. American Economic Review, no. 1/2, pp. 69–75, 1966. (In Engl.)
31. Arrow, K. The Economic Implications of Learning by Doing. Review of Economic Studies, no. 3, pp. 155–173, 1962. (In Engl.)
32. Kovalev, M. M., Gospodarik, E. G. Human capital is the foundation of the knowledge economy. Management problems, no 3, pp. 46–56, 2011. (In Rus.)
33. Barro, R. The economic growth. M: BINOM. Laboratoriya znanii, 2010. (In Rus.)
34. Haq, Mahbub ul. Reflections on human development: how the focus of development economics shifted from national income accounting to people-centred policies, told by one of the chief architects of the new paradigm / Mahbub ul Haq. New York; Oxford: Oxford University Press, 1995. XIX. (In Engl.)
35. Mahroum, S. Highly skilled globetrotters: mapping the international migration of human capital. R and D Management, vol. 30, no. 1, pp. 23–32, 2000. (In Engl.)
36. Stewart, T. Intellectual capital. Ed. by V. L. Inozemtsev. New source of wealth for organizations. New post-industrial wave in the West. Anthology. M.: Academia, 1999: 372–400. (In Rus.)
37. Bourdieu, P. Forms of capital. Economic sociology, no. 5, pp. 60–74, 2002. (In Rus.)
38. Spence, M. Job market signaling. Quarterly Journal of Economics, no. 3, pp. 355–374, 1973. (In Engl.)

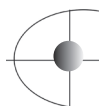
Received: April 21, 2021; accepted for publication May 25, 2021

Information about author

Dedolko Julia V., Master of Philosophy, Senior Lecturer, Belarusian State University; 4 Nezavisimosti Avenue, Minsk 220030, Belarus; e-mail: dedolko@bsu.by; <https://orcid.org/0000-0002-4991-5610>.

Reference to the article

Dedolko J. V. Human Capital Concept Evolution in the Context of Scientific Knowledge Stages Dynamics // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 5. PP. 8–17. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-8-17.

<http://www.zabvektor.com>

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

УДК 1:316.61

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-18-24

Владимир Сергеевич Ерохин,

Саратовская государственная юридическая академия

(г. Саратов, Россия),

e-mail: v.s.erohin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4257-5529>

Соотношение нормативности и коммуникации в бытии личности

Актуальность работы состоит в том, что коммуникация связана с затруднениями, а также невозможностью передачи информации. По этой причине анализ коммуникационного процесса с точки зрения социальной нормативности позволяет достигнуть эффективного обмена информацией между личностями как субъектами общественных отношений. Выделение аскриптивных и дескриптивных норм коммуникационного процесса позволяет найти необходимые основания трансляции информации между социальными субъектами. Кроме того, актуальным представляется изучение проблемы идентификации личности с позиции нормативности, а не с позиции наличия у персоны свойств, определяющих её самость, что позволяет выявить способы и формы коммуникации персон, понимаемых автором как субъекты, идентифицирующие себя с совокупностью социальных норм. Научная новизна работы заключается в изучении соотношения понятий «коммуникация» и «социальная нормативность». Утверждается, что нормативность коммуникации представляет собой единство аскриптивных и дескриптивных норм. Первые определяют возможность реализации способности человека к коммуникации, вторые мыслятся как результат социального соглашения, цель которого – достижение эффективного взаимодействия между социальными субъектами. Коммуникация нормативности трактуется автором как способность личностей к обмену информацией и использованию для этого нормативных оснований существования. Проблема исследования – интерес авторов к поиску соотношения понятий «коммуникация» и «нормативность» в социальном бытии персон. Цель исследования – определение единства коммуникации и нормативности в социальном и персональном бытии личности, выявление взаимного влияния данных социальных феноменов. В статье рассмотрены основные понятия: «нормативность», «аскриптивные и дескриптивные нормы», «коммуникация». В качестве методов исследования автор использует логический метод, позволяющий провести содержательное соотношение понятий «коммуникация», «социальная нормативность», «аскриптивные нормы», «дескриптивные нормы», «нормативность коммуникации» и «коммуникация нормативности», а также критический метод, позволяющий переосмыслить соотношение данных понятий. Полученные результаты показали, что нормативность коммуникации выражает совокупность норм трансляции информации, включающей в себя множество естественных и социальных норм как условий возможности коммуникативной деятельности персоны. Нормативность коммуникации позволяет определить возможность реализации человеком коммуникативного процесса, а также социально приемлемые формы такого взаимодействия, имеющие консенсуальные основания. Коммуникация нормативности позволяет описать способность социальных субъектов к обмену информацией.

Ключевые слова: нормативность, аскриптивные и дескриптивные нормы, коммуникация, коммуникация нормативности, нормативность коммуникации

Vladimir S. Erokhin,

Saratov State Law Academy

(Saratov, Russia),

e-mail: v.s.erohin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4257-5529>

The Relationship Between Normativity and Communication in the Being of a Person

Relevance of the work is in the fact that communication is associated with difficulties and sometimes with impossibility of transmitting information. For this reason, the analysis of the communication process from the point of view of social normativity makes it possible to achieve an effective exchange of information between individuals as subjects of social relations. The identification of ascriptive and descriptive norms of the communication process makes it possible to identify the necessary grounds for the transmission of information between social actors. However, it is important to study the problem of identification with the position of normativity, not from a position of having a person of properties that determine itself, allowing you to identify the ways and forms

© Ерохин В. С., 2021

of communication between people, who are understood by the author as subjects identifying themselves with a set of social norms. The scientific novelty of the work is the study of the relationship between the concepts of "communication" and "social normativity". It is argued that the normativity of communication is a unity of ascriptive and descriptive norms. The former determine the possibility of realizing a person's ability to communicate, the latter are thought of as the result of a social agreement, the purpose of which is to achieve effective interaction between social actors. Communication of normativity is interpreted by the author as the ability of individuals to exchange information and use the normative bases of existence for this purpose. Problem statement: the authors are interested in finding a correlation between the concepts of "communication" and "normativity" in the social life of persons. The purpose of the study is to determine the unity of communication and normativity in the social and personal life of the individual, to identify the mutual influence of these social phenomena. The article deals with the main concepts: normativity, ascriptive and descriptive norms, communication. The author uses a logical method that allows us to make a meaningful relationship between the concepts of "communication", "social normativity", "ascriptive norms", "descriptive norms", "normativity of communication" and "communication of normativity", as well as a critical method that allows us to rethink the relationship of these concepts. The obtained results showed that the normativity of communication expresses a set of norms of information translation, which includes a set of natural and social norms as conditions for the possibility of a person's communicative activity. The normativity of communication allows us to determine the possibility of a person's implementation of the communicative process, as well as socially acceptable forms of such interaction that have consensual grounds. Normativity communication allows us to describe the ability of social subjects to exchange information.

Keywords: normativity, ascriptive and descriptive norms, communication, normativity communication, normativity communication

Введение. Актуальность поставленной проблемы состоит в том, что в современной научной и философской литературе не существует единого подхода к определению коммуникации [1]. В различных публикациях встречаются технический, биологический, языковой, биокультурный [2] и ряд иных подходов к пониманию данного процесса. Кроме того, в некоторых научных и философских публикациях коммуникация трактуется расширительно как любая форма передачи информации. Затруднения вызывает вопрос о нормативности процесса передачи информации.

Методология и методы исследования. В качестве методов исследования автор использует логический метод, позволяющий провести содержательное соотношение понятий «коммуникация», «социальная нормативность», «аскриптивные нормы», «дескриптивные нормы», «нормативность коммуникации» и «коммуникация нормативности», а также критический метод, позволяющий переосмыслить соотношение данных понятий.

Теоретическая база исследования состоит в совокупности научных трудов, посвящённых вопросам сущности социальной нормативности и социальной коммуникации. Анализируется научная литература, раскрывающая проблемы биологической и социальной нормативности коммуникации. Так, И. Ю. Новопашина [Там же] рассматривает коммуникацию в расширительном значении, при этом неясным остаётся различие между формами передачи информации у

животных и людей. Исследователи М. И. Данилова и А. В. Суховерхов более детально решают такой вопрос, однако не применяют к решению границ человеческой и нечеловеческой коммуникации сущности нормативности [6]. А. А. Муханалиева [14] предлагает частичное решение вопроса о соотношении нормативности и коммуникации. Тем не менее остаётся ряд затруднений, связанных с уточнением соотношения нормативности и коммуникации в бытии человека. Практическая значимость работы заключается в том, что результаты могут быть применены к анализу конкретных способов коммуникации как социального процесса передачи информации в различных сферах современного социального бытия личности.

Результаты исследования и их об-суждение. На наш взгляд, под коммуникацией имеет смысл понимать внешнюю, выраженную в социально приемлемых формах, приёмах и способах, совокупность методов и средств передачи информации между социальными субъектами. Так, понимаемая коммуникация имеет рациональное основание, позволяющее повысить скорость, точность и эффективность её передачи и получения субъектами коммуникации. Эффективность коммуникации как социального процесса, с авторской точки зрения, зависит от способности социального субъекта к разумному способу передачи информации. Рациональность коммуникационного процесса позволяет отделить его от сигнальных способов связи между животными и выразить способность субъектов коммуникации к со-

вместному согласованному действию, основанному на выработке общих нормативных оснований совместного бытия социальных субъектов. При этом в основе – общение как процесс взаимосвязи и взаимодействия социальных субъектов, в котором происходит обмен деятельностью, информацией, опытом, а также всем многообразием результатов деятельности человека как социального существа. Технические средства коммуникации представляются внешними способами передачи информации, в том числе раскрывающими сущность персоны. Различие между общением и коммуникацией состоит в том, что под первым понятием понимается взаимодействие, выражающее сущность участников социальной интеракции, под вторым – информационно-инструментальное взаимодействие, отражающее социально приемлемые формы такой интеракции.

В научной и философской литературе отмечается, что понятие «норма» означает мерило, образец правильности, имеющий положительную ценность. Данное понятие выражает среднюю величину чего-либо (естественно-научный подход) и общее правило, которому необходимо следовать в определённых случаях (социальный подход).

Нормативность автором трактуется как социальное явление и отождествляется с понятием социальной нормы, которая представляет собой средство формирования представления о социально и индивидуально допустимых, приемлемых и положительно оцениваемых моделях поведения человека в социальной действительности, а также их реализации в повседневной жизни в обществе. Она есть возможность снятия столкновения социальных ожиданий и индивидуальных устремлений и возможностей, формирование единых стандартов поведения человека, возможность достижения компромисса между коллективным и индивидуальным социальным субъектом, позволяющим обеим сторонам социального процесса реализовать свои требования и возможности.

Полагаем, что социальная нормативность может быть понята как минимальное условие бытия человека в обществе, поскольку определяет содержание социального начала в человеке. Последнее может быть понята как априорное свойство человеческой природы, задающее самые общие принципы бытия человека как существа со-

циального. Использование такого свойства даёт возможность формирования социальной нормативности в исторически, культурно и иначе обусловленных реалиях [3].

Социальная нормативность содержит в себе процесс эволюционного развития от множества аскриптивных норм к совокупности дескриптивных правил. Результатом такого перехода мы считаем уменьшение объёма аскриптивных социальных норм и увеличение дескриптивных норм. При этом невозможным оказывается полное исключение аскриптивных норм, поскольку это приведёт к невозможности социальности как таковой.

Исходя из представленного понимания сущности коммуникации как социального процесса и социальной нормативности можно говорить о двух взаимодополняющих моментах соотношения нормативности и коммуникации: это нормативность коммуникации и коммуникация нормативности. Под первым понятием можно понимать совокупность норм, которые определяют возможность коммуникации как вида социального взаимодействия.

Полагаем, что нормативность коммуникации включает в себя аскриптивные и дескриптивные нормы. Первые связываются с биологическими принципами и условиями коммуникативной деятельности, поскольку определяют естественную телесную возможность коммуникации, вторые трактуются как социальные, исторические, культурные и иные условия реализации коммуникативной деятельности.

В литературе демонстрируется существование биологических основ коммуникации. Утверждается, что в современной науке формируется естественно-научный поворот в исследовании природы языка и коммуникации, при этом отмечается:

– формирование концепций, содержащих в себе представления о генетических, физиологических и когнитивных основаниях языка и коммуникации, появлении таких наук, как нейролингвистика и когнитивная лингвистика [4];

– изучение различных биологических, когнитивных и соответствующих им социокультурных систем, определяющих функционирование языка и иных средств коммуникации [5];

– изучение биологических оснований эволюции языка и связанной с ней коммуникации [6].

Утверждается, что существуют генетические, физиологические и когнитивные основания, которые позволяют человеку реализовать естественную способность к языковой и коммуникативной деятельности. Языковая действительность понимается как «естественная и универсальная познавательная способность, компетенция (*competence, internal-language, I-language*), которая может реализовываться посредством разных форм и средств коммуникации в разных социокультурных традициях» [6, с. 80]. Можно сказать, что язык как основание коммуникативной деятельности имеет биологические основания, определяющие способность человека к воспроизводству коммуникативной формы взаимодействия с другими людьми. Следовательно, в человеческой природе существуют биологические нормы, которые можно воспринимать как естественные условия возможности коммуникативного взаимодействия.

Более того, в некоторых фундаментальных исследованиях и трудах лингвистов утверждается естественно-научное понимание языка как основания коммуникативной деятельности. Язык трактуется как результат развития человеческого организма [7], результат эволюции человека как вида живых существ, зависящий от внешних условий [8].

Представленные положения подтверждаются результатами научных достижений, в которых отражается, что у шимпанзе при определённом обучении формируется небольшой «словарный запас» и сравнительно короткие синтаксические предложения [9]. Кроме того, в ряде научных исследований формируется гипотеза о существовании так называемого «критического», или «сенситивного периода», в рамках которого происходит усвоение языка. Утверждается, что если такое обучение не происходит в раннем детстве, то человеком усваиваются лишь некоторые аспекты языковой реальности, полноценное обучение языку оказывается невозможным [10]. Нормы естественного существования человека как биологического и социального существа определяют саму возможность коммуникации как социального процесса. Такие нормы позволяют реализовать заложенную в человеке возможность к коммуникативной деятельности.

Мы видим, что в рамках естественных наук утверждается существование биоло-

гических условий языковой и коммуникативной деятельности. Такие естественные причины могут быть поняты в качестве природных условий формирования коммуникации как социального взаимодействия. Можно утверждать, что описываемые биологические основания языковой и коммуникативной деятельности представляют собой нормы аскриптивные, поскольку обязывают определённым образом использовать ресурсы человеческого тела для возможности языкового и коммуникационного взаимодействия. Можно с уверенностью утверждать, что данные нормы представляют собой априорные условия возможности коммуникативной деятельности. Реализация таких норм становится возможной исключительно при определённой форме воздействия на человека, социализации его биологических возможностей и способностей, которая приводит к тому, что человек использует свою телесность в социально приемлемых рамках.

Таким образом, одним из оснований коммуникации как социального феномена становится совокупность аскриптивных норм, выраженных в биологических основаниях социального взаимодействия. Биологические нормы определяют саму возможность реализации способности человека к коммуникативной деятельности. Отсутствие или неполноценная реализация такой нормативности делает (практически) невозможной коммуникативную деятельность как социального феномена.

Другим основанием коммуникативной деятельности становится совокупность дескриптивных норм, которые представляют собой множество правил и техник коммуникативного взаимодействия. Они представляют собой результат социального соглашения, целью своей имеющего достижение эффективного взаимовыгодного взаимодействия между социальными субъектами – участниками коммуникации, а также взаимного понимания между ними.

Дескриптивные нормы становятся результатом консенсуса, аутентичного взаимопонимания, «которое характеризует “естественное” речевое общение людей в жизненном мире, не искаженном вторжением антагонистических, основанных на насилии общественных систем» [11, с. 357]. Здесь реализуется стремление социальных субъектов к достижению общих принципов по-

строения коммуникации и способности множества субъектов коммуникации передавать, получать и обрабатывать информацию таким образом, чтобы появился общий уровень значений, характерный для субъектов, вступающих в коммуникацию. На основании такого множества единых для субъектов значений появляется возможность взаимного понимания, как следствие – коммуникации. Естественность речевого общения означает, что оно характерно человеческой природе и предполагает использование изначально данных принципов взаимодействия между участниками коммуникативного взаимодействия.

Представленное понимание единства значений реализуется в понятии «дискурс», выражающим множество норм, правил реализации коммуникации как деятельность по передаче, получению и пониманию смыслов и значений передаваемой информации [12, с. 296]. Такие нормы подчиняют себе модели и способы коммуникации, тем самым формируют социально и коммуникативно-эффективные принципы взаимодействия между социальными субъектами коммуникации. Следовательно, коммуникация как социальный феномен основана на дискурсивных практиках и предполагает совокупность норм, определяющих различные формы взаимодействия между социальными субъектами – участниками социальной интеракции.

Как следствие, консенсус представляет собой основание для достижения взаимного понимания множества социальных акторов, которые вступают в коммуникативную интеракцию. Множеством социальных субъектов признаётся совокупность высших ценностей и принципов целеполагания, которые позволяют найти и/или сформировать общее основание для коммуникации, возможно адаптировать последнюю к изменяющимся требованиям времени, в котором они живут [13].

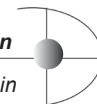
Консенсус, включающий в себя множество норм коммуникации как социального взаимодействия, предполагает использование общекультурных, групповых, ситуативных и индивидуальных норм [14, с. 68], каждая из которых имеет описательную природу, поскольку показывает желательные принципы и механизмы передачи информации, применение которых позволяет участникам коммуникации достигать взаимного понимания. При этом неисполнение представлен-

ных норм оставляет возможность каждой из сторон коммуникации высказаться, однако, не приводит к полноценной коммуникации и взаимопониманию. При этом неисполнение дескриптивных норм коммуникативной интеракции оставляет в человеке или социальной группе как участнике коммуникации возможность быть социальным субъектом.

Коммуникация нормативности представляет собой возможность обмена информацией между личностями как идентификациями нормативности, а также их способность применять для обмена информацией нормативные основания собственного существования. При этом аскриптивная нормативность даёт возможность сформировать общие основания коммуникативной деятельности. Она представляет собой способ формирования общих принципов коммуникации как социального феномена, что даёт направление для взаимного понимания социальных субъектов. Дескриптивная нормативность позволяет на основании общих принципов общения и коммуникации в максимальной форме проявить и в явной форме показать другим участникам взаимодействия собственный мир, себя как участника взаимодействия.

Представленная логика реализуется в популярном в XXI в. направлении философской, этической и социальной мысли концепции коммунитаризма, главная идея которого состоит в необходимости заботы о сообществе наравне со свободой и равенством [15]. Общество трактуется как совокупность общих социальных практик, культурных традиций, а также принципов и способов общественного взаимопонимания. Таким образом, коммунитаристы признают существование совокупности общепринятых норм, свойственных для участников социальной интеракции. Данное признание оставляет возможность неинституционализации общественно значимых норм: социальные, политические, экономические и прочие институты могут не существовать, однако общественные способы коммуникации всё же будут реализовываться. Таким образом, общие нормы коммуникативной деятельности в форме аскриптивных норм существуют не в институциональной, а в индивидуализированной форме в каждом отдельном человеке.

Заключение. В целом мы видим, что можно говорить о двух понятиях: «норма-

тивность коммуникации» и «коммуникация нормативности». Первый термин выражает совокупность норм коммуникации как социального процесса и включает в себя множество аскриптивных и дескриптивных норм. Первые содержатся, на наш взгляд, в естественных условиях существования персоны в форме условий возможности коммуникативной деятельности человека. Биологические нормы, будучи аскриптивными принципами человеческого бытия, в значительной степени определяют саму возможность реализации способности человека к коммуникации как социальному взаимодействию, способствуют передаче информации от одного социального субъекта другому. Отсутствие или неполноценная реализация такой нормативности затрудняет или делает невозможной коммуникативную деятельность персоны. Дескриптивные нормы связываются автором с совокупностью принципов и правил социального бытия человека и коммуникации, построенной на основании консенсуса. Дескриптивные нормы коммуникации как социальной интеракции представляют собой результат социального соглашения, целью своей предполагающего

достижение эффективного взаимовыгодного взаимодействия между социальными субъектами – участниками коммуникации, а также взаимного понимания между ними.

Коммуникация нормативности видится автору как способность социальных субъектов к обмену информации между личностями как персональными идентификациями нормативности, а также их способность применять для обмена информации нормативные основания собственного существования.

Результаты настоящего исследования могут быть применены при изучении форм коммуникации нормативностей в различных областях социальных, политических, межличностных и любых других взаимодействий, поскольку любые формы социальных контактов с необходимостью требуют выделения общих оснований интеракций между социальными субъектами, начиная от отдельных индивидов и личностей и заканчивая коллективными субъектами. На этом основании перспективы настоящего исследования заключаются в применении полученных результатов при решении более конкретных научных проблем.

Список литературы

1. Якупов П. В. Коммуникация: определение понятия, виды коммуникации и её барьеры // Вестник университета. 2016. № 10. С. 261–266.
2. Новопашина И. Ю., Семенова О. Ф. Коммуникация как процесс био-социокультурно мотивированных языковых взаимодействий // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. № 3. С. 40.
3. Ерохин В. С. Эволюционность развития социальных норм: от аскриптивности к дескриптивности // Известия Саратовского университета. 2020. Вып. 3. С. 265–269.
4. Fitch W. T., Huber L., Bugnyar T. Social cognition and the evolution of language: constructing cognitive phylogenies // *Neuron*. 2010. Vol. 65. Pp. 795–814.
5. Maran T., Kull K. Ecossemiotics: main principles and current developments // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. 2014. Vol. 96. Pp. 41–50.
6. Данилова М. И., Суховерхов А. В. Биологические и социальные основы эволюции языка и коммуникации: современные дискуссии // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 77–87.
7. Стрекольщикова И. В. Вопрос о сущности языка в трудах лингвистов натуралистического направления // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 20. Филология. Искусствоведение. Вып. 97. С. 110–116.
8. Hovelaeque A. *La linguistique*. Paris: C. Reiwald, Librairie d'editeur, 1881. 436 p.
9. Pinker S., Bloom P. Natural language and natural selection // *Behavioral and Brain Sciences*. 1990. Vol. 13. Pp. 707–784.
10. Hurford J. R. The evolution of critical period for language acquisition // *Cognition*. 1991. Vol. 40. Pp. 159–201.
11. Давыдов Ю. Н. Очерки по истории теоретической социологии XX столетия: от М. Вебера к Ю. Хабермасу. М.: Наука, 1994. 380 с.
12. Попова Т. П. Характеристики институционального дискурса // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. № 6, ч. 2. С. 295–300.
13. Белоусова В. М. Дискурсивное толкование понятия «консенсус» в политико-правовом учении Ю. Хабермаса // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25, вып. 2. С. 91–96.
14. Муханалиева А. А. Нормативное коммуникативное поведение // *Lingua mobilis*. 2012. № 4. С. 68–72.

15. Молчанов А. В. Коммуитаризм как альтернатива классическим идеологиям // Pro Nunk. Современные политические процессы. 2017. № 1. С. 51–57.

Статья поступила в редакцию 04.04.2021; принята к публикации 15.05.2021

Сведения об авторе

Ерохин Владимир Сергеевич, кандидат философских наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия; 410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1; e-mail: v.s.erohin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4257-5529>.

Библиографическое описание статьи

Ерохин В. С. Соотношение нормативности и коммуникации в бытии личности // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 5. С. 18–24. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-18-24.

References

1. Yakupov, P. V. Communication: definition of the concept, types of communication and its barriers. Vestnik Universiteta, no. 10, pp. 261–266, 2016. (In Rus.)
2. Novopashina, I. U., Semenova, O. F. Communication as a process of bio-socio-cultural motivated language interactions. Bulletin of State University, no. 3, pp. 40, 2015. (In Rus.)
3. Erokhin, V. S. Evolutionary development of social norms: from ascriptive to descriptive. Izvestiya of Saratov University, no. 3, pp. 265–269, 2020. (In Rus.)
4. Fitch, W. T., Huber, L., Bugnyar, T. Social cognition and the evolution of language: constructing cognitive phylogenies. Neuron, vol. 65, pp. 795–814, 2010. (In Engl.)
5. Maran, T., Kul, I. K. Ecossemiotics: main principles and current developments. Geografiska Annaler, vol. 96, pp. 41–50, 2014. (In Engl.)
6. Danilova, M. I., Sukhoverkhov, A. V. Biological and social foundations of the evolution of language and communication: modern discussions. Philosophy questions, no. 12, pp. 77–87, 2010. (In Rus.)
7. Strekol'shchikova, I. V. The question of the essence of language in the works of naturalistic linguists. Chelyabinsk State University Bulletin, no. 20, pp. 110–116, 2015. (In Rus.)
8. Hovelague, A. La linguistique. Paris: C. Reiwald, Librairie d'editeur, 1881. (In Engl.)
9. Pinker, S., Bloom, P. Natural language and natural selection. Behavioral and Brain Sciences, vol. 13, pp. 707–784, 1990. (In Engl.)
10. Hurford, J. R. The evolution of critical period for language acquisition. Cognition, vol. 40, pp. 159–201, 1991. (In Engl.)
11. Davydov, U. N. Essays on the History of Theoretical Sociology of the Twentieth Century: From M. Weber to Yu. The Habermas. Moskva: Nauka, 1994. (In Rus.)
12. Popova, T. P. The characteristics of the institutional discourse. Historical and social-education idea, no. 6, part 2, pp. 295–300, 2015. (In Rus.)
13. Belousova, V. M. Discursive interpretation of the concept of 'consensus' in the political and legal doctrine of Yu. Habermas. Bulletin of Udmurt University, no. 2, pp. 91–96, 2015. (In Rus.)
14. Mukhanalieva, A. A. Normative communicative behavior. Lingua mobilis, no. 4, pp. 68–72, 2012. (In Rus.)
15. Molchanov, A. V. Communitarianism as an alternative to classical ideologies. Pro Nunk. Modern political processes, no. 1, pp. 51–57, 2017. (In Rus.)

Received: April 4, 2021; accepted for publication May 15, 2021

Information about author

Erokhin Vladimir S., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Saratov State Law Academy; 1 Vol'skaya st., Saratov, 410056, Russia; e-mail: v.s.erohin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4257-5529>

Reference to the article

Erokhin V. S. The Relationship Between Normativity and Communication in the Being of a Person // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 5. PP. 18–24. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-18-24.

<http://www.zabvektor.com>

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

УДК 101.1:316

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-25-35

Алексей Николаевич Фатенков,*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского**(г. Нижний Новгород, Россия);**Приволжский исследовательский медицинский университет**(г. Нижний Новгород, Россия),**e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru**<https://orcid.org/0000-0001-8628-2413>***Александр Васильевич Грехов,***Приволжский исследовательский медицинский университет**(г. Нижний Новгород, Россия),**e-mail: grekhov@yandex.ru**<https://orcid.org/0000-0003-3668-1576>*

Общественное сознание в реалиях IT-цивилизации

Осуществляется теоретическая реконструкция ментальных особенностей человека IT-цивилизации. Актуальность темы исследования обусловлена с очевидностью неоднозначным, а нередко и прямо вызывающим опасение воздействием новейших технологий на психику и соматику людей, на их личную и общественную жизнь. В методологии ставка сделана на неидеалистическую диалектику, сопрягаемую с содержанием критической социальной теории. В указанной методологической парадигме приоритет отдан положительной неклассической диалектике, отличающейся и от диалектики классической, и от диалектики негативной. Внимание авторов сосредоточено, прежде всего, на специфике общественного сознания, категориальный статус которого связан по преимуществу с марксистской интеллектуальной традицией. В силу чего она выбрана парадигмальной и в настоящем тексте. Вместе с тем марксистская проблематизация сознания и сопредельных ему реалий – онтологических, гносеологических, социальных – интерпретируется с учётом исторически актуальных объективных и субъективных обстоятельств. В этой связи подчёркивается роль социально-культурных матриц модерна, модернизма и постмодерна. Авторами уточняется содержание концептуально значимых понятий: общественного сознания, информации, идеологии, пропаганды, общества потребления. Само общество потребления идентифицируется как капитализм нового технологического и ментального уклада. Акцентируется и конкретизируется негативный характер воздействия информационно-компьютерных технологий на психику людей. На основании приводимых аргументов утверждается: сознание человека цифрового общества склонно к деструкции, эклектике и податливо к манипулированию, что чревато тоталитарным исходом. Очерчиваются контуры стратегии сопротивления. Её важной составляющей является способность распознавать за технологическими новшествами инновационные формы эксплуатации и контроля.

Ключевые слова: IT-цивилизация, общественное сознание, информация, идеология, марксизм

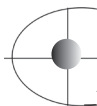
Aleksey N. Fatenkov,*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod**(Nizhny Novgorod, Russia);**Privolzhskiy Research Medical University**(Nizhny Novgorod, Russia),**e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru**<https://orcid.org/0000-0001-8628-2413>***Aleksandr V. Grekhov,***Privolzhskiy Research Medical University**(Nizhny Novgorod, Russia),**e-mail: grekhov@yandex.ru**<https://orcid.org/0000-0003-3668-1576>*

Social Consciousness in the Realities of IT-Civilization

Mental peculiarities of man of IT-civilization are being theoretically reconstructed in the article. The relevance of the topic is determined by the impact (which is apparently controversial and frequently even causing concern) of newest technologies on people's psyche and somatic features, their private and social life. In meth-

© Фатенков А. Н., Грехов А. В., 2021

ology the authors rely on non-idealistic dialectics that is correlated with the content of critical social theory. In the stated methodological paradigm, priority is given to a positive non-classical dialectics which is being distinguished from both a classical dialectics and a negative one. The paper is primarily focused on specificity of social consciousness which categorical status is mostly related to Marxist intellectual tradition. The latter is chosen as a paradigm in the given text. Along with that, Marxist problematization of consciousness and its neighboring realities – ontological, epistemological, social ones – is interpreted with historically actual objective and subjective circumstances in mind. In this regard, the role of socio-cultural templates of modernity, modernism and postmodernity is being highlighted. We specify the content of conceptually significant concepts: social consciousness, information, ideology, propaganda, and consumer society. Consumer society itself is identified as capitalism of new technological and mental mode. The negative character of information and computer technologies' influence on human psyche is being accentuated and elaborated. On the basis of adduced arguments, it is stated: consciousness of digital society's man is prone to destruction, eclecticism and is susceptible to being manipulated which is fraught with totalitarian outcome. The resistance strategy is being defined. Its important component is an ability to detect innovative forms of exploitation and control concealed behind technological novelties.

Keywords: IT-civilization, social consciousness, information, ideology, Marxism

Введение. «Общественное сознание» – элемент, причём немаловажный, марксистского категориального аппарата. Логично в этой связи предмет данного понятия рассмотреть преимущественно в рамках указанной интеллектуальной традиции. Параллельно появляется возможность оценить эвристический потенциал марксизма в новых исторических условиях.

Современный период в развитии человечества в определённом смысле уместно рассматривать периодом вхождения в IT-цивилизацию. Надо признать, он уже породил немало противоречий: как жизненно-реальных, так и сфабрикованных, надуманных. Причём их не просто отличить друг от друга, что оказывается одной из специфических черт текущего исторического момента. Так или иначе, отображаемые или конструируемые, все эти противоречия существенным образом связаны с человеческим сознанием.

Методология и методы исследования. Ставка сделана на неидеалистическую диалектику, сопрягаемую с содержанием критической социальной теории. В очерченной методологической парадигме приоритет отдан положительной неклассической диалектике, отличаемой и от диалектики классической, и от диалектики негативной (подробнее см.: [1, с. 159–161]).

Результаты исследования и их обсуждение. В логике К. Маркса, «сознание [das Bewußtsein] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [das bewußte Sein], а бытие людей есть реальный процесс их жизни» [2, с. 25]. Перед нами принцип тождества бытия и мышления – с материалистическим смещением равновесия в сторону бытия, с гуманистическим расширением рационалистского «мышления»

до небесчувственного и небезвольного «сознания», с эгалитаристским снижением требовательности к необязательно уже совершенному бытию... и с имплицитной критикой эгалитаризма, проявляющейся в допущении удручающего равенства неистинного бытия и неистинного сознания (распознанная упадочность не перестает быть упадочностью).

Фундированный практикой рационализм К. Маркса продуктивен, когда дистанцируется от панлогизма; и начинает хромать, когда тяготеет к сциентизму.

Основоположник исторического материализма имел дело с истинной теорией (наукой) и ложной идеологией (спекулятивным мышлением) – с немудрёным бинарным размежеванием истинного и неистинного [Там же, с. 26]. Такое жёсткое разграничение истинного и неистинного, науки и идеологии вполне корректно, надо заметить, если проводить его в рамках классической современной рациональности. В рамках неклассической современной рациональности, в модернистской стилистике, которой К. Маркс (как постфейербахианец) также не чужд, оппозиция истинного и неистинного аксиологически уже не однозначна, вариативна: ложь во спасение нередко ценнее бессердечной истины. Схожа здесь ситуация и с другой оппозицией: в социально-культурном формате модернизма гуманистическая идеология зачастую ценнее дегуманизированной науки. В настоящее время, однако, идеология и наука с их технологическими приложениями обросли коростой имагологии – сетью имиджей, сделавшей размытым рубеж не только между истинным и неистинным, но и в целом между ценностно-положительным и ценностно-отрицательным. Таковы веяния постмодерна. Надежды на строгую демаркацию подлинного и мнимого, человек-

ного и бесчеловечного связаны, пожалуй, по преимуществу с той здоровой установкой собственно философского, свободного от издержек сциентизма мышления, которое, не блуждая в бутафорских дебрях постпостмодернизма (см.: [3]), ориентировано на модернизм, преодолевающий декадентские соблазны.

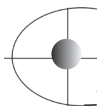
Начав рассуждение, в согласии с логикой К. Маркса, с конкретного индивида, обособляющегося, однако, исключительно в обществе, приходится признать, что сознание, как его ни определяй, есть феномен, выходящий не только за пределы мозга, но и за пределы индивидуального человеческого существа (см.: [4, с. 455]). С окружающим миром человек связан и телесно-вещно, и ментально. Сознание индивида, сколь бы особенным оно ни было, включает в себя определённую долю суждений, идей, представлений, пусть и субъективно переосмысленных – но взятых извне, со стороны. Почерпнутые из социального пространства, они не являются для человека сугубо иными, так как и каждый из нас вносит свой вклад в формирование некоторого сегмента (кто-то – узкого, кто-то – широкого) среды обитания, включая её ментальную компоненту. Индивидуальное сознание всегда существует в пространстве коллективного сознания, непрерывно (явно и неявно) взаимодействует с ним. Как общая воля, по догадке Ж.-Ж. Руссо, не равна воле всех, превышает её, так и коллективное сознание не есть простая сумма сознаний индивидуальных. В композиционном плане оно гораздо сложнее. В действительности может всецело подчинить себе сознание отдельных людей, и само в свою очередь угодить в подчинение частному лицу, и гармонизировать с ментальностью конкретных личностей.

Общественное сознание (в категориально строгом смысле) – это коллективное сознание, носителем которого выступает общность, не меньшая по объёму и историческому статусу, чем социальный класс. Оно существует в системе внутри- и межклассовых отношений, а также в формате иной большой общности, стремящейся продуктивно преодолеть, снять классовую структуру – как в случае с советским народом. Если классовый порядок снимается деструктивно (скорее не преодолевается, а маскируется) и социальность не вырабатывает и не получает взамен более высокого способа орга-

низации, коллективное сознание принимает форму массового сознания. Такова позиция авторов.

В марксистской традиции общественное сознание есть атрибут общественного бытия, его продукт (в упрощённом варианте – его отражённый продукт), воздействующий на своего производителя по принципу обратной связи. Пусть так, хотя, надо уточнить, всё отражаемое всегда концептуально достраивается субъектом (если он и в самом деле субъект, а не всего лишь носитель). Допуская, однако, что ментально отображается и воспроизводится не только нечто онтологически подлинное (бытие), но и онтологически неподлинное (инобытие и небытие), надёжнее утверждать атрибутивную взаимосвязь общественного сознания с общественной жизнью, которая наполнена как действительным, так и мнимым (превращённым и отчуждённым), как объективным, так и субъективным. Первичность жизни по отношению к её проявлениям в конечном итоге неоспорима. Человек мыслит, чтобы жить. Человек живёт не только, чтобы мыслить. До и вне жизни нет её смысла – таково кредо неидеалистического мировоззрения. Первичность же общественного бытия (в любом случае – лишь структурной части, стороны общественной жизни) по отношению к общественному сознанию всегда останется под вопросом.

Будучи производным от общественной жизни, общественное сознание априори консервативнее некоторой её фактичности и некоторых её тенденций. Этот, как и всякий, консерватизм противоречив. Он помогает в защите от откровенно асоциальных действий и намерений – но и подыгрывает социальной косности, стимулирует конформизм. Будучи одной из детерминант ментальности человека, общественное сознание содержательно и стилистически уступает и ментальности ряда социальных групп (творческих коллективов, отдельных политических партий), и индивидуальному сознанию ряда личностей. Оно пытается форматировать выделяющихся на общем фоне, но и, зачастую незаметно для себя, насыщается их настроением и идеями. Таково в общем и целом положение дел в спокойный, эволюционный период истории. В революционную эпоху общественное сознание радикализуется, прежде всего в плане ожиданий и требований, убегая в них зача-

стую далеко вперед от реалий общественной жизни. Оценочное противодействие асоциальным поступкам (самосуду, грабежу, оргиям) ослабевает. Вместе с тем, несмотря на существенную встряску, общественное сознание, как ни парадоксально, сохраняет и свой консерватизм: и сдерживающий, касательно ментальности ультрас; и отстающий, касательно осмысления глубины и перспектив происходящих изменений. На высоте положительного синтеза радикализма и консерватизма удерживаются немногие и ненадолго. Даже элитарная мысль, индивидуальная и групповая, в значительном своем охвате очарована в период революции стихией масс. Над общественным сознанием нависает угроза омассовления. Когда за его кажущейся монолитностью – аморфность и раздробленность. За суетливой поверхностной активностью – обусловленная слабой фактурностью тяга к оппортунизму, к манипулятивным трансформациям. Когда в числе его глашатаев не только народные трибуны, но и местечковые краснобаи.

Перипетии общественного сознания на изломах истории уместно конкретизировать далее применительно к периоду становления, к становлению IT-цивилизации. В очерченном предмете нас будет интересовать по преимуществу область пересечения собственно информационно-знаниевой и политико-идеологической проекций. Решение поставленной задачи предполагает содержательное уточнение концептуально значимых понятий.

Информация (как она понимается и апогетами, и критиками) есть предельно безличное и безоценочное смыслообразование с нулевым интерпретационным разбросом. Иначе говоря, она подразумевает наличие лишь одного-единственного и единственно правильного своего толкования. Появление разных её трактовок, свидетельствующее о прибавлении или убыли смысла, сделает неустранимо затруднительным различение информации и дезинформации. Ирония, однако, в том, что в абсолютно безоценочном пространстве вообще невозможно отличить нечто от его антипода.

Объективность информации в смысле независимости её от субъекта (как принимающего, так и передающего) – иллюзия, которая отнюдь не рассеивается, напротив, скорее подпитывается делением источников на достоверные, недостоверные и сомнитель-

ные. Рационально – они все сомнительные. Отбор достоверных проводится при активном участии человеческого иррационального. Объективно-независимой может быть в крайнем случае единица информации (её бит), но не какая-то, пусть самая простейшая, комбинация этих единиц, появление и существование которой не редуцируемо без смысловых потерь к механистической интеллигибельности.

«Информация» – это сциентистский конструкт, выстроенный: 1) в мозаически-дробной (номиналистической) интеллектуальной парадигме; 2) при чрезмерно упрощённом толковании объективности; 3) при осознанном или неосознанном намерении исключить субъекта из акта смыслопорождения; 4) в явном и неявном соответствии с мировоззренческими интенциями буржуазного общества, в рамках которого собственно и возникла современная наука.

По К. Марксу, максимум безразличия людей друг к другу (а стало быть, и пик такого рода – ущербной – объективности, адекватно фиксируемой и выражаемой меновой стоимостью), максимум их безразличия к содержательному труду, к полноценному производству и воспроизводству жизни (выходит, опосредованно, к производству и воспроизводству онтологически ёмких смыслов) исторически обнаруживается «в самой современной из существующих форм буржуазного общества...» (см.: [5, с. 40]). Тогда, в середине XIX в., типичным и образцовым являлся американский капитализм. Сейчас в этой роли выступает глобальный капитализм информационно-технологического уклада.

Критический взгляд на информацию отнюдь не отменяет её определённой положительной значимости для человеческой жизнедеятельности. Скорее, он приоткрывает корыстно маскируемое и отмечает фетишизируемое. Информация собирается людьми – буквально – по круплицам. Собранный её массив представляет собой набор атомизированных смыслов. Какие-то из них, или даже все, могут выступить центрами кристаллизации более-менее целостной смысловой композиции – но та никогда не возникнет без помощи внеинформационных факторов субъективного (личностного) и интерсубъективного (коллективного, группового) порядка. О принципе партийности в настоящее время упоминают немногие, но используют – все без исключения: осознан-

но или неосознанно, контекстуально или безразлично к контексту. Только небезразличное существо способно отличить информацию от дезинформации, вернее, ценностно-положительную смысловую структуру от ценностно-отрицательной, сфабрикованной.

С гераклитовских времён известно: многознание уму не научает. В продолжение мысли великого грека: безличные и безоценочные смыслы не питают ум – нагружают лишь интеллект, который здесь вполне может оказаться и искусственным.

Информация, превращаемая в фетиш, перестаёт быть элементом здорового сознания, преодолевающего свою расколотовость, продуктивно снимающего формально-логические несостыковки. Речь идёт тут и об обыденном, и о сверхобыденном сознании. Здоровое теоретическое мышление, согласимся с Гегелем (переводимым на неидеалистические рельсы), – диалектично. Оно, конечно же, не обходится без фактической информации, ставя, однако, факты в подчинение не отвлечённой от жизни теории. Абсолютизация информации с её постулированной однозначностью форматирует сознание под сциентистские нормы и требования, не предоставляя при этом надёжных средств для различения научного и наукообразного. В параллель и в дополнение чему спекулятивная однозначность делает информацию соразмерной идеологическим и технологическим запросам.

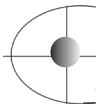
Не отрицая негативную по большей части роль информационного неравенства, т. е. фактически неодинакового доступа людей к информации (которое, впрочем, имело место во всех обществах и во все прежние исторические времена), признавая далёкой от социальной справедливости ситуацию информационного империализма, т. е. фактическую монополизацию сильными мира сего наиболее доступных широком слоям населения информационных потоков (что тоже, впрочем, не так уж исторически ново), хотелось бы сфокусировать внимание на несколько иной, не менее важной проблеме: индивид эпохи цифровых технологий избыточно информирован и недостаточно умён; общественное сознание, перенасыщенное информацией, низведено во многих своих сегментах к массовому сознанию. Вал сведений, обрушивающийся в настоящее время на человека, практически не позволяет ни формально-логически упорядочить их,

ни тем более диалектически снять воспринятые противоречивые суждения – те из них, разумеется, которые могут быть положительно сняты, в силу того что спекулятивного в них кратко меньше, чем жизненно реального.

Лавинообразно нарастающий объём информации, необходимость её ускоренной обработки и бессрочного хранения – исходные аргументы апологетов IT-технологий, в частности, Рэя Курцвейла (см.: [6]). При этом намеренно или ненамеренно замалчивается происхождение быстро прогрессирующего информационного нароста, стало быть, и статус его принудительного воздействия на людей: действительно объективного или мимикрирующего под объективность. Здоровый вопрос, куда и зачем спешим (интересно в этом плане исследование Джуды Вайсман [7]), также остаётся без внятного ответа – за исключением бредовых откровений трансгуманистов, возжелавших физико-технического бессмертия. Подчеркнём, что экономия времени посредством инновационного, цифрового инструментария отнюдь не гарантирует качественных содержательных сдвигов в жизни и её понимании. Напротив, «велика вероятность бесконечного тупика – интенсификации усилий по тиражированию стандартизированного ширпотреба. Не важно, об интеллектуальной или иной продукции идёт речь» [8, с. 217].

Впрочем, дело не только в содержательной скудости технологически отформатированного сознания, не только во вредоносном контенте многих веб-сайтов, приторно морализаторски порой обсуждаемого. Острота проблемы глубже и прозаичнее. Становясь придатком «умной» машины, человек цифрового общества, оставаясь послушным (поначалу, по крайней мере) писаным и неписаным правилам поведения, банально глупеет, и это оглупление необратимо разрушает его личность (см.: [9–11]).

Цифровое слабоумие (*digital dementia*) – да, буквально – не жупел «одиозно архаичного» умозрения, а научно (!) удостоверяемый факт современной социальной эмпирии. Патология (пока характеризующаяся именно так, отклонением от нормы) вызвана возрастающей зависимостью людей от высокотехнологичных гаджетов, констатирует, в частности, психиатр Манфред Шпитцер. Недуг проявляется в утрате некоторых элементарных навыков мышления, в обну-

лении его конструктивно-критической компоненты и, как итог, в усугублении проблем с личностной идентификацией (см.: [12]). Потери несёт не только интеллект, но и эмоциональная сфера: в человеке, свидетельствует нейрофизиолог баронесса Сьюзан Гринфилд, угасает способность к спонтанному проявлению чувств и сопереживанию (см.: [13]).

Тут же, ожидаемо, раздаются негодующие голоса адептов IT-технологий о вопиющем консерватизме подобного – элитаристского – взгляда на интернет с его будто бы огромным ресурсом в плане развития демократии и свободы. Не оставаясь в долгу, заметим, что эмансипирующий потенциал компьютерных сетей неоправданно завышен, демократию они элементарно подставляют: лёгкость, с какой гении выдают шедевры, экстраполируемая на массу не очень одарённых индивидов, ведёт к безудержному нарастанию информационного шума и накоплению хлама. «Большинство пользователей начинают сообщать друг другу о том, что никому не нужно знать, просто потому, что у них есть такая возможность» [Там же].

С. Гринфилд обращает внимание и на пагубную привычку виртуалиста к действиям, которые не имеют необратимых последствий, многократно и без труда переигрываются, стало быть, не приучают всерьёз отвечать за принятые решения. Но тогда, подхватим мысль, эмансипирующие возможности интернет-пространства моментально оборачиваются невозможностью, а декларируемая свобода оказывается легковесной, полуанонимной и безответственной перед самой собой – вовсе не свободой по меркам человеческого достоинства. Ты свободен, когда подписываешься под высказанным – фамилией, именем, отчеством. Прячущийся за псевдонимом и аватаром остаётся рабом – подневольным обстоятельством и своего малодушия. И это, без сомнения, на руку противникам свободы. Вдобавок интернет удобен им по части осуществления перманентных провокаций и тотальной слежки (за псевдонимом и аватаром не укрыться). Ирония жизни в том, что надзирающие, мнящие себя самих вне контроля, попадают под тот же колпак. Многие из них и не в состоянии осознать по недостатку ума складывающуюся ситуацию. «Упоительно рекламируемые сегодня инновационные технологии работают на подбор соответствующей категории

управленцев: не стратегов, а тактиков-счетоводов. Доминирующий инструментарий так или иначе обуславливает... спектр востребованных профессиональных качеств и их социальную стратификацию» [8, с. 219].

Идеология есть система теоретических (философских, научных) смыслов и художественных образов, адаптированная к специфике общественного сознания и служащая для целенаправленного воздействия на него. Граница общественного сознания с массовым и риск сползания к омассовлению устанавливают порог продуктивного идеологического упрощения. Возникновение общественного сознания внеидеологично: для его генезиса достаточно «отражения» с общественного бытия. Однако общественное бытие реальной истории не вполне бытийно. Его инобытийные и небытийные примеси, порой весьма весомые, делают рыхлым, пассивным и общественное сознание. В целях придачи ему определённой структуры и хотя бы потенциальной активности как раз и используют идеологию. Порой она способна радикально активизировать общественное сознание и тем самым «творить историю» (см.: [14]).

В формате классической современной рациональности идеология либо прямо противопоставляется науке (как, отчасти, у Маркса), либо, наоборот, отождествляется с наукой (как, по большей части, в советском марксизме). В любом случае статус идеологии как таковой оказывается под вопросом. Да, за ней закрепляется роль инструментария, позволяющего вбросить слепки с мыслей просвещённых особ в головы ещё не просветившихся. Но, лишённая самокритики, идеология не способна тут выбраться из соблазнительных оков идеалистической матрицы, из объятий утопии (что К. Маркс, собственно, убедительно и показал, оставив, правда, не до конца решённым вопрос о соотношении идеологии и научно-философской теории).

В формате неклассической современной рациональности мировоззренческий статус идеологии много выше. Симптоматично, что интенсивность идеологических баталий резко возрастает (в треугольнике «либерализм – коммунизм – фашизм») именно в модернистский период европейской истории и культуры. В настоящее время один из мировоззренческих экстремумов приходится на противостояние между постмодернистски

ослабленной светской культурой и технически оснащённым (и в этом смысле – модернистски привитым) религиозным фундаментализмом. Идеология с ориентацией на модернизм уже не редуцируется к науке: ни в уничижительном, ни в апологетическом контексте. Более того, она позволяет себе поучать и наставлять университетско-академическое сообщество. Иногда безумно (когда забывает о самокритике), а иногда с умом. Впрочем, общественная функция идеологии, по большому счёту, всё та же: наведение политизированных мостов между сознанием масштабно разных его носителей. Хотя, очевидно, работа эта в модернистской парадигме может быть выполнена (потенциально, опять же) качественнее, с лучшим учётом хитросплетений жизни, нежели в парадигме классицизма. Так, стилистически модернистским и методологически диалектическим является подход К. Маркса отыскивать основание идеологии не в ней самой и не в тотальности разума, а в чём-то принципиально ином – в сфере материального производства.

Понятно, что разведение сознания, индивидуального и коллективного, по полям классицизма и модернизма не снимает всех теоретических и тем более практических трудностей идеологически скорректированной человеческой жизни, не исключает из неё ни угнетающих кентаврических ментальных структур, ни взбадривающих парадоксальных симбиозов. Яркий пример тому – мировоззрение В. И. Ленина. В политико-идеологической области лидер большевиков – стопроцентный модернист: партия «нового типа», с её программным сочетанием легальной и нелегальной борьбы, – аутентично модернистская институция. В своих собственно культурных предпочтениях вождь революции явно тяготел к классицизму.

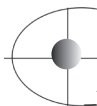
Пропаганда (о её истории см.: [15]) – это технологически выстроенный идеологический или квазиидеологический поток, распространяющийся сверху вниз с целью подстёгивания или сдерживания социальной активности. Общественные верхи эмпирически представлены, как правило, несколькими группировками: и в лагере власти преобладающих, и в лагере оппозиции. Не монолитны и социальные низы, без отклика которых, осознанного и неосознаваемого, пропаганда не достигает поставленных целей.

Оценка результативности пропагандистского воздействия, идеологичная в прошлом, в современном мире по обыкновению квази-идеологична. В подгоняемом под информационные стандарты сознании с атрофированной способностью к сущностному различению ценностей и антиценностей корыстно заинтересованы набивающие себе цену и сколачивающие себе состояние политики и генералы, незатейливо-безыдейно обрабатывающие население «заботой о безопасности» и навязыванием нелепых фобий.

Мощным пропагандистским инструментом до сих пор являются средства массовой информации (СМИ). К тезису об их общеинститутской или сегментарной «деидеологизации» следует относиться с крайней осмотрительностью – как и к самому этому броскому концепту, представляющему собой на деле также продукт идеологии, именно той, которая отличается недостаточной или избыточной самокритикой. Иными словами, деидеологизация – это либо заведомый обман или/и самообман; либо состояние и процесс функционирования в качестве доминантного квазиидеологического материала, который ориентирован уже не столько на общественное, сколько на массовое сознание (см.: [16]). Деидеологизированные СМИ, такова ирония их судьбы, достигают своей номинальной сущности – и тут же выворачивают её наизнанку, становясь по существу средствами массовой дезинформации. В их арсенале теперь отрывочные, поверхностные материалы – вопрос о том, способна ли информация быть кардинально иной, уже недостижимой ни для обсуждения, ни для постановки на страницах газет и в телеэфире. Пропагандистские операции производятся там на уровне обыденных смыслов, упакованных в вычурные термины.

Омассовление сознания сущностно выражается в стремительном росте его потребительских настроений и в облегчённой податливости к манипулированию. Социальная матрица этих ментальных трансформаций, этой возвышенной ментальной упадочности – *общество потребления*. Оно возникает тогда, когда перепроизводство фиктивно перестаёт быть кризисом, становясь ускользающим от определения его антиподом. Когда потреблять не производя могут позволить себе не некоторые, а многие.

Аксиологическая шкала «человека потребляющего» объективно смещается в

сторону гедонистически-досуговых ценностей. Какие-то из них ещё требуют от людей активности (экстремальные виды спорта), какие-то её искусно имитируют (азартные игры), но в тенденции, в тенденции онлайн, человеческая активность гасится (шопинг – и тот уже не выходя из дома). При том что маховик массового производства продолжает ускоренно раскручиваться, не нуждаясь благодаря продвинутой технике в масштабном привлечении людей. Ему нужны только – всё нарастающие – усилия тех немногих, кто способен поддерживать поступательный технический прогресс. Для остальных предусмотрено сокращение рабочего времени, сопровождающееся, впрочем, нагнетанием интенсификации труда. Причём делается это чаще всего посредством того, что статус обязательной получает работа совершенно бессодержательная, социально ненужная и требуемая лишь для того, чтобы хоть как-то легитимировать рост абсолютно спекулятивного капитала и – то неброско, то вызывающе – воспроизводить систему эксплуатации. Балом правит технократия, инкорпорированная в институт частной собственности. «Заработок становится всё теснее связан с игрой по правилам техиндустрии, из чего следует неизбежная торговля собой. Ни для кого не секрет, что электронные прислужники Кремниевой долины следуют за нами всюду прямо в кармане. <...> Нас клеймят и отслеживают как телят и коров, лишённых какой-либо значимости, и тыкают тысячами срочных, но бессмысленных приказов, возникающих из ниоткуда» [17, с. 293].

Правящая технократия облакает свои намерения в квазиидеологический, гибридный продукт: в выдернутые из контекста лозунги идеологий прошлых времён. Нетрудно, однако, заметить, что во всех этих кентаврических структурах в обязательном порядке присутствует либеральная составляющая: где-то больше политически, где-то – экономически. Либерализм – идеология-гегемон деидеологизированного мира. Трагикомичная, незавидная участь. Отдав свободу индивидуума на откуп формальному закону, либерал вдруг неожиданно для себя обнаружил, что сам попал под пяту этого закона, которым с примитивной выгодой для себя манипулирует индифферентная к любой идеологии, всеядная бюрократия. Испытывая очевидный дискомфорт, либерализм вместе с тем свысока поглядывает

на поверженные идеологические системы. Два момента предопределили его настоящий статус. Во-первых, либерализм, нельзя не признать, оказался до некоторой степени более самокритичным, нежели его основные конкуренты. Во-вторых (и это главное), он теснее всех прочих идеологий связан с сущностью капитализма и с его эволюционными возможностями.

Общество потребления не хочет называть себя капиталистическим – в действительности являясь, конечно же, таковым. Его подноготная зримо раскрывается во временной философской оптике К. Маркса (высокий статус времени прописан им в четвёртом томе «Капитала» [18, с. 264–265]). Рассуждая в схожем ключе, обнаруживаем неприглядную в социальном и экзистенциальном плане картину. Сокращение необходимого рабочего времени уменьшает вклад человека в общественный котёл, ничуть не уменьшая, напротив, увеличивая его вклад в карман капиталиста. Время, которое индивид дополнительно получает в своё распоряжение в результате сокращения (оптимизации) общественного труда, – ни необходимо, ни свободно. Оно не отвоёвано и не получено в дар. Это время скрытой эксплуатации и подспудно насаждаемого конформизма. Время, подготовленное к самоуничтожению в тотально контролируемых виртуальных сетях. Оно – объективно – лишнее. Вместе с ним, претерпевая от безвременья, объективно лишним в обществе потребления становится и гармонично развитый человек, и идеал такого человека. Массово востребован – придаток к «умным» машинам и технологиям: опознаватель торговых марок и поглотитель сопутствующих товаров, идолопоклонник информации, дистанционно голосующий электоральный штифтик. Трагедия – и объективности (не исключено), и субъективности (несомненно) – в том, что подавление заложенных природой способностей провоцирует деструкцию человеческой психики. Перспектива и промежуточные итоги неутешительны для всех. Невротик и психотик вряд ли окажутся достойными партнёрами инновационных систем. И уж точно индивиду с расстроенным умом не очень комфортно с самим собой. Перед ним, пусть туманно, начинается вырисовываться дилемма: либо и дальше потребительски убежать от себя и других в эскапизм, либо, изживая по-

требительские наклонности, возвращаться к себе и другим, творчески актуализируя богатый потенциал человечности. В поддержку ему – в меру самокритичные контр-потребительские идеологии.

Возвращение на позиции гуманизма (невозможное без разоблачения трансгуманистических химер, пропагандируемых и, увы, уже обыденно ощущаемых) осложняется тем, что человеческое сознание нестойко к манипулятивным воздействиям. Человек, такова его натура, и сам охотно обманывается. И если его сознание действительно рефлексивно-расколото (и элементы его, следовательно, легко тасуются), просторы для самообмана и ментального подлога почти бескрайние. Их окаймляет лишь смерть. Но и её лукавая рефлексия дезавуировала религиозными спекуляциями.

Наиболее популярным, хайповым способом манипулирования людьми является формирование «сверхценного» состояния коллективного сознания посредством внедрения в него примитивно-прямолинейной, чувственно-одержимой, экстатической, доводящей до фанатизма идеи (см.: [19, с. 70–71]). Подчинённая ей психика балансирует на грани патологии и способна в таком состоянии стимулировать как творчески-созидательную деятельность, так и агрессию, разрушение.

При рассмотрении феномена манипулятивных технологий ряд авторов стремятся подчеркнуть ведущую роль «эмоционального сознания», сквозь которое воспринимается информация. Утверждается, что потребительские эмоции формируют у человека информационный сигнал потребности, неоднократно воздействуя на который, можно добиться получения в сознании индивида вассальных эмоций, тем самым программировать поведенческий вектор индивида, социальных групп и всего общества (см.: [20, с. 121]). Отсюда и роль повсеместно насаждаемой экситативной, возбуждающей чувства рекламы, базирующейся на образной памяти (см.: [21, с. 56]). При этом (что, думается, куда важнее) не следует забывать о ламинарном, разделённом на слои характере рекламных вбросов, в соответствии с которым – и в соответствии с дробным, рассечённым рефлексивным сознани-

ем – формируется ментальность общества потребления.

С дискредитацией эмоциональности сознания и с тем, что современный человек больше чувствует, чем мыслит, – а ведь такова, если называть вещи своими именами и не прятаться за переусложнёнными эвфемизмами, очерченная ранее трактовка – позволим себе не согласиться. Иначе выйдет, что зрители гладиаторских боёв, требовавшие хлеба, зрелищ и реальной (не виртуальной) крови на песке Колизея, интеллектуальнее, умнее современных поглотителей рекламы и фанатов «кровавых» компьютерных игр. Да, в определённом смысле античный человек действительно умнее современного инноватика. Но не потому, что чувствовал меньше, чем мыслил, а потому, что не отрывал эмоции от интеллекта (к чему стремились, кстати, и философы постклассического, эллинистического периода). А сейчас... небезумный эмоциональный всплеск зрителей решающего футбольного матча тупо гасится, отменяется вместе с отменённым голом, признаётся недействительным, по сути, системой видеоарбитража. И это не исключение из правил – а новое правило. Не эмоциональное сознание, а культ и технология разрывов, ментальных и жизненно-практических, стратегически пособничают манипулированию людьми.

Заключение. На основании ранее изложенного приходим к следующим выводам:

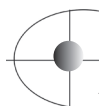
1. Сознание человека IT-цивилизации склонно к ускоренной деструкции и тотальной эклектике; оперируя конструктами сомнительной сложности, оно податливо к простейшим приёмам манипулирования.

2. Кентаврические и гибридные ментальные образования, доминирующие в складывающемся цифровом обществе, маскируют его суть – капиталистического общества с технологически осуществимой возможностью тотального контроля над людьми.

3. Соппротивление инновационному безумию и эксплуатации в её явных и скрытых формах требует крепости и самостоятельности ума, способного возвысить понимающее мышление над исчисляющим и на этой основе нетривиально решать насущные социальные и экзистенциальные задачи.

Список литературы

1. Фатенков А. Н. Невозвращенец: фигура субъекта в негативной диалектике // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 159–169.

2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1955–1981. Т. 3. С. 7–544.
3. Nealon J. T. Post-Postmodernism, or The Cultural Logic of Just-in-Time Capitalism. Stanford: Stanford University Press, 2012. 248 p.
4. Мареев С. Н. Мыслить... (избранные статьи последних лет). М.: Изд-во СГУ, 2011. 587 с.
5. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (Первоначальная версия «Капитала») // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1955–1981. Т. 46, ч. 1. 560 с.
6. Курцвейл Р. Эволюция разума: как развитие искусственного интеллекта изменит будущее цивилизации / пер. с англ. Т. П. Мосоловой. М.: Эксмо, 2020. 448 с.
7. Вайсман Д. Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме / пер. с англ. Н. Эдельмана; под науч. ред. С. Щукиной. М.: Дело, 2019. 304 с.
8. Фатенков А. Н. С цифровыми технологиями – в бесчеловечное будущее // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1. С. 217–219.
9. Goldberg J. Internet Addiction Disorder // CyberPsychol. Behavior. 1996. No. 34. Pp. 403–412.
10. Carr N. The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains. New York: W. W. Norton, 2010. 276 p.
11. Baek I.-H., Park E.-J. “Digital Dementia” is on the Rise // Korea JoongAng Daily. 2013. June 23.
12. Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг / пер. с нем. А. Г. Гришина. М.: АСТ, 2014. 284 с.
13. Гринфилд С. «Ребёнок, воспитанный на социальных сетях, теряет способность к сопереживанию» (интервью portalу Theory & Practice). URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/3539-syuzan-grinfild-rebenok-vospitannyy-na-sotsialnykh-setyakh-teryaet-sposobnost-k-soperezhivaniyu> (дата обращения: 22.03.2021). Текст: электронный.
14. Mészáros I. The Power of Ideology. New York: New York University Press, 1990. 557 p.
15. Taylor P. M. Munitions of the Mind: A History of Propaganda from the Ancient World to the Present Day. New York: Manchester: Manchester University Press, 1995. 324 p.
16. Важаев В. П., Грехов А. В. Военно-историческая память в свете политической конъюнктуры // Приволжский научный журнал. 2015. № 2. С. 202–207.
17. Пайн К. Живи, вкалывай, сдохни. Репортаж с тёмной стороны Кремниевой долины / пер. с англ. К. Казбек, И. Мельникова. М.: Индивидуум, 2019. 304 с.
18. Маркс К. Теории прибавочной стоимости (четвёртый том «Капитала») // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1955–1981. Т. 26, ч. 3. 675 с.
19. Дубровский Д. И. Основные категориальные планы сознания // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 59–75.
20. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 117–123.
21. Костина А. В. Россия: путь к будущему. Технологии формирования нового общества. Цивилизационная идентичность. Информатизация жизни. Культурные ценности и «общество потребления». М.: ЛЕНАНД, 2019. 200 с.

Статья поступила в редакцию 10.05.2021; принята к публикации 22.06.2021

Сведения об авторах

Фатенков Алексей Николаевич, доктор философских наук, профессор; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; 603022, Россия, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23; Приволжский исследовательский медицинский университет, 603005, Россия, г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, 10/1; e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8628-2413>.

Грехов Александр Васильевич, доктор философских наук, профессор, Приволжский исследовательский медицинский университет; 603005, Россия, г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, 10/1; e-mail: grekhov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3668-1576>.

Вклад авторов в статью

А. Н. Фатенков – основной автор, осуществлял концептуализацию и оформление текста.

А. В. Грехов подбирал и анализировал литературные источники.

Библиографическое описание статьи

Фатенков А. Н., Грехов А. В. Общественное сознание в реалиях IT-цивилизации // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 5. С. 25–35. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-25-35.

References

1. Fatenkov, A. N. Non-returner: The Figure of Subject in Negative Dialectics. *Voprosy Filosofii*, no. 6, pp. 159–169, 2013. (In Rus.)
2. Marx, K. & Engels, F. *The German Ideology. Works. V. 3* M: Gospolitizdat, 1955–1981: 7–544. (In Rus.)
3. Nealon, J. T. *Post-Postmodernism: or, The Cultural Logic of Just-in-Time Capitalism*. Stanford: Stanford University Press, 2012. (In Engl.)
4. Mareev, S. N. *Thinking... (Selected Articles of Recent Years)*. M: Izd-vo SGU, 2011. (In Rus.)
5. Marx, K. *Economic Manuscripts of 1857–1859. Works. V. 46. Ch. I*. M: Politizdat, 1955–1981. (In Rus.)
6. Kurzweil, R. *How to Create a Mind: The Secret of Human Thought Revealed*. M: Eksmo, 2014. (In Rus.)
7. Wajcman, J. *Pressed for Time: The Acceleration of Life in Digital Capitalism*. M: Delo, 2019. (In Rus.)
8. Fatenkov, A. N. With Digital Technologies – into an Inhuman Future. *Legal Science and Practice*, no. 1, pp. 217–219, 2020. (In Rus.)
9. Goldberg, J. Internet Addiction Disorder. *CyberPsychol. Behavior*, no. 34, pp. 403–412, 1996. (In Engl.)
10. Carr, N. *The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains*. New York: W. W. Norton, 2010. (In Engl.)
11. Baek, I.-H., Park, E.-J. “Digital Dementia” Is on the Rise. *Korea JoongAng Daily*, June 23, 2013. (In Engl.)
12. Spitzer, M. *Wie wir uns und unsere Kinder um den Vorstand dringen*. M: AST, 2014. (In German.)
13. Greenfield, S. “A Child Raised on Social Media Loses the Ability to Empathize” (Interview with Theory & Practice Portal). Web. 22.03.2021. <https://theoryandpractice.ru/posts/3539-syuzan-grinfild-rebenok-vospitannyy-na-sotsialnykh-setyakh-teryat-sposobnost-k-soperezhivaniyu> (In Rus.)
14. Mészáros, I. *The Power of Ideology*. New York: New York University Press, 1990. (In Engl.)
15. Taylor, P. M. *Munitions of the Mind: A History of Propaganda from the Ancient World to the Present Day*. Manchester; New York: Manchester University Press, 1995. (In Engl.)
16. Vazhdaev, V. P. & Grekhov, A. V. Military and Historic Memory in the Aspect of the Current Political Situation. *The Privolzhsky Scientific Journal*, no. 2, pp. 202–207, 2015. (In Rus.)
17. Pein, C. *Live Work Work Work Die: A Journey into the Savage Heart of Silicon Valle*. M: Individuum, 2019. (In Rus.)
18. Marx, K. *A History of Economic Theories (Capital, volume IV). Works. V. 26. Ch. III*. M: Gospolitizdat, 1955–1981. (In Rus.)
19. Dubrovsky, D. I. The Basic Categorical Planes of Consciousness. *Philosophy questions*, no. 12, pp. 59–75, 2008. (In Rus.)
20. Volodenkov, S. V. & Fedorchenko, S. N. Digital Stigmata as a Tool of Manipulating Mass Consciousness in the Conditions of Modern State and Society. *Sociological research*, no. 11, pp. 117–123, 2018. (In Rus.)
21. Kostina, A. V. *Russia: A Path to the Future. Technologies of the Formation of New Society. Civilizational Identity. Informatization of Life. Cultural Values and the “Consumer Society”*. M: LENAND, 2019. (In Rus.)

Received: May 10, 2021; accepted for publication June 22, 2021

Information about authors

Fatenkov Aleksey N., Doctor of Philosophy, Professor; Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; 23 Gagarina ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russia; Privolzhskiy Research Medical University; 10/1 Minin sq., Nizhny Novgorod, 603005, Russia; e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8628-2413>.

Grekhov Aleksandr V., Doctor of Philosophy, Associate Professor; Privolzhskiy Research Medical University; 10/1 Minina sq., Nizhny Novgorod, 603005, Russia; e-mail: grekhov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3668-1576>.

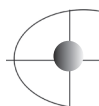
Contribution of authors to the article

A. N. Fatenkov – main author, conceptualization and text design.

A. V. Grekhov – selection and analysis of literary sources.

Reference to the article

Fatenkov A. N., Grekhov A. V. Social Consciousness in the Realities of IT-Civilization // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 5. PP. 25–35. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-25-35.

<http://www.zabvektor.com>

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

УДК 130.121.3

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-36-42

Марина Геннадьевна Федотова,

Омский государственный технический университет

(г. Омск, Россия),

e-mail: fmg@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2571-6198>

Маргинальная реальность юмора

Актуальность работы обусловлена наличием противоречия между распространённостью юмора, его вездесущностью и повсеместностью в социальной реальности и его достаточно слабой исследованностью в качестве феномена этой социальной реальности. Магистральная линия существующих исследований природы юмора связана с изучением его как высказывания с особой (противоречивой) логикой. Цель данной статьи – исследование природы юмора не столько в рамках отдельного высказывания с особой логикой, сколько как явления, конструирующего социальную реальность, а также места юмористической реальности среди других видов социальной реальности. Анализ проведён на основе конструктивистского подхода, методом реконструкции юмористического текста. В результате исследования гипотеза о существовании юмора как некоей прослойки между референтными реальностями (Ж. Деррида) дополнена представлением о конструировании в юмористическом высказывании на основе этих референтных реальностей особой самостоятельной реальности юмора, остающейся маргинальной в рамках дискурса, в котором реализуются референтные реальности. Юмор разрушает контингентность логики дискурса в определённом смысловом поле, сопоставляя ранее несопоставимые реальности. Конструирование юмористической реальности в пределах смыслового поля профессионального знания выполняет иные функции, чем за его пределами (например, в обыденном знании). Отсутствие или ограничение шуток о сакральном для системы знании, принадлежащем ядерной части соответствующего дискурса, конструирующего систему, суть защитный механизм для данной системы, стабилизирующий общество. Результаты исследования являются продолжением разработки конструктивистского подхода в онтологии и социальной философии и могут послужить основой для изучения способов конструирования реальностей в обществе.

Ключевые слова: конструктивизм, философия юмора, реальность, маргинальность, знание, референция

Marina G. Fedotova,

Omsk State Technical University

(Omsk, Russia),

e-mail: fmg@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2571-6198>

The Marginal Reality of Humor

The relevance of the work is due to the presence of a contradiction between the prevalence of humor, its ubiquity and ubiquity in social reality and its rather weak research as a phenomenon of this social reality. The main line of existing research on the nature of humor is connected with the study of it as a statement with a special (contradictory) logic. The purpose of this article is to study the nature of humor not so much within the framework of a separate statement with a special logic but as a phenomenon that constructs social reality, as well as the place of humorous reality among other types of social reality. The analysis is carried out on the basis of the constructivist approach, by the method of reconstruction of the humorous text. As a result of the study, the hypothesis of the existence of humor as a certain layer between referential realities (Zh. Derrida) is supplemented by the idea of constructing in a humorous utterance on the basis of these referential realities a special independent reality of humor, which remains marginal within the framework of the discourse in which referential realities are realized. Humor destroys the contingent logic of discourse in a certain semantic field, comparing previously disparate realities. The construction of humorous reality within the semantic field of professional knowledge performs other functions than outside of it (for example, in everyday knowledge). The absence or limitation of jokes about the knowledge sacred to the system, which belongs to the nuclear part of the corresponding discourse that constructs the system, is a protective mechanism for this system, which stabilizes society. The results of the study are a continuation of the development of the constructivist approach in ontology and social philosophy and can serve as a basis for studying the ways of constructing realities in society.

Keywords: constructivism, philosophy of humor, reality, marginality, knowledge, reference

© Федотова М. Г., 2021

Введение. О юморе всерьёз – не самая популярная тема философских исследований. Тому есть несколько причин, основная из которых видится в противоречивости строгой точности научного дискурса (с одной стороны) и некоей двусмысленности на грани приличия юмористического дискурса (с другой стороны). Наиболее распространённой онтологической теорией, объясняющей природу юмора, является теория несоответствия (противоречия). В этой теории утверждается, что «юмор – это наша конфронтация со стимулом, который является неожиданным или несовместимым с нашим обычным взглядом на мир» [1, с. 217]. Теория несоответствия получила наиболее полное обоснование в трудах И. Канта, А. Шопенгауэра и Л. Дюмона.

Другие теории юмора, признанные фундаментальными – теория утешения (освобождения) и теория превосходства (обесценивания), – учитывают, прежде всего, социально-психологические факторы юмористического высказывания [2]. Теория превосходства в традиции, идущей от Платона, объясняет природу юмора эмоцией жалости и чувством превосходства по отношению к неудачнику – герою анекдота, не способному преодолеть трудные жизненные обстоятельства (Т. Гоббс, Р. Декарт, Ф. Хатчесон, Д. Мередит). Таким образом, «юмор предполагает понижение статуса целевого человека, группы или объекта» [1, с. 217]. Теория утешения описывает юмор как физиологическую реакцию организма на нервное напряжение (Э. Шефтсбери, Г. Спенсер, З. Фрейд).

Критика теории несоответствия справедливо основана на ограниченности взгляда на юмор только лишь логикой самого юмористического текста. Данная статья, оставаясь в рамках теории противоречия, призвана восполнить этот пробел. Попытаемся показать, каким образом юмористическое высказывание конструирует социальную реальность, в чём особенности такого рода «юмористической реальности» и каково её место среди других видов социальной реальности.

Методология и методы исследования. Традиция понимания юмора как высказывания с особой логикой видится уже у Платона, затем у И. Канта, а наиболее завершённое своё выражение получила в исследованиях философов-постмодернистов

Ж. Делёза, Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Бодрийяра в ряду исследований языка, знания, способов означивания реальности и форм её конструирования. Свою роль здесь сыграла постмодернистская философия с её вниманием к языку и исключительным явлениям, не вписывающимся в общепринятое (как, например, шизанализ). Юмор, по определению, есть нечто исключительное, не поддающееся тривиальной логике повседневности. Свою роль сыграла и аналитическая философия с её вниманием к логическим (и языковым) парадоксам. Разработкой лингво-семантического аспекта современной теории юмора занимаются В. Раскин и С. Аттардо.

В данной статье ограничимся конструктивистским подходом, который заключается в допущении, что реальность конструируется в сознании субъекта в процессе деятельности коммуникативными средствами. Поскольку конструктивизм представляет собой философское направление, состоящее из нескольких течений, различающихся степенью радикальности в понимании отношения конструкта и наличной действительности, стоит оговориться, что в качестве методологии мы применяем «конструктивизм в узком смысле», т. е. как комплекс концепций «которые подчёркивают идею неотражательной, конструктивной природы познания, языковую и культурно историческую обусловленность сознания, опосредствованность познания и понимания мира индивидуальными конструктами, формируемыми в онтогенезе, идею конструктивного альтернативизма (множества способов концептуализации событий) и плюрализма истины» [3, с. 36], представленный работами А. Шюца, Дж. Мида, Ж. Пиаже, Дж. Келли, Дж. Брунера, П. Бергера и Т. Лукмана, Н. Лумана. Разновидностью конструктивистского подхода в этом смысле нередко считают, в частности, постмодернизм и постструктурализм [4, с. 48]. В качестве теорий среднего уровня и (или) методик в конструктивистских исследованиях, опирающихся на базовую идею постмодернизма о том, что единственная реальность есть описание реальности («весь мир – текст»), с необходимостью востребованы теории, объясняющие порождение и интерпретацию текста: теория информации (В. И. Когородин, Э. Х. Лийв, И. В. Мелик-Гайказян, В. Г. Пушкин, А. Д. Урсул, Л. А. Цымбал и др.); герменевтика (Г.-Г. Гадамер, П. Рикер, М. Хайдеггер); се-

миотика (Р. Барт, А. Н. Барулин, И. Бар-Хиллел, Э. Бенвенист, Ж. Деррида, Р. Карнап, Э. Касирер, Ю. Кристева, Ю. М. Лотман, Ч. У. Моррис, Ч. С. Пирс, Ф. де Соссюр, Ю. Степанов, Б. А. Успенский, Г. Фреге, У. Эко и др.). В данной работе мы остановимся на методе реконструкции текста. Реконструкция юмористического текста позволит наглядно показать способы конструирования реальности в юмористическом высказывании.

Результаты исследования и их об- суждение. Реальность в конструктивизме – та часть Бытия, которая освоена и интерпретирована субъектом согласно его (субъекта) повседневной или специализированной (профессиональной) социальной практике и знаниям, общим для отдельных (часто профессиональных) дискурсов. Поэтому, с точки зрения конструктивизма, видов реальностей может быть много, и их классификации разнообразны. По отношению к субъекту говорится о существовании объективной («качество, присущее феноменам, иметь бытие, независимое от нашей воли и желания») [5, с. 7] и субъективной реальности [6]; по отношению к социальному статусу знаний выделяются официальная и маргинальная реальность [7]; по отношению к специфике содержания знаний говорится о реальности повседневности [8] и реальности специализированного дискурса (например, журналистской, религиозной и др.) [9]; по отношению к особенностям социального субъекта – о социальной реальности [10]; по отношению к автономности и онтологической неполноте – о виртуальной реальности [11]; по отношению к специфике объективированных форм «закодированного» знания, поддерживающих единство «процессов воплощения смысловых систем в материализованных формах и раскрытия, обнаружения этих смыслов» [12, с. 89], о художественной, научной и др. В прикладных областях исследований рассуждают о специфических видах реальностей: например, о «реальности сервиса» [13] или о «реальности ландшафтов» [14]. Легко предположить, что реальность юмора – одна из многочисленных видов реальностей, которые конструируются в общественном сознании. Юмор, как и другие символические системы, обладающие «символическими референциальными функциями», является инструментом «создания миров» [15, с. 129].

Но даже беглого взгляда на перечисленные виды реальностей достаточно, чтобы понять – юмор выбивается из этого ряда. У юмористического высказывания собственная логика, собственные способы её выражения в языке, а также свои собственные способы взаимодействия с перечисленными ранее реальностями. Но тогда возможно ли, что эти особенности юмора как социального феномена вообще не позволяют приписывать юмору статус особой реальности? Юмор – всего лишь один из феноменов, составляющих «маргинальное пространство», возникающих в «просвете», «зазоре» между структурами? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо понять, какие же характеристики феномена заставляют считать его одним из видов реальности? Основываясь на приведённых ранее классификациях реальностей, можно выделить по крайней мере два их общих свойства: первое – это системы знаний, являющиеся для субъекта по разным причинам «само собой разумеющимися», и второе – наличие механизма (для каждого из видов реальности своего, особенного), при помощи которого знание и становится «само собой разумеющимся», составляющим основу реальности. П. Бергер и Т. Лукман отмечали, что это деятельность, в результате которой ««знание» становится само собой разумеющейся «реальностью» для рядового человека» [5, с. 7]. Если иметь в виду, что такие реальности – гносеологический конструкт, то предполагается наличие определённого соответствия этого конструкта (реальности) и бытия, понимаемого в этом контексте в смысле не освоенного человеческим разумом мироздания: имеется ли в действительности некий референт для гносеологических конструкций реальности и в какой степени он представлен в этой реальности. Например, очевидно, что в научной реальности, претендующей на конструирование природной среды, референт представлен более полно, чем в виртуальной реальности, а функционирование симулякров в социальной реальности по определению обходится без референта.

Возвращаясь к юмору и оценивая его статус в качестве одного из видов реальности, следует признать, что его положение в «просвете», «зазоре» между структурами представляется обоснованным. Юмористическим текст делает, прежде всего, наличие в тексте противоречия, соединяющего две

реальности, существующие в своей собственной логике. Например, бородатая первоапрельская шутка «Товарищ, у Вас вся спина белая» предполагает существование своего рода референтной реальности, той точки отсчёта, на основе которой и строится шутка. В этой реальности спины окружающих ничем особенным не выделяются. Но для того чтобы шутка состоялась, в равной степени необходимо существование альтернативной реальности, в которой спины людей, населяющих эту реальность, испачканы чем-то белым. Из своего рода конфликта этих реальностей, на их стыке и рождается юмор. В этом смысле юмор действительно существует в «просвете», «зазоре» между двумя реальностями¹.

Вместе с тем можно утверждать, что способ соединения этих реальностей особенный, конструирующий особую юмористическую реальность. В юмористическом высказывании референция, т. е. связь между знаком и объектом действительности, нарушена осознанно и принципиально, и это и есть основа конструирования юмористической реальности. Юмор всегда означает, если воспользоваться теорией информации, появление «события», т. е. такой ситуации, которая выявляет новые неожиданные связи между объектами действительности. Можно также сказать, что шутка в той мере смешна, в какой неожиданна эта связь для субъекта, воспринимающего эту шутку. Перед субъектами, вовлечёнными в юмористическую коммуникацию, открываются новые связи между объектами реальности, а сами объекты выглядят в новом, неожиданном свете. Например, неожиданный взгляд на ситуацию демонстрирует шутка: «Если отключили интернет, значит ли это, что провайдер подарил мне свободу?» В юмористическом высказывании субъект таким образом соединяет два несоединимых в повседневности объекта реальности, тем самым даёт возможность для конструирования новой реальности. Часто неожиданность проявляется в форме языковой игры – новых значений привычных слов: «Алло, это сварщики? Сварите, мне, пожалуйста, борщ».

¹ Похожая гипотеза обсуждается в рамках психологических исследований юмора. См., напр.: Saliba E. T. Cultural history of humor: Provisional balance and research perspectives // Revista de Historia. – 2017. – No. 176. – Pp. 1191–1208. – DOI: 10.11606/issn.2316-9141.rh.2017.127332.

Однако, если мы попытаемся ответить на вопрос «О чём шутка?», то станет понятно, что юмористическое высказывание не сводится к двум названным реальностям, а конструирует третью (не обязательно связанную с ними сюжетно или тематически), в которой первые две находятся в противоречивых отношениях. Например, анекдот «Просидев в изоляции, не имея лёгкой возможности бегать по докторам и поликлиникам, как обычно, многие поняли, что без постоянного вмешательства медицинской помощи им стало ЛУЧШЕ» отсылает нас к трём реальностям. Первая – реальность «само собой разумеющаяся», где от медицинской помощи пациентам становится лучше. Ей логически противопоставлена реальность, в которой как сами собой разумеющиеся мыслятся напротив популярные идеи самолечения, где от вмешательства врачей «только хуже». Это реальность, в которой «живёт» персонаж анекдота. Однако ясно, что смысл анекдота не в отсылке к этим реальностям, а в конструировании третьей, где явно обозначен конфликт первых двух, принципиально несоединимых реальностей: должной и сущей. Поэтому и говорят о «чувстве юмора», которое даётся не каждому именно как осознание юмористического парадокса, понимание особого «конфликтного» соединения двух несоединимых или несоизмеримых реальностей.

Итак, существование «на стыке», в «зазоре» между реальностями позволяет утверждать, во-первых, о существовании особой – юмористической – реальности в одном ряду с другими видами реальностей, во-вторых, о маргинальном характере реальности, формируемой в юмористической коммуникативной практике, со специфическими правилами рациональности, которые «принципиально не вписываются в доминирующие парадигмы мышления и поведения»².

Юмористическое высказывание конструирует особую реальность, суть которой сводится к конфликту или неожиданному сопоставлению двух несопоставимых реальностей. Если юмор – всё же особая реальность, то как она соотносится с другими, каково её место среди других видов реальности? И поскольку реальность – гносеоло-

² Грицанов А. А. Маргинальность. – Текст: электронный // Новейший философский словарь. Постмодернизм. – URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Г/грцанов-александр/новежшй-философскй-словарь-постмодернизм> (дата обращения: 10.04.2021).

гический конструкт, то прежде всего стоит выяснить, как юмор соотносится с конструктами иных систем знания: научной, художественной и других?

Социологически юмор оценивается как способ «взаимодействия и реализации ценностей социальных групп» [16], имеющих принципиально различные взгляды. Довольно часто в этой связи анализу подвергается как раз юмор маргинальных групп, например, расовый юмор [17]. Представляется, что эти объяснения недостаточны: сам факт взаимодействия и его особенности в свою очередь нуждаются в объяснении.

Представляется, что системы специализированных знаний и соответствующие им дискурсы соотносятся с юмористической реальностью иначе, чем системы обыденных знаний и соответствующие им дискурсы. Нетрудно заметить, что без наличия определённых знаний шутку понять невозможно. Причём речь идёт как об обыденных знаниях («Вышел на улицу, а там опять зима. Она что, каждый день теперь будет?»), так и о специализированных, например, медицинских («Благодаря паранойе, я стал лучше следить за собой»). Более того, нередко говорят о «профессиональном» юморе: врачей, программистов, физиков («Физики шутят», «Шутят химики», «Физики продолжают шутить» и др.). На первый взгляд, действительно, профессионалы шутят о своей профессии так же, как и обыватели о повседневной жизни.

Как мы отмечали, юмористическое высказывание, формально-тематически относясь к области специализированных знаний, чаще всего конструирует фрагмент реальности повседневности. В определённом смысле можно утверждать, что профессионал становится обывателем, когда он шутит. Легко проиллюстрировать эту мысль на примере «профессионального» юмора. Например, прозвучавшая ранее шутка о паранойе, хотя и востребует специальные знания, всё же описывает конфликт повседневности, в частности такой реальности, где субъекты настолько тщательно «следят за собой», что это напоминает известную болезнь. Это касается любого специализированного знания. Например, в «религиозных» анекдотах в изобилии представлены шутки о конфликте «идеального» и «реального» образа священника, о грешниках, о конфликте в толковании священных текстов и ещё о многом,

но шуток собственно о Боге обнаружить невозможно, как невозможно обнаружить шуток о смысле научных открытий в химии, физике и т. д. Знания, которые являются основой соответствующего дискурса, не могут стать объектом шуток, а если становятся, это вызывает негодование субъектов, разделяющих соответствующую реальность (ср. шутку «холодком повеяло» о героической смерти генерала Д. М. Карбышева в эфире ТНТ, вызвавшую протест ветеранов Великой Отечественной войны).

Таким образом, смысл юмористического высказывания и конструируемая реальность выносятся за пределы специализированного дискурса, в её маргинальную часть, соседствующую с обыденным знанием. Конструирование юмористической реальности в пределах смыслового поля профессионального знания выполняет иные функции, чем за его пределами (например, в обыденном знании). С позиций конструктивизма ситуацию можно объяснить следующим образом. Неизбежное следствие сопоставления двух несопоставимых реальностей в юмористическом высказывании – разрушение связей в системе, которое и приводит к конструированию новой юмористической реальности, но вместе с тем если и не разрушает, то создаёт вероятность разрушения смысловых связей в системе-референте. И. Гофман отмечал, что «незначительные разрушения фрейма (т. е. логической и смысловой структуры – *примеч. авт.*), которые вначале имеют, казалось бы, чисто развлекательную направленность, затем перерастают в серьёзные попытки дезорганизовать социальную ситуацию изнутри» [18, с. 439]. В этом смысле отсутствие или ограничение шуток о сакральном для системы знания, принадлежащем ядерной части соответствующего дискурса, конструирующего систему, суть защитный механизм для данной системы, стабилизирующий общество [19]. Пока система в состоянии справиться с «юмористическими атаками», подвергающимися сомнению существующие в системе смысловые связи, она жизнеспособна. Юмор разрушает замкнутость (традиционность) логики дискурса в определённом смысловом поле, создаёт «событие», сопоставляя ранее несопоставимые реальности.

Заключение. Мы стремились показать возможности конструктивизма в анализе не только собственно языковой реально-

сти, но и других реальностей, находящихся во взаимодействии. Юмор как социокультурный и гносеологический феномен даёт возможность увидеть конфликт конструируемых реальностей и возможности их трансформации. Таким образом, юмор – маргинальная реальность на стыке двух других референтных реальностей. Эта третья, маргинальная реальность, конструируется за счёт конфликта между первыми двумя референтными реальностями. Юмористическая маргинальная реальность в случае ослабления смысловых связей референтной системы может со временем стать ядерной частью смыслового поля, таким

образом будет сконструирована новая непротиворечивая референтная реальность из области знания, которое и являлось объектом шутки. Этот вывод может служить основой для дальнейшего исследования взаимодействия других сконструированных реальностей и их трансформации, в частности, для ответа на вопросы: до какой степени маргинальность является специфической чертой юмористической реальности и можно ли обнаружить некий универсальный механизм трансформации реальностей в сознании индивида, основанный на маргинальности вновь конструируемых реальностей?

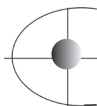
Список литературы

1. Purzycki B. G. Humor as violation and deprecation: A cognitive anthropological account // Journal of Cognition and Culture Volume. 2011. Vol. 11, no. 1–2. Pp. 217–230. DOI: 10.1163/156853711X568752.
2. Мельников С. С. Социология юмора: к критике трёх фундаментальных теорий смешного // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 213–217.
3. Улановский А. М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 35–45.
4. Рюмина М. Т. Принцип конструктивизма и «общество перемен» (некоторые деструктивные тенденции в развитии современного общества) // Вестник Московского государственного университета тонких химических технологий им. М. В. Ломоносова. Сер. «Социально-гуманитарные науки и экология». 2014. № 4. С. 46–52.
5. Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. New York: Anchor Books. Cooley. 1966. 252 p.
6. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994. 591 с.
7. Derrida J. Of grammatology. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1978. 354 p.
8. Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.
9. Бурдьё П. Социальное пространство. Поля и практики / пер. с фр., сост. и послесл. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
10. Finn C. Social Reality. London: Routledge, 1997. 266 p.
11. Paino A., Fidalgo I. Pursuing change in fiction series: Virtual reality as a narrative strategy at the service of the viewer's immersion // Analisi. Quaderns de Comunicació i Cultura. 2017. Vol. 57, no. 1. Pp. 1–14. DOI: 10.5565/rev/analisi.3105.
12. Мартишина Н. И. Реальность и её конструирование. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2009. 171 с.
13. Шелудько Г. В. Сервис в структуре реальностей. М.: Маркетинг, 2007. 155 с.
14. Боков В. А. Реальны ли ландшафты? // Учёные записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. 2012. № 2. С. 3–8.
15. Гудмен Н. Факт, фантазия и предсказание. Способы создания миров / пер. с англ. А. Л. Никифорова, Е. Е. Ледникова, М. В. Лебедева, Т. А. Дмитриева. М.: Идея-Пресс; Логос; Праксис, 2001. 376 с.
16. Jensen T. W. Humor as interactional affordances: an ecological perspective on humor in social interaction // Psychology of Language and Communication. 2018. No. 1. Pp. 238–259. DOI: 10.2478 / plc-2018-0010.
17. Borgella A. M., Howard S., Maddox K. B. Cracking wise to break the ice: The potential for racial humor to ease interracial anxiety // Humor. 2020. No. 1. Pp. 105–135. DOI: <https://doi.org/10.1515/humor-2018-0133>.
18. Goffman E. Frame analysis an essay on the organization of experience. Boston: Northeastern University Press, 1986. 577 p.
19. Федотова М. Г. Означивание социальной информации как фактор стабилизации транзитивных обществ Европы, Азии и Евразии. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2015. 139 с.

Статья поступила в редакцию 14.04.2021; принята к публикации 22.05.2021

Сведения об авторе

Федотова Марина Геннадьевна, доктор философских наук, доцент, Омский государственный технический университет; 644050, Россия, г. Омск, пр-т Мира, 11; e-mail: fmg@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2571-6198>.

Библиографическое описание статьи

Федотова М. Г. Маргинальная реальность юмора // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 5. С. 36–42.
DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-36-42.

References

1. Purzycki, B. G. Humor as violation and deprecation: A cognitive anthropological account. *Journal of Cognition and Culture*, vol. 1–2, pp. 217–230, 2011. DOI: 10.1163/156853711X568752. (In Engl.)
2. Mel'nikov, S. S. The sociology of humor: a critique of the three fundamental theories of the ridiculous. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, no. 1, pp. 213–217, 2015. (In Rus.)
3. Ulanovsky, A. M. Constructivism, radical constructivism, social constructionism: the world as an interpretation. *Questions of psychology*, no. 2, pp. 35–45, 2009. (In Rus.)
4. Ryumina, M. T. The principle of constructivism and “society of change” (some destructive trends in the development of modern society). *Bulletin of MITHT*, no. 4, pp. 46–52, 2014. (In Rus.)
5. Berger, P. L., Luckmann, T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. NY: Anchor Books. Cooley, 1966. (In Engl.)
6. Kant, I. *Critique of Pure Reason* / Trans. by N. Losskijiy. M: Mysl' Publ., 1994. (In Rus.)
7. Derrida, J. *Of grammatology*. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1978. (In Engl.)
8. Shyuc, A. *Favorites: The World, Glowing Sense* / Transl. from German and English. M: ROSSPEN, 2004. (In Rus.)
9. Burd'e, P. *Social space. Fields and practices* / Transl. from French.; Ed. N. A. Shmatko. M: Institut eksperimental'noy sociologii Publ.; SPb: Aletejya Publ., 2005. (In Rus.)
10. Finn, C. *Social Reality*. London: Routledge, 1997. (In Engl.)
11. Paíno, A., Fidalgo, I. Pursuing change in fiction series: Virtual reality as a narrative strategy at the service of the viewer's immersion. *Analisi. Quaderns de Comunicació i Cultura*, no. 1, pp. 1–14, 2017. DOI: 10.5565/rev/analisi.3105. (In Engl.)
12. Martishina, N. I. *Reality and its construction*. Novosibirsk: SGUPS Publ., 2009. (In Rus.)
13. Shelud'ko, G. V. *Service in the structure of reality*. M: Marketing Publ., 2007. (In Rus.)
14. Bokov, V. A. Are landscapes real? *Scientific notes of the V. I. Vernadsky*, no. 2, pp. 3–8, 2012. (In Rus.)
15. Gudmen, N. *Fact, Fiction, and Forecast. Ways of Worldmaking* / Trans. by A. L. Nikiforova, E. E. Lednikova, M. V. Lebedeva, T. A. Dmitrieva. M: Ideya-Press Publ., Logos Publ., Praxis Publ., 2001. (In Rus.)
16. Jensen, T. W. Humor as interactional affordances: an ecological perspective on humor in social interaction. *Psychology of Language and Communication*, no. 1, pp. 238–259, 2018. DOI: 10.2478/plc-2018-0010. (In Engl.)
17. Borgella, A. M., Howard S., Maddox K. B. Cracking wise to break the ice: The potential for racial humor to ease interracial anxiety. *Humor*, no. 1, pp. 105–135, 2020. DOI: <https://doi.org/10.1515/humor-2018-0133> (In Engl.)
18. Goffman, E. *Frame analysis an essay on the organization of experience*. Boston: Northeastern University Press, 1986. (In Engl.)
19. Fedotova, M. G. *Signification of social information as a factor of stabilization of transitive societies in Europe, Asia and Eurasia*. Omsk: OmGTU Publ., 2015. (In Rus.)

Received: April 14, 2021; accepted for publication May 22, 2021

Information about author

Fedotova Marina G., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Omsk State Technical University; 11 Mira ave., Omsk, 644050, Russia; e-mail: fmg@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2571-61>.

Reference to the article

Fedotova M. G. The Marginal Reality of Humor// Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 5. PP. 36–42. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-36-42.

АКСИОЛОГИЯ СОЦИУМА

AXIOLOGY OF SOCIETY

УДК 606.608

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-43-49

Дмитрий Анатольевич Изуткин,

Приволжский исследовательский медицинский университет

(г. Нижний Новгород, Россия),

e-mail: dan55@mail.ru

https://orcid.org/0000-0003-4423-3028

Человеческое достоинство и рационализация современной медицины в аспекте биомедицинских технологий

В статье излагаются некоторые этические аспекты использования биомедицинских технологий в рамках человеческой телесности и взаимоотношений врача и больного с точки зрения человеческого достоинства. Подчёркивается растущая тенденция рационализации медицины и расширение границ её воздействия на здоровый и больной организм. В частности, это связано с внедрением в медицинскую практику различных элементов искусственного интеллекта при диагностике и лечении различных болезней, что в законодательном порядке нашло отражение в Указе Президента Российской Федерации. Это вызывает необходимость рассмотрения данной проблемы в ракурсе этики и права с акцентом на достоинство человека как индивида и уникальной личности. Отмечается противоречивый характер использования различных биомедицинских технологий с точки зрения науки, с одной стороны, и человеческой экзистенции – с другой. Эти позиции рассматриваются в аспектах человеческой телесности и взаимоотношений врача и больного. Проблема «уязвимости» человеческого тела показана на примере возрастания различных биомедицинских исследований, в частности, экспериментальной медицины и его «коммодификации». В этом плане выносятся суждения об онтологической роли тела в жизненном пространстве и опыте человека. При анализе взаимоотношений врача и больного через «призму» биомедицинских технологий, в частности, обращается внимание на изменившиеся субъектно-объектные роли в данной коммуникативной сфере. Вследствие этого техническая модель становится одной из ведущих в современной медицине. Всё сказанное отражает трансформацию исторически сложившихся традиций медико-этического характера и усиление идей трансгуманизма, когда больной индивид постепенно теряет свою уникальность и исследуется в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: биомедицинские технологии, телесность, этика, индивид, врач, больной

Dmitri A. Izutkin,

Volga-region Research Medical University

(Nizhni Novgorod, Russia),

e-mail: dan55@mail.ru

https://orcid.org/0000-0003-4423-3028

Human Dignity and Rationality of Modern Medicine in the Aspect of the Biomedical Technologies

Some ethical aspects of the usage of the biomedical technologies in the frame of human bodiness and the relationship of the physician and the sick from the point of human dignity are set forth in the article. Growing tendency of rationalization of medicine and broadening limits of its influence on healthy and diseased organism are highlighted. In particular, it is associated with the introduction in medical practice of different elements of the artificial intellect in the diagnostics and treatment of different diseases, which have found its legislative order in the Edict of the President of the Russian Federation. It challenges the necessity of consideration of

© Изуткин Д. А., 2021

this problem in the format of ethics and law with the accent on the dignity of the human as an individual and unique personality. Contradictive character of the usage of different biomedical technologies from the point of science, on the one hand, and human existence – on the other are marked. These positions are regarded in the aspects of the human bodiness and relationships of the physician and the sick. The problem of “vulnerability” of the human body is shown on the example of increase of different biomedical investigations, like experimental medicine and its “commodification”. In this respect, judgement about ontological role of the body in life space and human experience is exposed. In the analysis of the relationships of the physician and the sick through the “prism” of the biomedical technologies special attention is being paid to the change of the subject-object roles in this communicative sphere. As a sequence, technical model is starting dominating in modern medicine. All the abovementioned ideas reflect transformation of historically assembled traditions of medical and ethical character and strengthening of the ideas of transhumanism when the sick individual loses its uniqueness and is being investigated in the virtual space.

Keywords: biomedical technologies, bodiness, ethics, individual, physician, sick

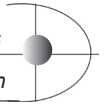
Введение. Формирование высокотехнологичной медицины на основе её цифровизации и внедрения в медицинскую практику новейших биомедицинских технологий в настоящее время считается одной из наиболее приоритетных задач. Это находит отражение в ряде государственных документов. В Указе Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (№ 490 от 10 октября 2019 г.), в частности, указывается, что «использование технологий искусственного интеллекта в социальной сфере способствует созданию условий для улучшения уровня жизни населения, в том числе за счёт повышения качества услуг в сфере здравоохранения (включая профилактические обследования, диагностику, основанную на анализе изображений, прогнозирование возникновения и развития заболеваний, подбор оптимальных дозировок лекарственных препаратов, сокращение угроз пандемий, автоматизацию и точность хирургических вмешательств)»¹. Данное положение наглядно демонстрирует стратегию, направленную на дальнейшее усиление «технологизации» российской медицины, что, несомненно, отражает её «наступательный» рациональный характер и является качественно новым этапом научно-технической революции.

Растущая рационализация медицины неизбежно ставит ряд вопросов этического характера. Не случайно отмечается, что «в последние десятилетия в научно-медицинской, философской и юридической среде ведутся оживлённые дискуссии вокруг социально-философских, этических и правовых проблем в современной медицине» [1, с. 138]. Одной из наиболее изучаемых

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 19.08.2021). – Текст: электронный.

областей, где медицинские технологии находят своё широкое применение, является генетика. Так, американский философ и антрополог П. Рабиноу, рассматривая этический аспект изучения генома человека и сопутствующее этому использование различных геномных технологий, в частности, отмечает, что в сфере человеческих практик это неизбежно порождает непредсказуемые перспективы, надежды, разочарования [2]. Учёный указывает, что «...генетика окажется более мощной силой в деле изменения общества и жизни, чем была революция в физике, поскольку она будет повсюду встроена в социальную ткань на микроуровне, благодаря множеству биополитических практик и дискурсов. Вместе с новой генетикой появятся присущие ей новые возможности и опасности» [3, с. 16]. Относительно возможных генетических рисков и их влияния на физиологию человека и человеческое поведение высказываются Б. П. Тёрнвалд с соавторами [4], Г. Ж. Холландс [5], Л. Чиаперино [6].

В условиях медицинского технического «бума» сознание индивида, как здорового (участие в биомедицинских исследованиях), так и больного, качественно трансформируется, что вызывает у него размышления относительно самости, самооценки, переоценки жизненных ценностей, аккумуляция этих переживаний и рефлексий акцентирует внимание на различных личностных характеристиках индивида в плане его самоидентификации и самоопределения, в частности, вызывает к такому понятию, как *достоинство*. По мнению основоположника экспериментальной медицины К. Бернара, наука должна в первую очередь уважать *человеческую жизнь*. В контексте данной публикации *человеческое достоинство* будет рассмотрено с позиций *личности* индивида. Другими словами, постараемся охарак-

теризовать, в какой степени присутствует ощущение индивидом себя как личности в процессе медицинских вмешательств при использовании биомедицинских технологий с точки зрения *телесности* и медицинском коммуникативном пространстве во взаимоотношениях врача и больного.

Актуальность сказанного в тех или иных аспектах нашла отражение в различной отечественной и зарубежной литературе философского, социологического и биоэтического характера. Помимо приведённых ранее авторов следует также назвать работы А. В. Антипова [7]; Р. Р. Беялетдинова [8]; Е. В. Брызгалиной [9]; Е. Г. Гребенщиковой [10]; А. Корбен с соавторами [11]; С. Хелмрайх [12]; К. Дернер [13]; С. Кохен [14]; Л. Бишамп, Ж. Чилдресс [15]; В. А. Кутырева [16–17]; А. С. Курленковой [19–21]; О. В. Поповой [22]; Е. В. Савошиковой [23]; И. В. Силуяновой [24]; С. Ю. Шевченко [25]; Е. М. Шкомовой [26]; Г. Б. Юдина [27].

В данной статье проблема достоинства человека в эпоху биомедицинских технологий будет рассмотрена в двух аспектах: 1) человеческое тело и телесность; 2) сфера взаимоотношений врача и больного.

Методология методы и исследования. Основу исследования составляют диалектический метод и принцип целостности. Диалектический метод рассматривает человека как существо биосоциальное. В контексте данной статьи это раскрывается в рамках воздействия биомедицинских технологий как разновидности социальных регуляторов на биологию человека, в результате чего определённым образом реконструируется его природа, в частности, телесная самоидентификация. Принцип целостности указывает на единство человеческой самости и телесности, что имеет непосредственное отношение к понятию «достоинство человека». Аналогичный принцип в рамках общения врача и больного позволяет рассматривать последнего как уникальную личность в многообразии субъективных и объективных характеристик.

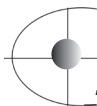
Результаты исследования и их обсуждение. Прежде всего, следует отметить, что такие понятия как «тело», «телесность», «обладание телом» и «достоинство» имеют общую основу, т. к. обращаются к человеческой *самости* и *уникальности*. Другими словами, позиционируя себя как индивид с точки зрения своих жизненных ценностей и

ориентаций, человек тем самым эксплицирует своё достоинство.

Онтологически тело, телесность и достоинство как единое целое вплетены в пространство жизненного человеческого опыта и самопознания.

«Объективизация» человеческого тела в медицине имеет выраженный исторический континуум. Начало анатомических вскрытий и экспериментов в физиологии позволили рассматривать тело как определённый «материал» для формирования медицинских знаний и представлений. В дальнейшем познавательный характер этих вмешательств, как один из критериев научной деятельности, позволил неофициально «узаконить» тело человека как необходимый атрибут научно-медицинских исследований. Таким образом, все научные революции и открытия в истории медицины прямо или опосредованно были связаны с теми или иными воздействиями на человеческое тело. Оно неизбежно служило своеобразным «полигоном» в попытках совершить очередной прорыв в научной мысли и практике. Таким образом, тело стало выполнять функции *необходимого и естественного объекта* в процессе познания биологической природы человека и служить главным критерием научно-доказательной медицины.

В этом плане указывается, что «...человеческое тело не знало преобразований, которые по своему масштабу и глубине могли бы сравниться с тем, что происходило с ним на протяжении XX века» [11, с. 7], а «количественно-качественное увеличение медицинских вмешательств, среди которых и те, что затрагивают целостность человеческого тела, его репродуктивное здоровье и способы ухода из жизни, вызвало беспокойство в самом сообществе медиков, занявшем в результате нишу между гражданским обществом и политико-религиозными силами» [Там же, с. 11]. Всё более заявляет о себе такое понятие, как «коммодификация» тела человека, когда оно рассматривается в виде *товара*, предназначенного для купли и продажи. Эта «продажность» заявляет о себе, в частности, в таких видах деятельности, как трансплантация человеческих органов и экстракорпоральное оплодотворение. В определённой степени это можно рассматривать как «особый способ присвоения живой природы, буквально – капитализация жизни» [12, с. 464].

С точки зрения философии, это своего рода «вызов сущности человека, его природе и идентичности» [13, с. 160]. Человеческое тело является неотъемлемым атрибутом человеческой личности, его суверенной «территорией». Взывая к таким понятиям, как «самость», «самоидентичность», «самооценка» и другим, тело и телесность отражают неповторимую индивидуальную историю и индивидуальный опыт, уникальность природы человека. Отсюда проблема человеческого тела как объекта познания и его онтологической роли в повседневном жизненном опыте приобрела междисциплинарный характер.

С учётом сказанного весьма правомерным представляется утверждение, что «с всё возрастающей доступностью тела вследствие прогресса медицины и узаконивания этого процесса в ближайшем будущем нам придётся научиться уважать и защищать, прежде всего, неприкосновенность *достоинства* (выделено нами – Д. И.) человеческого тела» [Там же, с. 452].

Усиление биотехнологизации медицины существенно изменило *субъектно-объектные* отношения между врачом и больным. Многовековая патерналистская модель, базирующаяся на принципе «*делаи благо*», уступает место *технической* модели общения.

Несомненно, понятие «благо» имеет место и в современной медицине. Вместе с тем, оно приобретает иные качественные характеристики, чем это было несколько десятилетий (тем более веков) тому назад. Теперь, когда ответственность за состояние здоровья ложится на плечи и врача, и больного, благо целесообразно рассматривать на уровне оптимального совмещения/соответствия определённых «*ролей*», которые выполняют обе стороны. Рассуждая на эту тему, С. Кохен считает, что автономия пациента и благо в идеале должны взаимно дополняться при наличии максимальной информации больному со стороны врача с учётом свободы выбора больным наиболее приемлемого решения [14].

Однако, вопрос о степени компетентности больного и её критериях в данной ситуации остаётся весьма неопределённым и неоднозначным. На это обращают внимание Л. Бишамп и Ж. Чилдресс: «Много пациентов и потенциальных субъектов *некомпетентны* (выделено нами – Д. И.) для дачи

аргументированного согласия. Изучение компетентности делает акцент на способность пациентов или потенциальных субъектов психологически или в законном порядке быть адекватными к принятию решения. Компетенция в принятии решения тесно связана с автономностью, равно как и аргументированность согласия» [15, с. 69].

Тем не менее, в этих условиях «врач-техник» всё более «осваивает» клиническое и коммуникативное пространство, рассматривая больного как объект своих научно-технических интересов и притязаний. Вопрос о том, насколько он индивидуализирует каждый клинический случай, в какой степени применяет клиническое мышление в диагностическом и лечебном процессах, по мнению автора данной статьи, остаётся открытым, и его неправомерно рассматривать в каком-то строго определённом категорическом аспекте. С одной стороны, создаётся впечатление, что в технической модели врач более склонен лечить болезнь, а не больного, игнорировать больного как личность и максимально редуцировать непосредственное общение с ним. В этом случае медицинские технологии служат неким «медиатором», опосредующим отношения «врач – больной».

С другой стороны, технически ориентированный специалист, владеющий современными диагностическими методиками и параллельно развивающий своё *клиническое мышление*, формирует особое *ментальное* пространство в попытке выработать *многофакторный* подход к оценке каждого случая болезни, его индивидуализации. В принятии конкретного решения он сопоставляет психосоматические индивидуальные характеристики, присущие конкретному больному, показания диагностической техники и своё (исходя из собственного клинического опыта) *видение* и *восприятие* болезни больного индивида. Это представляется наиболее оптимальным (во всяком случае, теоретически) вариантом в эпоху использования «высоких» медицинских технологий.

Заключение. В настоящий период бурного развития биомедицины и медицинских технологий существенным образом трансформируется не только сам характер медицинских вмешательств, но и ряд базовых этических принципов, которые являются (являлись?) основополагающими при осуществ-

влении различных медицинских практик («не навреди больному», «лечить больного, а не болезнь», «человеческий организм как единая целостная система» и ряд других). Технологизация медицины и, как следствие, растущий медицинский рационализм количественно и качественно изменяют не только стратегию и тактику биомедицинских и клинических вмешательств в организм здорового и больного индивида, но и приводят к существенным сдвигам в *медицинском мировоззрении* исследователя и врача. Принцип «лечить больного, а не болезнь» всё более замещается принципом «лечить болезнь, а не больного».

Прослеживается формальный «стандарт» в принятии решения относительно клинической стратегии и тактики, что, в свою очередь, принижает испытуемого или больного как личность и превращает его в так называемый *кейс* (case), т. е. *обезличивает*. Более того, идея внедрить искусственный интеллект не только в медицину, но и другие сферы человеческой деятельности, по сути, является попыткой замещения человека как биосоциального существа искусственным человекоподобным субстратом. В принципе, по выражению В. А. Кутырева, рассматривается «биотехническое конструирование транс-человека» [16]. Учёный, отмечая растущий характер технологизации и рационализации современной жизни, в целом указывает, что «особенность этого процесса в том, что все перемены идут в направлении, когда межчеловеческие отношения, непосредственные или опосредованные вещами, да и сам человек, трансформируются в *информационно-технологическое* и *виртуальное* (выделено нами – Д. И.) состояние» [19, с. 7].

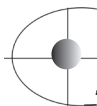
Таким образом, неизбежно возникает ряд *допущений* дискуссионного характера:

1. Допускается, что в настоящий период научно-технической революции в медицине сознание личности испытуемого/больного также трансформируется в сторону адаптации к формирующейся биомедицинской и технологической реальности. 2. Допускается, что больной индивид сознательно избегает общения с врачами (по ряду морально-этических соображений), предпочитая более «доверять» своё тело и организм медицинской технике. 3. Допускается, что всё это в определенной степени является следствием падения «кредита доверия» научно-доказательной медицине.

Одним из понятий (в то же время принципом) биоэтики считается «автономия личности пациента». Противоречивость этого статуса индивида в состоянии нормы и патологии несомненна, т. к. в биомедицинской и клинической среде личность испытуемого/больного может сохранить свои черты, прежде всего, в процессе *диалога* с врачом в рамках *социокультурного* пространства. В руководстве по медицинской этике, изданном Всемирной медицинской ассоциацией (World Medical Association), отмечается, что имеются «два главных препятствия для плодотворной коммуникации между врачом и пациентом – *язык их общения* и *культура*» [18, с. 34]. Если «уход» больного исключительно в собственную автономию на уровне субъективных переживаний и субъективного принятия окончательных решений будет превалировать над мнением врача, то в ближайшей перспективе это приведёт к формированию новой *парадигмы* в современной медицинской этике, деонтологии и рациональной медицине. Тогда проблема достоинства человека с учётом его уникальности в биомедицинской среде будет измеряться иными качественными критериями и содержанием.

Список литературы

1. Кугай А. И. Медицина в калейдоскопе философии. СПб.: Алатаейя, 2013. 182 с.
2. Rabinow P., Bennet J. Designing human practices: An experiment with synthetic biology. Chicago: University of Chicago Press. 2012. 125 p.
3. Рабиноу П. Социобиология и биосоциальность // Человек. 2019. № 6. С. 8–26.
4. Turnwald B. P., Goyer J. P., Boles D. Z. et al. Learning one's genetic risk changes physiology independent of actual genetic risk // Nature Human Behavior. 2019. No. 3. Pp. 48–56.
5. Hollands G. J., French D. P., Giffin S. J. et al. The impact of communicating genetic risks of disease on risk-reducing health behavior: systematic review with meta-analysis // British Medical Journal. 2016. Vol. 352. Pp. 1–11.
6. Chiapperino L. Epigenetics: Ethics, politics, biosociality // British Medical Bulletin. 2018. Vol. 128, no. 1. Pp. 49–60.

7. Антипов А. В. Биополитика, биокапитализм и биосоциальность: становление и развитие понятий // *Человек*. 2019. № 6. С. 174–187.
8. Белялетдинов Р. Р. Биобанки в контексте технонаучной биосоциальности: этика генетизации или генетизация этики? // *Человек*. 2019. № 6. С. 42–53.
9. Брызгалина Е. В. Медицина в оптике искусственного интеллекта: философский контекст будущего // *Человек*. 2019. № 6. С. 54–71.
10. Гребенщикова Е. Г. Биологическое гражданство: от пациентских организаций до потребительской геномики // *Человек*. 2019. № 6. С. 72–81.
11. История тела / под ред. А. Корбена, Ж. Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. М.: Новое литературное обозрение, 2016. Т. 3. 459 с.
12. Helmreich S. Species of biocapital // *Science as culture*. 2008. Vol. 17, no. 4. Pp. 463–478.
13. Дернер К. Хороший врач. М.: Алтейя, 2006. 541 с.
14. Cohen S. The logic of the interaction between beneficence and respect for autonomy // *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2019. Vol. 22, no. 2. Pp. 297–304.
15. Beauchamp L., Childress J. F. Principles of biomedical ethics. Fifth edition. Oxford: Oxford University Press, 2001. 454 p.
16. Кутырев В. А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алтейя, 2015. 311 с.
17. Кутырев В. А., Слюсарев В. В., Хусяинов Т. М. Человечество и Технос: философия коэволюции. М.: Алтейя, 2020. 260 с.
18. Medical ethics manual // World Medical Association. 2005. January. 134 p.
19. Курленкова А. С. Социальные исследования биомедицинской науки и практики в современной России. Текст: электронный // *Медицинская антропология и биоэтика*. 2015. № 1. URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=2219 (дата обращения: 15.08.2021).
20. Курленкова А. С. Отношение к биомедицинским инновациям в России. Текст: электронный // *Медицинская антропология и биоэтика*. 2017. № 1. URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=3185 (дата обращения: 15.08.2021).
21. Курленкова А. С. «Естественно, дети»: биополитика или биоответственное родительство // *Человек*. 2019. № 6. С. 112–129.
22. Попова О. В. Орфанные заболевания: локусы биосоциальности и нормативные практики // *Человек*. 2019. № 6. С. 156–173.
23. Савощикова Е. В. Многогранность биоэтики как понятия, правовые аспекты регулирования // *Известия Оренбургского государственного аграрного университета*. 2015. № 2. С. 256–258.
24. Силуянова И. В. Биоэтика в России: ценности и законы. М.: 2001. 191 с.
25. Шевченко С. Ю. Смыслы биосоциальности: от групп риска к «генетическому ноцебо» // *Человек*. 2019. № 6. С. 27–41.
26. Шкомова Е. М. Трансформация этических регуляторов в контексте развития медико-генетического консультирования // *Человек*. 2019. № 6. С. 145–155.
27. Юдин Г. Б. «Генетическое тело»: политика генетического редукционизма в современном естествознании // *Человек*. 2019. № 6. С. 100–111.

Статья поступила в редакцию 03.09.2021; принята к публикации 15.10.2021

Сведения об авторе

Изуткин Дмитрий Анатольевич, доктор философских наук, профессор, Приволжский исследовательский медицинский университет; 603005, Россия, г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, 10/1; e-mail: dan55@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4423-3028>.

Библиографическое описание статьи

Изуткин Д. А. Человеческое достоинство и рационализация современной медицины в аспекте биомедицинских технологий // *Гуманитарный вектор*. 2021. Т. 16, № 5. С. 43–49. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-43-49.

References

1. Kugay, A. I. *Medicine in the kaleidoscope of philosophy* SPb: Alateja, 2013. (In Rus).
2. Rabinow, P., Bennet, J. *Designing human practices: An experiment with synthetic biology*. Chicago. University of Chicago Press. 2012. (In Engl.)
3. Rabinow, P. *Sociobiology and biosociality*. *Chelovek*, no. 6, pp. 8–26, 2019. (In Rus.).

4. Turnwald, B. P., Goyer, J. P., Boles, D. Z. et al. Learning one's genetic risk changes physiology independent of actual genetic risk. *Nature Human Behavior*, no. 3, pp. 48–56, 2019. (In Engl.)
5. Hollands, G. J., French D. P., Giffin S. J. et al. The impact of communicating genetic risks of disease on risk-reducing health behavior: systematic review with meta-analysis. *British med J*, vol. 352, pp. 1–11, 2016. (In Engl.)
6. Chiapperino, L. Epigenetics: Ethics, politics, biosociality. *British Med Bull*, vol. 128, pp. 49–60, 2018. (In Engl.)
7. Antipov, A. V. Biopolitics, biocapitalism and biosociality: formation and development. *Chelovek*, no. 6, pp. 174–187, 2019. (In Rus.)
8. Belyaletdinov, R. R. Biobanks in the context of technoscientific biosociality: the ethics of geneticization or the geneticization of ethics? *Chelovek*, no. 6, pp. 42–53, 2019. (In Rus.)
9. Brizgalina, E. V. Medicine in the optics of artificial intellect: the philosophical context of the future. *Chelovek*, no. 6, pp. 54–71, 2019. (In Rus.)
10. Grebenshikova, E. G. Biological citizenship: from patient organizations to consumer genomics. *Chelovek*, no. 6, pp. 72–81, 2019. (In Rus.)
11. History of the body. V. 3. Ed. by A. Korbena, Zh. Zh. Kurtina, Zh. Vigarello. M: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2016. (In Rus.)
12. Helmreich, S. Species of biocapital. *Science as culture*, no. 17: 4, pp. 463–478, 2008. (In Engl.)
13. Derner, K. Good physician. M: Alteja, 2006. (In Rus.)
14. Cohen, S. The logic of the interaction between beneficence and respect for autonomy. *Medicine, Health Care and Philosophy*, vol. 22, pp. 297–304, 2019. (In Engl.)
15. Beauchamp, L., Childress J. F. Principles of biomedical ethics. Fifth edition. Oxford University Press. 2001. (In Engl.)
16. Kutyrev, V. A. The last kissing, Human as tradition. SPb, Alteja, 2015. (In Rus.)
17. Kutyrev, V. A., Slyusarev, V. V., Husyainov, T. M. Humanity and Technos: the philosophy of coevolution. M: Aleteja, 2020. (In Rus.)
18. Medical ethics manual. World Medical Association. 2005. (In Engl.)
19. Kurlenkova, A.S Social research of biomedical science and practice in modern Russia. *Medical anthropology and bioethics*, no.1, 2015. Web. 15.08.2021. http://www.medanthro.ru/?page_id=2219 . (In Rus.)
20. Kurlenkova, A. S. Attitude to biomedical innovations in Russia. *Medical anthropology and bioethics*, no. 1, 2017. Web. 15.08.2021. http://www.medanthro.ru/?page_id=3185 (In Rus.)
21. Kurlenkova, A. S. “Naturally, children”: biopolitics or bio-responsible parenting. *Chelovek*, no. 6, pp. 112–129, 2019. (In Rus.)
22. Popova, O. V. Orphan diseases: loci of biosociality and regulatory practices. *Chelovek*, no. 6, pp. 156–173, 2019. (In Rus.)
23. Savoshikova, E. V. The versatility of bioethics as a notion, legal aspects of regulation. *Izvestiya OGAU*, no. 2, pp. 256–258, 2015. (In Rus.)
24. Siluyanova, I. V. Bioethics in Russia: Values and Laws. M: 2001. (In Rus.)
25. Shevchenko S. U. The meanings of biosociality: from risk groups to “genetic nocebo”. *Chelovek*, no. 6, pp. 27–41, 2019. (In Rus.)
26. Shkomova, E. M. Transformation of ethical regulators in the context of the development of medical and genetic counseling. *Chelovek*, no. 6, pp. 145–155, 2019. (In Rus.)
27. Yudin, G. B. “The Genetic Body”: the policy of genetic reductionism in modern natural science. *Chelovek*, no. 6, pp. 100–111, 2019. (In Rus.)

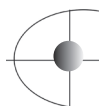
Received: September 3, 2021; accepted for publication October 15, 2021

Information about author

Izutkin Dmitri A., Doctor of Philosophy, Professor, Volga-region Research Medical University; 1/10 Minina and Pozharskogo sq., Nizhni Novgorod, 603005, Russia; e-mail: dan55@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4423-3028>.

Reference to the article

Izutkin D. A. Human Dignity and Rationality of Modern Medicine in the Aspect of the Biomedical Technologies // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 5. PP. 43–49. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-43-49.

УДК 316.32(075.8)

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-50-58

Оксана Александровна Полюшкевич,
Иркутский государственный университет
(г. Иркутск, Россия),
e-mail: okwook@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7924-9305>

Современное прочтение социологии морали

В работе анализируются теоретические концепты и эмпирические инструменты исследования морали, альтруизма, способствующие развитию представлений, убеждений и ценностей о справедливости или её отсутствия и доверия или недоверия себе, окружающим людям и социальным институтам. Актуальность изучения данной проблематики особенно обострилась в период пандемии, когда вопросы морали и этики стали насущными для многих людей в повседневном пространстве при ежедневном выборе собственного поведения, безопасности себя и других во время пандемии и после неё. Указанные фокусы исследования изучаются в рамках междисциплинарного подхода к социологии морали. Показывается, что моральное измерение социальной реальности выступает ключевым маркером общественного воспроизводства. Это положение доказывается как изучением теоретических работ, так и собственными эмпирическими исследованиями автора, проведёнными в 2019–2020 гг. при помощи заполнения дневников на протяжении полугода (165 чел.), где фиксировались моральные эмоции, возникающие в любых жизненных ситуациях, использовалась методика Ш. Шварца для выявления основных ценностей (опрос участников исследования) и фокус-групповые беседы (54 чел.), позволившие выявить несоответствие декларируемых ценностей и ситуационных реакций на разнообразные взаимодействия, опосредованные моральными эмоциями. В статье прослеживается влияние социальной интеракции, производимой через воздействие социальных институтов, вырабатывающих групповые нормы, на поведение индивидов в отдельных ситуациях взаимодействия и групповых реакций в процессе коммуникации и последующих оценок этого процесса. Доказывается, как моральные эмоции либо укрепляют сложившееся функционирование социальных институтов, либо его разрушают, размывая чёткие рамки должного, приемлемого, правильного. Рассматривается, как и почему ситуационные факторы больше воздействуют на нормы и ценности, чем общие представления о нормах морали. Статья может быть интересна философам, социологам и специалистам помогающих профессий для фиксации и рефлексии моральных состояний и трансформаций современной социальной среды.

Ключевые слова: доверие, мораль, альтруизм, ценности, солидарность, групповая идентичность

Oksana A. Polyushkevich,
Irkutsk State University
(Irkutsk, Russia),
e-mail: okwook@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7924-9305>

Modern Reading of the Sociology of Morality

The paper analyzes theoretical concepts and empirical tools for the study of morality, altruism, contributing to the development of ideas, beliefs and values about justice or its absence and trust or distrust in oneself, people around and social institutions. The relevance of studying this issue has become especially acute during a pandemic, when questions of morality and ethics have become urgent for many people in everyday space with the daily choice of their own behavior, the safety of themselves and others during and after a pandemic. These research focuses are studied within the framework of an interdisciplinary approach to the sociology of morality. It is shown that the moral dimension of social reality is a key marker of social reproduction. This position is proved by the appeal of contemporaries within the framework of sociology, psychology, philosophy to these topics, as well as the author's own empirical research conducted in 2019–2020 by filling out diaries for six months (165 people), where moral emotions arising in any life were recorded situations, the methodology of Sh. Schwartz was used to identify the basic values (survey of research participants) and focus group conversations (54 people), which made it possible to identify the discrepancy between the declared values and situational reactions to various interactions mediated by moral emotions. The article traces the influence of social interaction, produced through the influence of social institutions that develop group norms, on the behavior of individuals in certain situations of interaction and group reactions in the process of communication and subsequent assessments of this pro-

© Полюшкевич О. А., 2021

cess. It is proved how moral emotions either strengthen the existing functioning of social institutions or destroy it, eroding the clear framework of what is proper, acceptable, and correct. It also shows how and why situational factors influence norms and values more than general ideas about moral norms. The article may be of interest to philosophers, sociologists and specialists in helping professions for fixing and reflecting on moral states and transformations of the modern social environment.

Keywords: trust, morality, altruism, values, solidarity, group identity

Введение. Для современного социологического научного дискурса тема морали является относительно новой. Безусловно, вопросами норм и долга занимались классики социологии (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, М. Мосс, Г. Зиммель и др.), но тематика их исследований касалась в основном различных аспектов социальной эволюции. Строго говоря, социология, вплоть до XXI в. не занималась данной тематикой. Мораль как социальное явление практически не изучено в социологическом дискурсе. Социальная психология, напротив, накопила достаточно солидный опыт в категоризации и идентификации моральных представлений, ценностей, установок, отражающихся в когнитивных представлениях или поведенческих реакциях, смогла объяснить причины возникновения и последовательность развития данных явлений индивидуальной и коллективной психологии.

Альтруизм и солидарность выступают следствиями реализации в процессе непосредственных интеракций, тех моральных ценностей и норм, что являются основополагающими для того или иного сообщества. При этом стоит иметь в виду следующие аспекты: 1) социальное взаимодействие всегда имеет моральный каркас, моральное измерение; 2) у индивида или группы всегда есть ресурс и воля для изменения сценария (нарушения норм). В первом случае нормы морали поддерживают существующие социальные институты и связанные с ними социальные практики, во втором – разрушают их, конструируя новые нормы, обладающие более широким форматом определения норм морали и правил взаимодействия. В конкретных социальных практиках это подкрепляется моральными эмоциями, которые возникают как сигнал проявления определённых моральных ожиданий, считается, что эти ожидания себя не оправдали. Палитра моральных эмоций может быть достаточно обширна от любви до ненависти, от стыда до гнева, от покорности до ярости.

Альтруизм, солидарность, сплочённость или групповая идентичность, выступая маркерами морали, обладают своим набором моральных эмоций, которые прояв-

ляются в разных ситуациях в повседневном взаимодействии. Они возможны при условии знания, принятия и соблюдения норм и ценностей (категорий морали). В противном случае мы можем наблюдать эгоизм, дезинтеграцию, социальную разрозненность, слабовыраженную или отсутствующую групповую идентичность, что свидетельствует об отсутствии моральных эмоций, следовательно, разрушении старых норм морали.

Всё, что происходит в обществе, может быть оценено с позиции морали. Хороший человек, работник, гражданин – это моральная оценка человека, позволяющая поддерживать социальный порядок. Если людей, нарушающих нормы больше, чем тех, кто их поддерживает и соблюдает, то мы говорим о снижении в системе морально-ценностных ориентаций и потребности формирования нового мировоззрения, на основе иных ценностей, которые будут приняты большинством сограждан [1; 2].

Солидарность выступает чувством, которое разделяется какой-то группой людей (на основе профессии, убеждений, веры) или всем обществом, она позволяет идентифицировать и противопоставить себя и свою группу Другим. Созвучны данным идеям положения концепций таких учёных, как Ч. Тейлор и К. Смит, полагающих, что человек прежде всего существо моральное [3; 4]. И философ (Тейлор), и социолог (Смит) доказывают идею о том, что моральная позиция позволяет человеку быть личностью, вне зависимости от того, какой тип поведения у него доминирует (альтруистический, эгоистический или просоциальный). В обществе есть моральные коды, которые конкретизируются и определяются в конкретных поступках, оценках, суждениях (это то, что мы можем наблюдать в ситуативно обусловленных оценках и суждениях, тогда как при иных обстоятельствах данные выводы и критерии могли бы быть прямо противоположными).

В разные социально-исторические эпохи, в разных культурах такая моральная категория, как справедливость, считалась одной из главных добродетелей. В рамках социологического дискурса данное явление изучается с позиции построения справедли-

вого общества, в психологическом дискурсе анализируются дистрибутивные (распределение и использование благ) и процессуальные (сами принципы распределения и использования) инструменты практического воссоздания справедливости [5]. Справедливость – феномен, выходящий за рамки индивидуальных и групповых представлений; коллективный феномен, который определяет порядок и нормы внутри группы и воздействует на поведение каждого индивида в отдельности. Справедливость как коллективный феномен обладает более широкими границами должного, чем представления одной группы или человека. Например, справедливость может быть обусловлена порядком выживания вида, тогда интересы и нормы одной группы людей или сообщества могут быть отодвинуты на второй план; или же сформированные культурные нормы одной культуры соразмерны условиям её выживания на определённой территории, но не приемлемы к этой же группе на других территориях, что приводит к послаблению моральных норм и ассимиляции с другими представлениями и реалиями других культур (институт полигинии).

Нереализованные ожидания, связанные с убеждениями о справедливости, вызывающими эмоциональную реакцию, становятся мотивом социальных действий или протестов. Социальные эмоции, возникающие в ответ на несправедливость, имеют более глубокие основания, нежели чем отклонение от нормы или ущерб личным или социальным интересам группы. Если нет подтверждённой в обществе убеждённости в том, что всё справедливо, то мы не можем говорить ни об альтруизме, ни о солидарности.

Справедливость связана с идеологией как формой социально закреплённых моральных убеждений и ценностей сообщества, раскрывающих представления и ценности, attitudes и утверждения об общественном устройстве мира (через моральные, правовые, социальные системы). Мораль есть в любой идеологии (от политической до религиозной, от классовой до гендерной), определяя и предписывая условия социализации, принципы интерпретации событий, мыслей и чувств в категориях хорошего или плохого, допустимого или ложного, справедливого или незаконного и т. д. В современном дискурсе всё более актуальными становятся вопросы идеологии в отношении искусственного интеллекта, эфтаназии, лич-

ной свободы и коллективной безопасности и т. д., иными словами, идеология включает в себя моральные категории, способствует (или ограничивает) процессам формирования солидарности, групповой идентичности и в конечном счёте социального доверия (человеку или обществу в целом).

Доверие выступает условием моральных связей, благодаря которым формируются условия социокультурной солидарности. На микроуровне благодаря доверию формируются тесные безусловные длительные связи между людьми, выливающиеся в дружбу и семейные отношения. Оно включает особые эмоциональные и поведенческие составляющие в повседневной жизни и проверяется в ситуациях риска и неопределённости. На макроуровне формируются условия для формирования и развития институтов гражданского общества. Благодаря доверию создаётся и поддерживается большинством членов сообществ приемлемый моральный социальный порядок. Если нет доверия, то в конечном счёте тот порядок, который существует, не одобряется большинством, что приводит к социальным аномиям и дезинтеграции, разрушению близких и дальних социальных связей, формирует одиночество на индивидуальном уровне и безразличие на социальном. Таким образом, доверие выступает маяком справедливости как на уровне микро-, так и на уровне макропрактик.

Методология и методы исследования. Мы опираемся на идеи Р. Коллинза и Дж. Тёрнера в том, что социальные процессы и явления макроуровня реализуются в практиках межличностного взаимодействия, формируя социальные связи, представления и рамки, определяющие конкретные условия поведения индивидов в отдельных, локальных сообществах [6]. Это можно проследить и изучить в виде чувства моральной общности, что определяет фундамент человеческих сообществ (по Дюркгейму), порядок взаимодействия (по Гофману), строящегося на общепринятой интерпретации того, что в процессе интеракции считается правильным, естественным, нормальным.

Среди отечественных учёных также имеются исследования в данном ключе. В своей работе мы опирались на подходы, сформированные на процессах конструирования солидарности благодаря опоре на моральные эмоции (О. А. Кармадонов [7], Г. Д. Ковригина [8], О. Б. Молодов [9], О. А. Симонова [10], О. А. Смирнова [11]),

а также работы, посвящённые месту социологии морали в общественном воспроизводстве через призму изучения социально-гуманитарных наук (Т. Ю. Кирилина [12], В. М. Соколов [13], Г. Игнатов [14] и др.).

Вместе с тем в работе мы применяли подходы конструирования морали и её внедрения в повседневные практики, отражённые в исследованиях Г. Абенда [1], Д. Блека [15], А. Даниссимо [2], Дж. Хайд [16; 17], С. Хитлин [18], Дж. Стетс и М. Картера [19].

В обществе конструируются нормы в отношении того, что считают хорошим или плохим, истинным или ложным, правильным или постыдным. На личностном уровне на основе этого строится Я-концепция, в которой собственное Я выступает моральным агентом социальных институтов, позволяющим определять, насколько я хороший или плохой, попадаю в общепринятую норму или нет. То же самое происходит при оценках восприятия Других. В данной работе мы попытаемся воссоздать воздействие моральных значений на индивидуальный выбор, ситуативное поведение в локальной ситуации, определяющее условие и ход осуществляемой интеракции [19; 20].

Материалом для исследования выступили самоотчёты респондентов в их повседневном взаимодействии (дневники, которые они вели на протяжении полугода) и декларировании системы ценностей и норм в групповом обсуждении в формате фокус-группового исследования. В исследовании, проведённом в 2019–2020 гг., приняли участие 165 человек в возрасте от 18 до 70 лет, 55 % женщин и 45 % мужчин, проживающих на территории Иркутской области, занимающих разное социально-профессиональное положение.

Первая часть исследования проходила в 2019 г. и состояла в заполнении дневников о моральном взаимодействии в повседневной жизни. Дневники получили 250 респондентов, в целом их вели 165 человек, чьи материалы использовали для анализа воздействия моральных норм и моральных эмоций на повседневные практики и идеальные представления о них.

Вторая часть исследования проходила в 2020 г. и состояла в проведении серии фокус-групповых дискуссий, в которых приняли участие 54 человека первого этапа (6 фокус-групп по 9 человек), выбранные по принципу случайной выборки для обсуждения особенностей заполнения дневников,

связанных с этим эмоций и тех эмоций, что вызывали сами фиксируемые практики. Каждая фокус-группа формировалась по гендерному, демографическому и социально-статусному соответствию общей выборки. Фокус-группы проводились через платформу Zoom, из-за ограниченности передвижения в условиях пандемии.

В исследовании применялась модель Ш. Шварца для выделения десяти ценностей, определяющих основные категории морали, среди которых: гедонизм, стимуляция, самоуправление, универсализм, благоволение, подчинение, традиция, безопасность, власть, достижение [24] (категория была представлена в конце дневника, который вели респонденты).

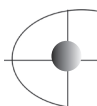
Результаты исследования и их обсуждение. Как показало исследование, у респондентов чёткие представления о существующих в обществе нормах морали, более того, у них имеются собственные моральные ограничения, сформированные под влиянием общих правил. В конкретных ситуациях, они вполне допускают возможность не соблюдать эти нормы, объясняя это нежеланием выделяться на общем уровне («так все поступают»), отстаивать свой личный интерес (эгоистический мотив).

В первом случае можно констатировать симптомы разрушения влияния морали на основные социальные институты, так как отдельные члены, прикрываясь большинством, снимали с себя ответственность за несоблюдение моральных догм. В большинстве случаев они сами признавали несправедливость данного положения, но так как изменить ситуацию в целом не могли, то предпочитали смириться и делать как все.

Во втором случае прослеживался индивидуалистический мотив поведения, основанный на соблюдении не коллективных, а личных интересов, формировании блага и справедливости не для всех, а для конкретных людей (прежде всего себя самого).

Конечно, я знаю, где рамки добра и зла. Но это высокие материи. В реальной жизни надо думать о себе, а не об общем счастье. И если эти мысли идут на грани закона или морали, значит надо делать так, чтобы тебя не поймали. В нашей стране что не запрещено, то разрешено. Вот и пользоваться этим надо, пока есть такая возможность (С. В., 34 года, сетевой бизнесмен).

Чтобы выжить в нашей стране, надо не к нормам морали прислушиваться, а к

логике здравого смысла, позволяющего выживать во враждебной среде. Если сам о себе не подумаешь, то никто о тебе не подумает. Ни сосед, ни государство. Так все живут (О. Р., 53 года, предприниматель).

Выбирая между справедливостью и личным интересом, в 70 % случаев респонденты выбирают второе, признавая правоту и готовность верить в то, что должно быть всё по справедливости.

Повлияла сама страна, правители. Ну нет у нас законов по справедливости, есть по понятиям, есть по выгоде, а справедливость только в книжках есть. Не могу сказать, что детишек этому учить надо, так как в реальной жизни всё не по справедливости, а по силе делается, по праву сильного, а не справедливого (Л. Н., 46 лет, юрист).

Доверие – неоднозначная категория. Несмотря на то что постоянно проводятся мониторинги доверия Президенту, органам власти, бизнесу, которые показывают достаточно высокие проценты в исследуемых процессах, в реальной жизни доверие достаточно размыто в общественном сознании и имеет низкий уровень проявления и оценивания. Говоря о конкретных людях, можно выявить больший или меньший процент доверия, когда же вопрос касается доверия стране, народу, горожанам, тут заметны более критичные и пессимистичные оценки.

Да как можно доверять власти вообще? Там разные люди, но в целом понятно, что туда идут не святые, а те, кто хочет себе что-то урвать. Как им доверять? Доверять никак. Только стараться двигаться с ними на одной воле, чтобы от реализации их интересов и планов что-то перепало и тебе. Или же противостоять им и ничего кроме сомнительной публичности толком не получить (В. А., управляющий холдингом, 51 год).

Обществу нельзя верить. Слишком много всяких ненадёжных товарищей и групп, которые живут своими интересами, целями, задачами. Можно верить отдельным людям – Президенту, Премьеру – тем, кто далеко, а вот тем, кто рядом – начальнику или мэру – верить нельзя. У них всегда свои интересы (В. Б., радиооператор, 35 лет).

Альтруизм является достаточно значимой категорией в оценке социального устройства и формирования общего представления о том, как надо жить. При этом половина респондентов признаёт тот факт,

что сами не всегда поступают с позиции альтруизма, так как это может быть более затратным по времени. Некоторые считают, что необходимо проявлять больше внимания к незнакомым людям, в результате может сформироваться другой образ в глазах окружающих, отличный от того, что сформировался о человеке ранее.

Альтруизм хорош тогда, когда ты не думаешь о куске хлеба. Также как и благотворительность уместна для тех, кому есть что отдавать. Большинство людей живёт вне этих рамок, хотя и признаёт важность и ценность данного поведения и системы взглядов. Но альтруизм не жизнеспособен. Только эгоизм может нам помочь отстаивать свои интересы (С. С., экономист, 39 лет).

Идеи альтруизма, волонтерства, добровольчества хороши сами по себе. На практике все так не могут жить. Это определённый идеал развития социальной среды, в которой всегда будут те, кто её нарушает, кто думает больше о себе, а не о другом. И это нормально. Выживает сильнейший (А. А., программист, 24 года).

Эти идеи проявляются в разных социальных группах, формируя в них групповую идентичность, наполненную своими символами: справедливость есть, но она не достижима в реальной жизни; доверие возможно к конкретным людям (желательно далёким), но не к ситуации, государству, народу вообще; альтруизм хорош как философия, но не как способ жизни, приемлемый для всех.

В ходе исследования нами выявлены поколенческие особенности – справедливость не только как абстрактная категория, но и как применимый на практике постулат может быть реализована для 47,2 % представителей старшего (55 лет и старше), 24,6 % среднего (35–54 года) и 28,2 % младшего поколений (18–34 года).

В высшую справедливость верят 66,3 % женщин и 35,8 % мужчин. В эгоистические установки, управляющие поведением людей, верят 43,8 % женщин и 59,2 % мужчин.

Доверие абстрактное более актуально для представителей старшего и младшего поколений (57,7 и 65,9 % соответственно); для представителей среднего возраста – 23,3 %. Доверие конкретное превалирует у представителей среднего возраста (76,7 %), затем у представителей старшего поколения (42,3 %), у представителей младшего поколения показатель составляет 34,1 %.

Среди женщин всех возрастных групп доминируют те, кто разделяет доверие абстрактное (62,9 %); среди мужчин доминируют представители тех, кто предпочитает доверие конкретное, локальное (68,2 %).

Альтруизм как способ жизни, способствующий улучшению общества, его сплочению и внутренней интеграции, приемлем для младшего поколения в 61,5 % случаев, для среднего – в 21,7 %, для старшего – в 55,5 %.

Альтруизм в виде конкретных актов волонтерства готовы применять в своей жизни 64,4 % женщин и 33,3 % мужчин. Альтруизм как философскую абстрактную категорию, о которой можно порассуждать, не реализуя её на практике, готовы реализовать 35,6 % женщин и 66,7 % мужчин.

Результаты применения методики Шварца, отражённые в таблице, позволили нам выделить ранговое соотношение и соответствие по каждому типу мотивационных ценностей.

Таблица

Средние баллы и ранги ценностей

Ценности	Женщины		Мужчины	
	средний балл	ранг	средний балл	ранг
Безопасность	5,7423	1	4,5865	5
Доброта	5,4321	2	4,1793	10
Конформность	4,8754	3	4,2748	9
Традиции	4,7699	4	4,3864	8
Достижение цели	4,5824	5	5,6652	3
Гедонизм	4,2467	6	4,4338	7
Самостоятельность	3,8352	7	5,7432	2
Универсализм	3,6596	8	4,4328	6
Власть	3,3356	9	5,8965	1
Стимуляция	3,1269	10	5,3275	4

Приведённые в таблице данные показывают, что для женщин высшими ценностями выступают «безопасность», «доброта», «конформность», «традиции», при этом они относятся к «оси консерватизма»; для мужчин – «власть», «самостоятельность», «достижение цели» и «стимуляция», что концентрируется вокруг «оси самовозвышения». На данные распределения влияют как традиционные ценности народов России, так и современные условия распределения обязанностей и общественного устройства большинства социальных институтов.

При этом стоит признать влияние процессов глобализации и происходящих эгалитарных трансформаций общественного уклада. Это приводит к разрушению устоявшихся моральных догм, более свободной их интер-

претации и возможности несоблюдения целыми социальными группами. Эти процессы указывают на разрушение старых моральных устоев и формирование или заложение новых принципов социального воспроизводства.

Конечно, я понимаю как должна вести себя настоящая женщина, но жизнь такая, что надо развивать в себе мужские качества – волю, напористость, наглость. Рассчитывать ни на кого нельзя, только на себя. И тут уж не до эталонов женственности (М. А., администратор клуба, 32 года).

Важно себя чувствовать мужчиной, вести себя как мужчина, думать как мужчина, жить как мужчина. Многие сегодня забывают это делать – сидят на шее у мам, жён, любовниц – теряя при этом свою настоящую природу. Но это всего лишь один из сигналов того, что мы живём во времена перемен. Эти перемены касаются морали и отношений мужчины и женщины. Это приведёт к тому, что лет через тридцать совсем другие категории мужественности и женственности будут нами управлять (С. В., спортивный тренер, 42 года).

Эти данные позволяют говорить о противоречивых формах социальной солидарности, которые определяют рамки применимости социологии морали в обычной повседневной жизни. Социальная солидарность строится через просоциальные стратегии взаимодействия, ориентированные на практики и представления справедливости, нормы, формы и инструменты доверия и альтруизма. Когда нарушается или ослабевает один принцип, он запускает цепную реакцию – рушится вся система взаимосвязи между индивидуальными решениями и стратегиями, социокультурными нормами и моральными догмами, регулирующими жизнь отдельных людей и целых сообществ. И именно это мы можем наблюдать в современном обществе.

В ходе исследования было установлено, что Я выступает связующим звеном между индивидуальным, социокультурным и моральным. В своём повседневном поведении человек всегда ориентируется на нормы и ценности того сообщества, в которое он включён, он их интернализирует и транслирует обратно в виде своих поступков, суждений и оценок. Это либо находит подтверждение в просоциальных практиках поведения (выраженных в социальной эмпатии и альтруизме), либо остаётся на уровне эгоистических или индивидуалистических представлений собственного развития.

Декларируемая моральная ценность может расходиться с реальным действием, поступком, мыслью и чувством в реальности, так как конкретные обстоятельства накладывают свой отпечаток на те ценности и представления, что кажутся нам правильными и приемлемыми. Ситуативные факторы как правило активнее влияют на поведение индивида, целой группы или сообщества, чем воздействие общих моральных культурных кодов, что может быть как результатом иррационального мышления [1] или духовных исканий [9], так и влиянием догм [10; 14; 21].

Анализируя самоотчёты и беседа с участниками опроса после заполнения ими дневников в первой части исследования, мы пришли к выводу о том, что основной трудностью для респондентов выступала фиксация акта или действия, мысли или чувства о доброте, справедливости, альтруизме – всего того, что вызывало моральные эмоции и могло быть отнесено к морали как к догме или как к потребности самовыражения или самореализации. Респондентам сложно было их вычленять из рамок обыденной жизни, фиксировать на них внимание. После дополнительной концентрации это всё-таки удавалось, и в своей массе фокус внимания на морали и моральных эмоциях был достаточно высок. Это позволяет утверждать, что моральные догмы регулируют каждый наш шаг в обыденной жизни, но в силу отсутствия привычки рефлексии, осознанности мы не замечаем того, что именно влияет на наши мысли, решения, поступки. Участники исследования, согласившись на участие в опросе, запустили новые нейронные связи в виде фиксации своего внимания на тех аспектах жизни, что ранее ими воспринимались как обычные и обыденные. Моральные догмы, регулирующие их жизнь, стали для многих инсайтом.

Обобщая доленое соотношение зафиксированных практик, можно утверждать, что когнитивное принятие решений, обдумывание идей о справедливости, доверии, альтруизме и других моральных категориях регулярно присутствует у трети респондентов (32,3 %). Аффективное подключение (эмоциональная вовлечённость) к указанным практикам присутствует у 49,6 % респондентов. Готовность лично вовлечься в практики отстаивания справедливости, увеличения доверия или проявления альтруизма проявляется у 18,1 % респондентов.

Большинство людей живут не абстрактными категориями справедливости или бла-

га, а конкретным пониманием справедливости, добра, зла. Люди не готовы бороться за абстрактное счастье или светлое будущее, им важны осязаемые вещи (свой дом, работа, семья); они способны совершать поступки, меняющие не только их собственную жизнь, но и жизнь их окружения.

Опираясь на идею о том, что человек – существо моральное, принимаем во внимание, что его основной потребностью будет получение морального удовлетворения (социального одобрения его поступков, мыслей и чувств) в референтной для него группе и общепринятых моральных норм. Соответственно, справедливость, доверие и солидарность выступают условием закрепления или разрушения морали.

Заключение. Представления о справедливости, морали, альтруизме для большей части участников исследования имеют локальный характер. Их проявление в обычных повседневных практиках позволяет отмечать общие представления о морали, должном, поступке, своих интересах или интересах большинства, при этом не соответствующих нормам морали.

Выбор, который делает человек каждый день, определяет, какие нормы и ценности будут управлять его решениями в будущем. Каждый закладывает варианты своего будущего через каждодневный выбор микро-практик или конкретного поведения в локальной ситуации.

Для большей части участников исследования мораль хороша как императив, но не как практический инструмент поведения. Это означает, что всем известные и общеприменимые нормы морали в настоящее время теряют свою несокрушимость. Мораль меняется. Трансформируются нормы и устои допустимого или недопустимого, истинного и ложного, расширяются как личные, так и социальные границы приемлемого поведения и мышления. Это означает смену парадигм мышления, образа жизни, мировоззрения и ценностей обывателей.

Методика Шварца позволила определить те ценности, что формируют основные условия развития социальной реальности, обусловленные как традиционными ценностями распределения ролей между мужчиной и женщиной, так и эгалитарными тенденциями, связанными с виртуализацией и глобализацией мира, что меняет представление о морали.

Как показало наше исследование, изучение вопросов социологии морали требует междисциплинарного подхода, освещения разных сторон социальной реальности, обращения к ситуациям, влияющим на моральные нормы и ценности сообщества. При этом не стоит забывать о моральном плюрализме как единственном условии выживания многих, так как в истории уже неоднократно повторялись примеры того, что солидарность большинства выливалась в травлю, а порой и уничтожение меньшинства; процветание для всех невозможно,

поэтому идеи позитивной психологии также ограничены рамками представлений социальных групп.

Социология морали позволяет с одной стороны разграничить, а с другой – подчеркнуть механизмы связи конструирования моральных представлений на макроуровне и их реализации через подтверждение или разрушение моральных эмоций на микроуровне. Повседневные социальные практики и идеальные представления должного в современном обществе далеко не всегда совпадают.

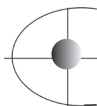
Список литературы

1. Abend G. Two main problems in the sociology of morality // *Theory a. society*. 2008. Vol. 37, no. 2. Pp. 87–125.
2. Damasio A. *Looking for Spinoza: Joy, sorrow and the feeling brain*. Orlando (FL): Harcourt, 2003. 420 p.
3. Smith Ch. *Moral, believing animals: Human personhood and culture*. New York: Oxford University Press, 2003. 342 p.
4. *Sources of the self: The making of modern identity* / ed. by Ch. Taylor. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1989. 228 p.
5. Skitka L. J., Bauman C. W., Mullen E. *Morality and justice: An expanded theoretical perspective and empirical review* // *Advances in group processes*. Bingley. 2008. Vol. 25, no. 1. Pp. 1–27.
6. Turner J. H., Stets J. E. *Moral emotions* // *Handbook of the sociology of emotions* / ed. by J. H. Turner, J. E. Stets. New York: Springer, 2006. Pp. 544–566.
7. Кармадонов О. А. Нормы и эмпатия как факторы социальных преобразований // *Социологические исследования*. 2012. № 4. С. 17–25.
8. Кармадонов О. А., Ковригина Г. Д. *Ресурсы социокультурной консолидации российского общества: монография*. Иркутск: ИГУ. 2017. 184 с.
9. Молодов О. Б. *Социальная консолидация в условиях новой реальности: проблема общественной активности и идентичности населения региона* // *Проблемы развития территории*. 2016. Вып. 2. С. 82–97.
10. Симонова О. А. *Моральные эмоции и социальные объединения* // *Социально-культурные практики сплочённости в современных обществах* / под общ. ред. Н. Е. Покровского, М. А. Козловой. М.: Университетская книга, 2015. Гл. 7. С. 137–155.
11. Смирнова О. А. *Современная социология эмоций и проблема социальной солидарности: основные направления исследований* // *Социологический ежегодник*. 2011. № 1. С. 95–142.
12. Кирилина Т. Ю. *Место социологии морали в системе общественных наук* // *Социально-гуманитарные знания*, 2008. № 6. С. 91–95.
13. Соколов В. М. *Социология морали – реальная или гипотетическая?* // *Социологические исследования*. 2004. № 8. С. 78–88.
14. Ignatow G. *Culture and embodied cognition: Moral discourses in Internet support groups for overeaters* // *Social forces*. Chapel Hill (NC). 2009. Vol. 88, no. 2. Pp. 643–669.
15. Black D. *Moral time*. New York: Oxford University Press, 2011. 376 p.
16. Haidt J. *Morality* // *Perspective on psychological science*. Malden (MA) 2008. Vol. 3, no. 1. Pp. 65–72.
17. Haidt J. *The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgement* // *Psychological Review*. 2001. Vol. 108, no. 4. Pp. 814–834.
18. Hitlin S. *Social psychological ingredients for a sociology of morality* // *The Palgrave handbook of altruism, morality and social solidarity* / ed. by V. Jeffries. L.: Palgrave Macmillan, 2014. Pp. 195–216.
19. Stets J. E., Carter M. J. *A theory of the self for the sociology of morality* // *American sociological rev.* Menasha (WI), 2012. Vol. 77, no. 1. Pp. 120–140.
20. Schwartz S. H., Bilsky W. *Toward a psychological structure of human values* // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. Vol. 53, no. 3. Pp. 550–562.

Статья поступила в редакцию 14.04.2021; принята к публикации 20.05.2021

Сведения об авторе

Полушкевич Оксана Александровна, кандидат философских наук, доцент, Иркутский государственный университет; 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 3; e-mail: okwook@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7924-9305>.

Библиографическое описание статьи

Полюшкевич О. А. Современное прочтение социологии морали // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 5. С. 50–58. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-50-58.

References

1. Abend, G. Two main problems in the sociology of morality. *Theory a. society*. Amsterdam, no. 2, pp. 87–125, 2008. (In Engl.)
2. Damasio, A. *Looking for Spinoza: Joy, sorrow and the feeling brain*. Orlando (FL): Harcourt, 2003. (In Engl.)
3. Smith, Ch. *Moral, believing animals: Human personhood and culture*. N.Y: Oxford univ. press, 2003. (In Engl.)
4. *Sources of the self: The making of modern identity* / ed. by Ch. Taylor. Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1989. (In Engl.)
5. Skitka, L. J., Bauman C. W., Mullen E. *Morality and justice: An expanded theoretical perspective and empirical review*. *Advances in group processes*. Bingley, no. 1, pp. 1–27, 2008. (In Engl.)
6. Turner, J. H., Stets J. E. *Moral emotions*. *Handbook of the sociology of emotions* / Ed. by J. H. Turner, J. E. Stets. N.Y: Springer, 2006: 544–566. (In Engl.)
7. Karmadonov, O. A. Norms and empathy as factors of social transformations. *Sociological research*, no. 4, pp. 17–25, 2012. (In Rus.)
8. Karmadonov, O. A., Kovrigina, G. D. *Resources of the socio-cultural consolidation of the Russian society*. Irkutsk: Irkutsk State University, 2017. (In Rus.)
9. Molodov, O. B. Social consolidation in a new reality: the problem of social activity and identity of the population of the region. *Problems of the development of the territory*, no. 2, pp. 82–97, 2016. (In Rus.)
10. Simonova, O. A. *Moral emotions and social associations // Socio-cultural practices of cohesion in modern societies / under total*. ed. N. E. Pokrovsky, M. A. Kozlova. M: University book, no. 7, pp. 137–155, 2015. (In Rus.)
11. Smirnova O. A. Modern sociology of emotions and the problem of social solidarity: the main directions of research. *Sociological Yearbook*, no. 1, pp. 95–142, 2011. (In Rus.)
12. Kirilina, T. Yu. The place of moral sociology in the system of social sciences. *Social and humanitarian knowledge*, no. 6, pp. 91–95, 2008. (In Rus.)
13. Sokolov, V. M. Sociology of morality – real or hypothetical. *Sociological research*, no. 8, pp. 78–88, 2004. (In Rus.)
14. Ignatow, G. *Culture and embodied cognition: Moral discourses in Internet support groups for overeaters*. *Social forces*. Chapel Hill (NC), no. 2, pp. 643–669, 2009. (In Engl.)
15. Black, D. *Moral time*. N. Y: Oxford univ. press, 2011. (In Engl.)
16. Haidt, J. *Morality*. *Perspective on psychological science*. Malden (MA), no. 1, pp. 65–72, 2008. (In Engl.)
17. Haidt, J. The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment. *Psychological rev. Wash*, no. 4, pp. 814–834, 2001. (In Engl.)
18. Hitlin, S. *Social psychological ingredients for a sociology of morality*. *The Palgrave handbook of altruism, morality and social solidarity* / ed. by V. Jeffries. L: Palgrave Macmillan, 2014: 195–216. (In Engl.)
19. Stets, J. E., Carter, M. J. A theory of the self for the sociology of morality. *American sociological rev. Menasha (WI)*, no. 1, pp. 120–140, 2012. (In Engl.)
20. Schwartz, S. H., Bilsky, W. Toward a psychological structure of human values. *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 3, pp. 550–562, 1987. (In Engl.)

Received: April 14, 2021; accepted for publication May 20, 2021

Information about author

Polyushkevich Oksana A., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Irkutsk State University; 3 Lenina st., Irkutsk, 664003, Russia; e-mail: okwook@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7924-9305>.

Reference to the article

Polyushkevich O. A. Modern Reading of the Sociology of Morality // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 5. PP. 50–58. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-50-58.

<http://www.zabvektor.com>

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

УДК 141.7

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-59-68

Ольга Вениаминовна Смирнова,
Череповецкий государственный университет
(г. Череповец, Россия),
e-mail: ovsmirnova35@gmail.com
<https://orcid.org/0000-003-1720-1522>

Алексей Александрович Кононов,
Череповецкий государственный университет
(г. Череповец, Россия),
e-mail: Alexey190489@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0475-9105>

Разграничение права и морали в правовом позитивизме: социально-философский аспект

В статье анализируются взгляды основных представителей правового позитивизма на проблему соотношения права и морали. Актуальность выбранной темы исследования обусловлена тем, что правовой позитивизм является влиятельным и динамично развивающимся философским течением как в отечественной, так и в зарубежной науке. Цель исследования состоит в рассмотрении особенностей, характеризующих позитивистский подход к разграничению правовой и моральной регуляции, в контексте диалектического взаимодействия индивидуального и социального начал в обществе. Социально-философский анализ исследуемого концепта предполагает установление общего и особенного во взглядах позитивистов относительно взаимодействия указанных социальных регуляторов. Особое внимание уделяется рассмотрению положительных сторон предложенных концепций и проблемных вопросов, возникающих перед правовым позитивизмом. Методология исследования опирается на диалектический метод, метод анализа, сравнительный и исторический методы исследования. Указанные методы позволяют рассмотреть в исторической перспективе развитие взглядов на соотношение права и морали в правовом позитивизме, проанализировать специфические черты в учениях наиболее влиятельных представителей указанного философского течения, путём сравнения выявить общие идеи, объединяющие рассмотренных философов. В результате проведённого исследования утверждается, что для правового позитивизма характерно соотношение права и морали в качестве суверенных социально-нормативных систем, которые тесным образом взаимодействуют в структуре социума, однако не имеют необходимой связи, взаимно определяющей их содержание. Установление самостоятельной природы правовой и моральной регуляции предполагает определение моделей их взаимодействия, демаркационной линии и пределов действия каждого социального регулятора. На основании проведённого исследования делается вывод о трёх возможных моделях указанного взаимодействия и последствиях их реализации в социуме. В частности, определяется, что право и мораль в структуре социума могут быть индифферентны друг к другу; иметь тождественное содержание, реализуемое посредством обеих форм регуляции; либо находиться в отношении противоречия, являющегося источником социального конфликта.

Ключевые слова: соотношение права и морали, правовой позитивизм, нормативизм, аналитическая философия права

Olga V. Smirnova,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia),
e-mail: ovsmirnova35@gmail.com
<https://orcid.org/0000-003-1720-1522>

Alexey A. Kononov,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia),
e-mail: Alexey190489@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0475-9105>

The Distinction Between Law and Morality in Legal Positivism: Socio-Philosophical Dimension

The article deals with the main conceptions of the relationship between law and morality in legal positivism. The research relevance is caused by legal positivism which is influential and dynamically developing in both domestic and foreign science. The purpose of the study is to consider the features that describe the positivist

© Смирнова О. В., Кононов А. А., 2021

approach to the differentiation between legal and moral regulation in the context of the dialectical interaction of individual and social principles in society. It presupposes the establishment of both general and special in legal positivism's views regarding the interaction of these social regulators. Special attention is paid to the consideration of not only positive aspects of the proposed concepts but also the difficulty that arise within legal positivism. The research methodology is based on the dialectical method, the method of analysis, comparative and historical methods. These methods allow us to analyze in a historical perspective the development of views on the relationship between law and morality in legal positivism, to analyze specific features in the visions of the most influential philosophers of this doctrine, to identify common ideas that unite the philosophers considered. As a result of the conducted research, it is argued that legal positivism is characterized by the correlation of law and morality as sovereign socio-normative systems that closely interact in the structure of society, but do not have the necessary connection that mutually determines their content. The sovereign nature of legal and moral regulation implies the search for models of their interaction. It is important to determine the demarcation line of the spheres and limits of each social regulator. As a result, it is concluded that there are three possible models of this interaction, and the consequences of their implementation in society. In particular, it is determined that law and morality within the structure of society can be either indifferent to each other or have identical content realized through both regulation forms or be in relation to a contradiction adducing to a social conflict.

Keywords: relationship between law and morality, legal positivism, pure theory of law, analytical legal philosophy

Введение. Проблема разграничения права и морали в системе социальной регуляции является предметом изучения нескольких философских дисциплин: философии права, этики и социальной философии. В философии права и этике указанная проблема напрямую связана с установлением сущностных признаков правовых и моральных норм, их общего и особенного. В ином ключе исследуется соотношение права и морали в социальной философии. Предметом критического осмысления социальной философии являются различные аспекты отношения «человек – общество». Моральная и правовая регуляции представляют собой неотъемлемые атрибуты общественных отношений и имеют как формальное, так и содержательное значение в социальном пространстве. Будучи социально-нормативными системами, рассматриваемые феномены опосредуют взаимодействие индивидов в обществе. При этом содержание правовых и моральных норм является источником социальных смыслов для вовлечённых в общественные отношения индивидов. Право и мораль участвуют в формировании и развитии социокультурного пространства. Представляется, что предмет изучения социальной философии составляют конкретные особенности взаимодействия формы и содержания исследуемых регуляторов, а также специфика их взаимосвязи друг с другом в социальном пространстве.

Как справедливо отмечает академик А. А. Гусейнов, собственно проблеме разграничения права и морали пристальное внимание уделяется лишь в философии права [1, с. 16]. На наш взгляд, в социаль-

но-философском ключе обозначенная проблема изучена в недостаточной степени. Следовательно, критическое осмысление указанного аспекта применительно к уже сложившимся подходам рассматриваемого соотношения обуславливает новизну данного исследования.

Актуальность социально-философского исследования взаимодействия права и морали имеет как практическую, так и теоретическую стороны. С практической точки зрения, правовая и моральная регуляции упорядочивают взаимодействие элементов социума, обеспечивают его развитие [2, с. 3]. Характер и формы их взаимосвязи имеют непосредственное значение для практики социального взаимодействия. Определение форм, моделей взаимосвязи и пределов действия права и морали в различных подсистемах общества и на различных его исторических стадиях напрямую влияет на понимание специфики отношения «человек – общество» на всех уровнях социальных интеракций.

С теоретической точки зрения, вектор решения поставленной проблемы позволяет по-разному взглянуть на источники содержания и оптимальное соотношение в социуме права и морали, поскольку объём и интенсивность регулирования общественных отношений зависит от самого социума [3, с. 56].

Значимость исследования продиктована и особенностями развития современного общества, для которого характерно неуклонное увеличение пределов правовой регуляции, её проникновения во все подсистемы общества. Названная тенденция, несомнен-

но, влияет не только на форму социальных интеракций, но и на их содержание, а также на индивидуальное и общественное сознание. В этой связи представляется особенно важным сущностное разграничение места и роли права и морали в обществе.

В философии сложились разнообразные взгляды на проблему соотношения права и морали. Можно согласиться с профессором И. В. Михайловским, который предлагает выделять четыре типа понимания исследуемого соотношения: право и мораль совпадают по своему содержанию; право и мораль – две самостоятельные области, не имеющие ничего общего; право есть часть морали (концепции этического минимума); право и мораль различаются по объекту воздействия (право регулирует внешнее поведение индивида в общественных отношениях, тогда как мораль направлена на внутренний мир индивида) [4, с. 143–160].

С точки зрения предложенной классификации, теории правового позитивизма относятся ко второму типу понимания, так как рассматривают право и мораль в качестве суверенных социальных регуляторов. Необходимо отметить, что в зарубежной [5, с. 26–27; 6] и отечественной научной литературе [7, с. 143; 8, с. 109] подчёркивается теоретическая самостоятельность и оригинальность взглядов позитивистов на проблему соотношения права и морали. Более того, в настоящее время указанное идейное течение является одним из самых влиятельных в зарубежной (особенно англо-американской) философии. Отмечается неуклонный рост интереса к идеям правового позитивизма и в отечественной литературе.

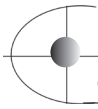
Целью данной статьи стало исследование социально-философских оснований позитивистских концепций соотношения права и морали.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: рассмотрение соответствующих концепций в историко-философской ретроспективе; выявление специфики их социокультурных оснований и общности положений; критический анализ последствий предложенного разграничения права и морали в контексте взаимодействия человека и общества.

Методология и методы исследования. Решение поставленных задач и достижение цели исследования предполагает использование комплексной методологии.

Метод анализа призван определить основные положения, образующие содержание концепций соотношения права и морали в правовом позитивизме. Посредством метода исторического исследования установлены причины и истоки появления правового позитивизма в аспекте проблемы соотношения права и морали, выявлены основополагающие исторические этапы развития указанного философского течения, а также определён общий вектор его развития с момента зарождения и до современного периода включительно. Использование сравнительного метода в исследовании позволило выделить общие черты, объединяющие концепции правового позитивизма в единое учение в решении вопроса о соотношении правовой и нравственной регуляции. Наряду с общими чертами сравнительный анализ дал возможность выделить особенности в подходах к решению рассматриваемой проблемы в различных позитивистских направлениях мысли. Поскольку данные особенности обусловлены своеобразием конкретного философского направления в решении проблемы взаимодействия права и морали, их сравнительное исследование позволило очертить круг соответствующих подходов и оценить эффективность предложенного пути решения. Диалектический метод определил вскрытие противоречий между правом и моралью, рассматриваемых в предложенных концептах в качестве суверенных социальных систем. Установление диалектического характера указанных противоречий позволило подойти к постановке и решению вопроса о моделях взаимоотношения правовой и моральной регуляций в структуре социального целого, особенностей связи рассматриваемых форм регуляции в каждой из выделенных моделей.

Результаты исследования и их обсуждение. Правовой позитивизм представляет собой достаточно молодое направление мысли. Как отмечает современный американский философ Б. Бикс, история правового позитивизма насчитывает всего около двух столетий. Однако в настоящий момент он является доминирующим подходом к пониманию природы права в социально-гуманитарном знании [9, с. 29]. Данное обстоятельство обусловлено специфическими чертами исследуемой концепции относительно других теорий понимания права (прежде всего, теорий естественного права).

Применительно к выбранной теме исследования указанные особенности заключаются в следующем. Позитивисты ставят своей целью исследование права с научных позиций, что предполагает эмпирическое описание и изучение его природы и феноменов. Напротив, трансцендентальный характер естественного права как идеальной правовой реальности, с которой коррелирует позитивное законодательство, не поддается научному исследованию методами позитивизма. Следовательно, позитивисты отказываются от данной категории как метафизической конструкции. Право рассматривается как позитивное законодательство, представляющее собой социально-нормативную систему. Указанный взгляд предполагает самостоятельность его природы относительно других социальных регуляторов, особый характер формы и пределов действия в обществе, независимость содержания. Соотношение правовых и моральных норм предстаёт в качестве взаимодействия самостоятельных социально-нормативных систем. Названные особенности понимания соотношения права и морали характерны для всех теорий правового позитивизма. Имеются, вместе с тем, и существенные отличия, поэтому представляется необходимым рассмотреть взгляды на соотношение права и морали основных представителей позитивизма.

В XIX столетии в рамках правового позитивизма проблему соотношения права и морали решали, в частности, английские философы Иеремия Бентам и Джон Стюарт Милль.

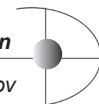
Разграничивая данные регуляторы, И. Бентам указывает, что этика и законодательство имеют единую цель – счастье каждого члена общества [10, с. 375]. Телеологическое единство не исключает самостоятельного характера права и морали. Демаркационная линия между ними проводится философом следующим образом. К этике относятся те действия, которые индивид совершает исключительно самостоятельно, в отношении них недопустимо внешнее принуждение. К законодательству же относятся действия, к совершению которых возможно принудить посредством закона и государственного механизма, обеспечивающего его. Этика учит каждого конкретного человека направлять себя, принимать тот образ действий, который ведёт его

к счастью. Законодательство же указывает обществу в целом образ действий, ведущий к счастью всего социума. Следовательно, И. Бентам разграничивает право и мораль, с одной стороны, в зависимости от возможности либо невозможности принуждения индивида совершить определённые действия; с другой – по объекту, на который направлено действие каждого социального регулятора (мораль адресована конкретному индивиду; право – обществу в целом).

Схожим образом рассматривает соотношение правовых и моральных норм Дж. Ст. Милль. Разграничивая понятия справедливости и великодушия, философ указывает, что справедливость предполагает не только обязанность лица действовать соответствующим образом, но и коррелирующее данной обязанности право другого лица требовать исполнения соответствующей обязанности. В свою очередь никто не вправе требовать от лица великодушия. Приведённая позиция применяется мыслителем не только к соотношению справедливости и великодушия, но и к соотношению рассматриваемых социальных регуляторов в целом. Дж. Ст. Милль указывает, что моральный долг, связанный с безусловными обязанностями, подразумевает наличие соответствующих прав у данного человека или группы лиц; в случае же безусловных обязанностей наличие морального долга не означает возникновение каких-либо прав [11, с. 187].

Как отмечает польский философ М. Оссовская, хотя Дж. Ст. Милль и в случае безусловных обязанностей, и в случае безусловных обязанностей ведёт речь о моральном долге, тем не менее исполнение безусловных обязанностей он связывает со справедливостью и определяет через право [12, с. 194].

Таким образом, в XIX столетии разграничение между правом и моралью как самостоятельными социально-нормативными системами проводилось по следующим критериям. Право рассматривается как вид отчуждённой регуляции, имеющей своим предметом общественные отношения, характеризующиеся наличием корреспондирующих прав и обязанностей участников отношений; и обеспеченной государственным принуждением. Моральные нормы и принципы имманентны индивиду. Мораль хотя и является социальным регулятором, однако

не всегда непосредственно связана с конкретными общественными отношениями, в которых индивидами реализуются права и обязанности. Следование индивидов моральным требованиям не обеспечивается государственным принуждением.

В XX в. оригинальная аргументация тезиса о самостоятельной природе права и морали и отсутствии необходимой сущностной связи между ними предложена австрийским исследователем Хансом Кельзеном и английским философом Гербертом Лайонелом Адольфусом Хартом.

Теория Г. Кельзена изложена в его основной работе «Чистое учение о праве» и получила название нормативизма. В нормативизме отношение права и морали анализируется с позиции формы и содержания. Г. Кельзен приходит к выводу о невозможности разграничения данных социальных регуляторов по их содержанию, поскольку одно и то же социальное действие может в равной степени опосредоваться как правовыми, так и моральными нормами. При этом основания указанного действия могут быть продиктованы как различными мотивами в сознании индивида, так и разнонаправленными интересами участников общественных отношений. Кроме того, Г. Кельзен исходит из позиции морального релятивизма. В обществе одновременно действуют несколько самостоятельных моральных систем, которые исторически изменчивы, различаются между собой, часто противоречат друг другу.

Моральный релятивизм не позволяет с необходимостью дедуцировать содержание права из относительных моральных представлений, существующих в обществе [13, с. 88]. В противном случае правовая регуляция не будет отвечать критерию универсальности, превратится в источник социальных противоречий и конфликтов. С другой стороны, относительная моральная система, образующая содержание права, утрачивает присущие морали черты. Г. Кельзен не учитывает диалектический характер противоречия между правом и моралью в контексте взаимоотношения человека и общества, постулируя их принципиальную независимость друг от друга [Там же, с. 89]. Следовательно, несоответствие нормы одной или нескольким моральным системам общества не свидетельствует о её неправовой природе.

В нормативизме не просто утверждается самостоятельный характер правовой

и моральной регуляции, Г. Кельзен нивелирует значимость содержания права, акцентируя всё внимание на особенностях правовой формы относительно иных социальных регуляторов. Как следствие, значение социально-философских оснований права и морали выпадает из поля зрения нормативизма. Между тем общественные отношения являются исключительным предметом права и в значительной степени – предметом морали. Указанное обстоятельство обуславливает неразрывную взаимосвязь общественных отношений и социальных регуляторов. Складывающиеся под влиянием различных условий общественные отношения определяют содержание правовых и моральных норм. Кроме того, отражаемые в содержании регуляторов предполагаемые модели социально значимого поведения напрямую влияют на становление и развитие нормативно определённых отношений между индивидами и обществом.

Учение Г. Л. А. Харта во многом нивелирует крайность философских взглядов Кельзена. Он, как и Г. Кельзен, разграничивает право и мораль [14, с. 430], но признаёт правомерность вопроса «о наличии в правовых нормах морального содержания» [15, с. 157].

Мыслитель исходит из социально-философских оснований отношения права и морали. Фундаментом социального бытия индивидов является стремление к выживанию, которое рассматривается Г. Л. А. Хартом как безусловное желание, присущее индивидам, сосуществующим в обществе [16, с. 194]. И право, и мораль включают в своё содержание нормы, направленные на обеспечение стабильного существования и развития общества, безопасное взаимодействие отдельных индивидов. Философ определяет указанные нормы как минимальное содержание естественного права, образующее ядро каждого из исследуемых социальных регуляторов. Кроме того, содержание как правовых, так и моральных норм определяется исторически обусловленными особенностями конкретного общества.

Таким образом, в теории Г. Л. А. Харта правовая и моральная регуляции имеют единое социально-философское основание, телеологически связанное с обеспечением безопасности индивидов и стабильным функционированием социального целого. Несмотря на единое основание,

право и мораль имеют суверенную природу. Моральная норма в отличие от права требует признания со стороны участников общественных отношений, её невозможно изменить осознанно, посредством применения установленных формально-юридических процедур. Мораль предполагает имманентное усилие индивида в социальном действии, т. к. в основе действенности моральных норм лежит уважение, а в основе правовых норм – страх наказания.

Утверждая самостоятельность правовой и моральной систем в обществе, Г. Л. А. Харт признаёт, что указанные феномены находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. Между правом и моралью нельзя установить необходимую связь, дедуцировать содержание одного регулятора из другого, так как они имеют самостоятельную, не производную от другого сущность.

В конце XX – начале XXI в. традиции правового позитивизма в разграничении права и морали развивают израильский философ Джозеф Раз и американский учёный Брайан Бикс. Указанные мыслители в определённой степени продолжают философскую линию Г. Л. А. Харта [17, с. 206].

Дж. Раз поддерживает тезис Г. Л. А. Харта об отсутствии необходимой связи между правом и моралью. Он справедливо отмечает, что в случае противоречия между правовой и моральной нормой общество продолжает воспринимать правовую норму в качестве основания социального действия. Данная норма не перестаёт существовать, она поддерживается государством. Рассматривая положение об источниках права (*the sources thesis*), философ указывает, что социальные факты являются источниками и целями права независимо от морали. Более того, оппонировав Р. Дворкину, Дж. Раз постулирует невозможность морали выступать в качестве основы права [18, с. 211; 19, с. 193]. Являясь отчуждённым регулятором, опосредующим общественные отношения, право существует отдельно от морали, правовая природа нормы не обусловлена соответствием моральным принципам. Аналогичным образом Б. Бикс указывает, что право не создаёт и не должно создавать моральные обязательства. Моральная правильность и моральный авторитет не являются критерием оценки права [20, с. 8].

Как уже отмечалось, философское наследие правового позитивизма остаётся

предметом изучения как в зарубежной, так и в отечественной философии. В частности, во второй половине XX в. развернулись оживлённые дискуссии относительно позитивистского взгляда на соотношение права и морали между Г. Л. А. Хартом с одной стороны и Л. Л. Фуллером и Э. Боденхаймером – с другой [21–24]. Споры между исследователями относительно предложенного концепта не утихают и в настоящее время, что, несомненно, свидетельствует о его актуальности и значимости [25–28]. Наиболее спорными остаются вопросы о характере взаимосвязи между правовыми и моральными регуляциями, о месте морали в качестве источника содержания права, о зависимости правового либо неправового характера нормы от её соответствия моральным принципам.

Резюмируя сказанное, необходимо отметить, что взгляды представителей правового позитивизма на проблему соотношения права и морали имеют как общие характерные черты, так и особенности. Сходство взглядов данных авторов на исследуемую проблему определяется сведением природы права исключительно к позитивному законодательству как способу социальной организации. Поэтому анализ соотношения правовой и моральной регуляций предполагает соотнесение между собой соответствующих социально-нормативных систем, определение моделей их взаимодействия в структуре социума. В результате позитивисты приходят к разграничению указанных социальных регуляторов в качестве самостоятельных феноменов и отрицанию между ними необходимой взаимосвязи, обуславливающей их содержание. Данный вывод определяет ряд существенных положений. Прежде всего, моральные нормы и принципы не рассматриваются как источники содержания права, хотя их влияние на право в той или иной степени допускается. Моральные принципы не могут выступать в качестве критерия оценки правой или неправовой природы нормы позитивного законодательства. Таким образом, отрицание необходимой связи между правом и моралью ставит вопрос о характере и моделях взаимодействия самостоятельных социальных регуляторов, их месте и пределах действия в различных подсистемах общества, причинах возникновения, характере и последствиях противоречий между ними в социальной системе.

Названные концепции правового позитивизма имеют и определённые различия. В частности, в центре внимания И. Бентама, Дж. Ст. Милля и Г. Кельзена находится проблема установления формальных особенностей права и морали, разграничения исследуемых регуляций по формальным признакам (особенностям и направленности действия в обществе). В концентрированном виде указанная тенденция обнаруживает себя в нормативизме, который нивелирует содержательное, социокультурное значение права и морали, утверждая их произвольный характер. Всё внимание акцентируется на исследовании особенностей формы правовой и моральной регуляции.

Напротив, философские воззрения представителей аналитической философии права Дж. Раза и Г. Л. А. Харта не сводят проблему отношения между правом и моралью только к исследованию и выявлению особенностей их формы. Названные философы наряду с изучением формальной стороны феноменов права и морали стремятся установить общие и особенные основания их содержания. Теории аналитической философии права признают тесное взаимодействие между правом и моралью в обществе, однако возражают против определения указанного взаимодействия в качестве необходимой связи, предполагающей возможность дедуцировать содержание одного регулятора из другого.

Заключение. Рассмотренные теории правового позитивизма имеют несомненные достоинства, определяющие их значимость и актуальность в системе социально-философского знания.

С научно-методологической точки зрения, утверждение самостоятельной природы права и морали ставит перед социальной философией проблему разграничения правовой и моральной регуляции в контексте диалектического взаимоотношения индивидуального и социального начал в обществе. Структурно-системный анализ общества предполагает необходимость установления демаркационной линии между указанными регуляторами в каждой из подсистем общества; определение пределов действия каждого из них в конкретной подсистеме и обществе в целом, установление соответствующих моделей взаимодействия.

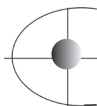
Представляется возможным указать на следующие возможные модели отношения

между правовой и моральной системой в обществе: индифферентность содержания относительно друг друга; тождество их содержания; отношение противоречия.

Однако указанные теории правового позитивизма оставляют нерешёнными ряд существенных вопросов в отношении права и морали. Чрезмерное акцентирование внимания на особенностях формы правовой и моральной регуляции, нивелирование значения их содержания влечёт за собой одностороннее понимание названных феноменов. Очевидно, что как правовая, так и моральная нормы, являясь разновидностью социальных норм, не имеют значения сами по себе, но только в контексте отношения «человек – общество». С одной стороны, предметом их регулирования являются общественные отношения, с другой – усиление комплексности общества, возникновение и изменение общественных отношений влечёт появление новых норм в структуре правовой и моральной регуляции. Следовательно, указанные нормы не есть только форма. Их содержание представляет собой модель социально значимого и желаемого взаимодействия индивидов в обществе. Отражая исторически изменяющуюся социальную действительность, право и мораль определяют вектор развития и содержание вновь возникающих общественных отношений, при этом содержательно меняясь под обратным воздействием новых социальных реалий.

Необходимо отметить, что отправной точкой в анализе соотношения права и морали в нормативизме является аргумент о моральном релятивизме. Г. Кельзенем названный аргумент постулируется без какого-либо обоснования. Однако в истории философии сложились влиятельные этические учения, доказательно отрицающие моральный релятивизм (в качестве примера возможно привести философию кантианства и неокантианства, а также современников Г. Кельзена – М. Шелера и Н. Гартмана).

Применительно к доводам представителей аналитической философии права о невозможности установления необходимой связи между правом и моралью следует сказать, что установление необходимой связи строго научными методами позитивизма между любыми социальными феноменами является затруднительным. Зачастую невозможно установление необходимой связи

даже между различными правовыми нормами внутри правовой системы.

Право и мораль, с одной стороны, опосредуют общественные отношения, с другой – являются источниками социальных смыслов. Указанные стороны социальных регуляторов диалектически взаимосвязаны. Только при наличии данной взаимосвязи право и мораль способны опосредовать основополагающее для социальной философии отношение «индивид – общество», определять модус отношения к ценностно-культурному контексту существования индивида и общества.

Следовательно, разграничение права и морали, отрицание связи между ними с неизбежностью ведёт к противоречиям в отношении индивидуального и социального в обществе, к внутренним конфликтам личности и общества.

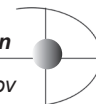
Кроме того, стремление индивидов к выживанию является значительной, но не единственной силой, определяющей вектор

социального развития. Так, стремление к свободе и справедливости зачастую сопровождается разного рода социальными конфликтами и потрясениями (войны, революции, перевороты и т. д.). Указанная логика социально-исторического развития прямо противоречит стремлению индивидов к выживанию, при этом является стимулом к развитию и совершенствованию правовой и моральной регуляции.

Несмотря на противоречивость и спорность позиций указанных авторов, правовой позитивизм остаётся наиболее влиятельным и динамично развивающимся философским течением современности применительно к проблеме отношения права и морали. Его роль в системе философского знания предопределяет значимость и актуальность дальнейших исследований в указанном направлении. В частности, представляется интересным рассмотреть предметного и ценностного подходов к исследованию соотношения морали и права.

Список литературы

1. Гусейнов А. А. Мораль и право: линия разграничения // *Lex russica* (Русский закон). 2018. № 8. С. 7–22. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.141.8.007-022.
2. Мелешко Е. Д., Верховский Д. А. Мораль и право как социокультурные регуляции // *Гуманитарные ведомости Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого*. 2014. № 4. С. 3–9.
3. Хмелевская С. А. Тенденции изменений в праве: социально-философский анализ // *Социально-политические науки*. 2016. № 4. С. 56–59.
4. Михайловский И. В. *Очерки философии права*. Томск: Издание книжного магазина В. М. Посохина, 1914. 604 с.
5. Лезьер В. Коллизии права и морали в западной правовой традиции // *Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Юриспруденция»*. 2018. № 4. С. 25–36.
6. Moreso J. J. *Legal Defeasibility and the Connection between Law and Morality*. URL: http://www.academia.edu/1579682/Legal_Defeasibility_and_the_Connection_between_Law_and_Morality (дата обращения: 07.02.2021). Текст: электронный.
7. Бугарчева Е. А. Право и мораль в постиндустриальном обществе // *Вестник экономики, права и социологии*. 2016. № 2. С. 143–146.
8. Разин А. В. Духовно-практическое освоение действительности в морали и праве // *Lex russica* (Русский закон). 2015. № 4. С. 104–112.
9. Bix B. *Legal Positivism. The Blackwell Guide to the Philosophy of Law and Legal Theory*. Wiley-Blackwell, 2004. 368 p.
10. Бентам И. *Введение в основания нравственности и законодательства*. М.: РОССПЭН, 1998. 415 с.
11. Милль Дж. Ст. Утилитаризм. Ростов н/Д.: Донской издательский дом, 2013. 240 с.
12. Оссовская М. Нравственность и правовые нормы // *Правоведение*. 2013. № 1. С. 188–195.
13. Кельзен Г. *Чистое учение о праве*. СПб.: Алет-Пресс, 2015. 542 с.
14. Яблокова Н. И. Социально-философские идеи в работах Г. Л. А. Харта // *Пробелы в российском законодательстве*. 2016. № 8. С. 430–432.
15. Дидикин А. Б. Формирование аналитической традиции в современной философии права // *ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция*. 2010. № 4.1. С. 149–165.
16. Харт Г. Л. А. *Понятие права*. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2007. 302 с.
17. Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Брайн Бикс и аналитическая философия права в Америке // *Вестник Томского государственного университета. Сер. «Философия. Социология. Политология»*. 2013. № 2. С. 206–210.

18. Raz J. The Concept of a Legal System. An Introduction to the Theory of Legal System. Oxford: Oxford University Press, 1980. 241 p.
19. Raz J. The Morality of Freedom. Oxford: Clarendon Press, 1986. 431 p.
20. Bix B. Kelsen, Hart and Legal Normativity. Текст: электронный // Journal for Constitutional Theory and Philosophy of Law. 2017. No. 5. Pp. 1–17. DOI: 10.4000/revus.3984. URL: <http://revus.revues.org/3984> (дата обращения: 07.02.2021).
21. Боденхаймер Э. Современная аналитическая юриспруденция и границы её полезности // Правоведение. 2013. № 4. С. 148–155.
22. Харт Г. Л. А. Аналитическая юриспруденция в середине XX века: ответ профессору Боденхаймеру // Правоведение. 2013. № 4. С. 156–177.
23. Харт Г. Л. А. Позитивизм и разграничение права и морали // Правоведение. 2005. № 5. С. 102–136.
24. Фуллер Л. Л. Позитивизм и верность праву: ответ профессору Харту // Правоведение. 2005. № 6. С. 124–159.
25. Нехаев А. В. Плохой закон как чистое право: критические заметки к философии права Г. Л. А. Харта // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 72–80. DOI: 10.17223/15617793/440/10.
26. Дидикин А. Б. Моральная нейтральность как правовая ценность: критический анализ философско-правовых аргументов А. В. Нехаева // Омский научный вестник. Сер. «Общество, история, современность». 2019. № 3. С. 99–103. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-3-99-103.
27. Дидикин А. Б. Моральные суждения и действительность права // Омский научный вестник. Сер. «Общество, история, современность». 2019. № 4. С. 112–116. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-112-116.
28. Нехаев А. В. Страсти по морали и юридический позитивизм: ответ Антону Дидикину // Омский научный вестник. Сер. «Общество, история, современность». 2019. № 4. С. 94–111. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-94-111.

Статья поступила в редакцию 12.03.2021; принята к публикации 27.04.2021

Сведения об авторах

Смирнова Ольга Вениаминовна, кандидат философских наук, профессор, Череповецкий государственный университет; 162600, Россия, г. Череповец, пр-т Луначарского, 5; e-mail: ovsmirnova35@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1720-1522>.

Кононов Алексей Александрович, аспирант, Череповецкий государственный университет; 162600, Россия, г. Череповец, пр-т Луначарского, 5; e-mail: Alexey190489@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0475-9105>.

Вклад авторов в статью

О. В. Смирнова – основной автор, организатор исследования, формулировала выводы и обобщала итоги исследования.

А. А. Кононов выполнил систематизацию и сравнительный анализ представленных концепций соотношения права и морали.

Библиографическое описание статьи

Смирнова О. В., Кононов А. А. Разграничение права и морали в правовом позитивизме: социально-философский аспект // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 5. С. 59–68. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-59-68.

References

1. Guseinov, A. A. Morality and law: a demarcation line. Lex Russica, no. 8, pp. 7–22, 2018. (In Rus.)
2. Meleshko, E. D., Verkhovskiy, D. A. Morality and law as socio-cultural regulation. Gumanitarnye vedomosti, TGPU im. L. N. Tolstogo, no. 4, pp. 3–9, 2014. (In Rus.)
3. Khmelevskaya, S. A. Trends of changes in law: social-philosophical analysis. Sociopolitical sciences, no. 4, pp. 56–59, 2016. (In Rus.)
4. Mikhailovskiy, I. V. Essays on the philosophy of law. Tomsk: Publication of the bookstore of V. M. Posokhin, 1914. (In Rus.)
5. Lez'er, V. Conflicts of law and morality in western philosophical tradition and modern criminal justice. Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence, no. 4, pp. 25–36, 2018. (In Rus.)
6. Moreso, J. J. Legal Defeasibility and the Connection between Law and Morality. Web. 07.02.2021. http://www.academia.edu/1579682/Legal_Defeasibility_and_the_Connection_between_Law_and_Morality. (In Engl.)

7. Bugarcheva, E. A. Right and morality in post-industrial society. *The Review of Economy, the Law and Sociology*, no. 2, pp. 143–146, 2016. (In Rus.)
8. Razin, A. V. Spiritual and practical reality studies in morals and law. *Lex russica*, no. 4, pp. 104–112, 2015. (In Rus.)
9. Bix, B. Legal Positivism. *The Blackwell Guide to the Philosophy of Law and Legal Theory*. New-York: Wiley-Blackwell, 2004. (In Engl.)
10. Bentam, I. *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. M: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1998. (In Rus.)
11. Mill'Dzh. St. Utilitarianism. Rostov n/D: Donskoy publishing house, 2013. (In Rus.)
12. Ossovskaya, M. Morality and legal norms. *Pravovedenie*, no. 1, pp. 188–195, 2013. (In Rus.)
13. Kel'zen, G. *Pure Theory of Law*. SPb: Alef-Press, 2015. (In Rus.)
14. Yablokova, N. I. Socio-philosophical ideas in the works of G. L. A. Hart. *Gaps in Russian legislation*, no. 8, pp. 430–432, 2016. (In Rus.)
15. Didikin, A. B. The formation of analytic tradition in the contemporary philosophy of law. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, no. 4.1, pp. 149–165, 2010. (In Rus.)
16. Hart, G. L. A. *The Concept of Law*. SPb: Publishing house St. Petersburg State University, 2007. (In Rus.)
17. Ogleznev, V. V., Surovtsev, V. A. Brian Bix and analytical legal philosophy in the USA. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 2, pp. 206–210, 2013. (In Rus.)
18. Raz, J. *The Concept of a Legal System. An Introduction to the Theory of Legal System*. Oxford: Oxford University Press, 1980. (In Engl.)
19. Raz, J. *The Morality of Freedom*. Oxford: Clarendon Press, 1986. (In Engl.)
20. Bix B. Kelsen, Hart and Legal Normativity. *Journal for Constitutional Theory and Philosophy of Law*, pp. 1–17, 2017. Web. 07.02.2021. <http://revus.revues.org/3984>. (In Engl.)
21. Bodenheimer, E. Modern analytical jurisprudence and the limits of its usefulness. *Pravovedenie*, no. 4, pp. 148–155, 2013. (In Rus.)
22. Hart, G. L. A. Analytical jurisprudence in mid-twentieth century: a reply to professor Bodenheimer. *Pravovedenie*, no. 4, pp. 156–177, 2013. (In Rus.)
23. Hart, G. L. A. Positivism and the Separation of Law and Morals. *Pravovedenie*, no. 5, pp. 102–136, 2005. (In Rus.)
24. Fuller, L. L. Positivism and Fidelity to Law – A Reply to Professor Hart. *Pravovedenie*, no. 6, pp. 124–159, 2005. (In Rus.)
25. Nekhaev, A. V. Evil law as the pure law: critical remarks on the philosophy of law of H. L. A. Hart. *Tomsk State University Journal*, no. 440, pp. 72–80, 2019. (In Rus.)
26. Didikin, A. B. Moral neutrality as legal value: critical analysis of philosophical and legal arguments of A. V. Nekhaev. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*, no. 3, pp. 99–103, 2019. (In Rus.)
27. Didikin, A. B. Moral judgments and validity of law. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*, no. 4, pp. 112–116, 2019. (In Rus.)
28. Nekhaev, A. V. Moral passion and legal positivism: replay to Anton Didikin. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*, vol. 4, no. 4, pp. 94–111, 2019. (In Rus.)

Received: March 12, 2021; accepted for publication April 27, 2021

Information about authors

Smirnova Olga V., Candidate of Philosophy, Professor, Cherepovets State University; 5 Lunacharsky ave., Cherepovets, Russia, 162600; e-mail: ovsmirnova35@gmail.com; <https://orcid.org/0000-003-1720-1522>.

Kononov Alexey A., Postgraduate Student, Cherepovets State University; 5 Lunacharsky ave., Cherepovets, Russia, 162600; e-mail: Alexey190489@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0475-9105>.

Contribution of authors to the article

O. V. Smirnova – the main author, the organizer of the research, who formulates conclusions and generalizes results of the research.

A. A. Kononov carried out systematization and comparative analysis of the concepts that explore the relationship between law and morality.

Reference to the article

Smirnova O. V., Kononov A. A. The Distinction Between Law and Morality in Legal Positivism: Socio-Philosophical Dimension // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 5. PP. 59–68. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-59-68.

МЕНТАЛЬНОЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА

MENTAL AND SOCIOCULTURAL SPACE OF THE REGION

УДК 171.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-69-76

Надежда Сергеевна Зими́на,

Забайкальский государственный университет,

(г. Чита, Россия),

e-mail: 13zimina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1212-8883>

Проблема идентичности человека в трансграничном социокультурном пространстве

Трансграничье социокультурное представляет собой пространство взаимодействия культур, следствием которого являются особые социальные, культурные, социо-антропологические изменения. Актуальность темы исследования определяется тем, что социокультурное пространство, в котором находится человек, постоянно меняется, подвергается стороннему воздействию, наполняется новыми символами, смыслами, что выражается в трансформации основ жизнедеятельности человека и культурных ценностей, изменениях в его идентичности и появлении новых типов личности («человека маргинального», «трансграничного человека»), в самих онтологических основах человека, изменениях границ пространства его собственной идентификации, социальных взаимоотношениях. Суть проблемы идентичности человека в трансграничье заключается в том, что, с одной стороны, сам человек становится трансграничным, с другой стороны, трансграничье требует от него разнонаправленной ориентации в самоидентификации. Цель работы – проследить влияние многослойного трансграничного пространства и соответствующих факторов на идентичность человека и попытаться выявить типы личности и соответствующей идентичности внутри трансграничья. В работе использованы диалектический, системный, аксиологический, антропологический методы исследования, которые в совокупности позволили комплексно подойти к анализу проблемы. В результате проведённого исследования влияния трансграничья на идентичность человека выделены следующие её типы: трансграничная, маргинальная, транзитная. В работе сделаны следующие выводы: особенностью идентификации в трансграничном пространстве является её возможный «транзитный» характер, который определяется поиском новых, близких человеку, культурных форм и постоянным переходом в связи с этим от одних форм к другим. Большую роль в идентификации человека внутри трансграничного пространства играет его аксиологическая причастность, то, на что он ориентируется и что является для него важным. Тогда ценностные ориентации, как основания идентичности, возможно рассматривать через призму таких позиций, как «своё – чужое», «близкое – чуждое», «я/мы – они» и т. п. Схожесть материальных и духовных элементов культуры, общеразделяемые ценности служат основанием для формирования таких содержательных характеристик трансграничного социокультурного пространства, как идентичность и самосознание.

Ключевые слова: социокультурное трансграничье, пространство, идентичность человека, культура, трансграничный человек, маргинальный человек, ценности

© Зими́на Н. С., 2021

Nadezhda S. Zimina,
Transbaikal State University
(Chita, Russia),
e-mail: 13zimina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1212-8883>

The Problem of Human Identity in a Transboundary Sociocultural Space

The socio-cultural cross-border is a space of interaction between cultures, which results in special social, cultural, socio-anthropological changes. The relevance of the research topic is determined by the fact that the socio-cultural space in which a person is located is constantly changing, exposed to outside influences, filled with new symbols, meanings, which is expressed in the transformation of the foundations of human life, cultural values, changes in his identity and the emergence of new personality types ("a marginal person", "a transboundary person"), in the very ontological foundations of a person, changes in the boundaries of the space of his own identification, social relationships. The essence of the problem of human identity in the cross-border area is that, on the one hand, the person himself becomes cross-border, on the other hand, the cross-border area requires him to have a multidirectional orientation in self-identification. The aim of the work is to trace the influence of a multilayer transboundary space and the corresponding factors on a person's identity, and to identify the types of personality and corresponding identity within the transboundary. The work uses dialectical, systemic, axiological, anthropological research methods, which together allowed a comprehensive approach to the analysis of the problem. As a result of the study of the influence of cross-border areas on human identity, some of its types were identified: cross-border, marginal, and transit ones. The work draws the following conclusions. A feature of identification in a transboundary space is its possible "transit" nature, which is determined by the search for new cultural forms close to a person and the constant transition in this regard from one form to another. Axiological involvement plays an important role in the identification of a person within a transboundary space, what he is guided by, what is important for him. Value orientations as the foundations of identity can be viewed through the prism of such positions as "our own-someone else's", "close-alien", "I / we-they", etc. The similarity of material and spiritual elements of culture, shared values serve as the basis for the formation of such meaningful characteristics of the transboundary sociocultural space as identity and self-awareness.

Keywords: socio-cultural transborderedness, space, human identity, culture, cross-border person, marginal person, values

Введение. Сложноорганизованность мира, особенно в условиях современных реалий, позволяет сделать вывод о том, что единого и цельного социокультурного пространства быть не может, есть трансграничное, включающее в себя наслаивающиеся друг на друга пространства различных уровней и типов: цивилизационные, национальные, региональные, этнические, локальные. Так, в трансграничное взаимодействие могут включаться страны, принадлежащие к разным цивилизационным типам, при этом ещё и отличающиеся по экономическим, социальным, демографическим показателям, например, трансграничное взаимодействие России и Китая. Кроме того, примером трансграничного социокультурного пространства могут быть территории внутри стран, являющие собой своего рода феномен трансграничного социокультурного пространства, например, Забайкальский край. Но трансграничное социокультурное пространство – это и взаимоотношения людей, и сами люди, находящиеся внутри него, со своими потребностями, интересами, своеобразным восприятием того пространства, в котором они существуют, это и особенности процессов их адаптации и

интеграции в нём, и характер их связей с окружающим миром и т. д. Трансграничное пространство играет большую роль в тенденциях развития культур, в него входящих, а также в идентичности людей, наполняющих его. С одной стороны, это могут быть тенденции культурного регионализма, ориентирующие и культуру, и человека на коммуникацию, диалог с другими культурами, стремление к расширению связей. С другой, это может быть культурный изоляционизм, когда сама культура во избежание ассимиляции как бы дистанцируется, замыкается в себе. Человек концентрируется на собственной культуре, идее её превосходства над другими. Но может быть и другая форма организации собственного бытия человека внутри трансграничья, не совпадающая с отмеченными ранее, – маргинализация личности, так называемый «феномен растерянного человека» в трансграничном пространстве, когда нет чётко выраженной культурной идентичности ни со своей социокультурной общностью, ни с какой-либо иной. Цель исследования – проследить влияние многослойного трансграничного пространства и соответствующих факторов на идентичность человека и попытаться

выявить типы личности и соответствующей идентичности внутри трансграничья.

Методология и методы исследования. Теоретико-методологическую основу статьи составляет социально-философский анализ сущности трансграничного социокультурного пространства в контексте взаимодействия и взаимовлияния культуры, общества и человека. Используются типология социокультурной организации А. Я. Флиера, концепция культурной регионализации Н. А. Абрамовой и Ли Пин, теория Р. Парка о маргинальном человеке в условиях глобальных миграций, труды А. И. Неклессы о трансграничном человеке и ландшафте трансграничья [1; 2].

В статье использован комплексный методологический подход, включающий в себя диалектический, системный, аксиологический и антропологический. Так, диалектический подход позволил интерпретировать тенденции развития социокультурного трансграничья и связей «человек – культура» в их противоречивости (во взаимоотношениях культур это тенденции регионализма, либо изоляционизма, в позиции человека и его идентичности по отношению к трансграничью – либо трансграничье самого человека, либо его маргинализация). Системный подход способствовал комплексному анализу проблемы идентичности человека внутри социокультурного трансграничья с учётом тенденций развития пространства. Аксиологический анализ проблемы выявил влияние ценностных ориентиров участников трансграничья на их идентичность и восприятие пространства и других его участников (понимание, переживание, принятие или неприятие, осознание процессов, протекающих в трансграничном пространстве).

Методологический потенциал антропологического подхода в исследовании идентичности человека в трансграничье в первую очередь заключается в интерпретации его как человека культуры, в анализе его взаимоотношений с окружающим миром, степени его адаптации и интеграции внутри пространства [3]. Вместе с тем результаты исследования типов личности в трансграничье, которые выделяют в науке («маргинальная», «трансграничная», «транзитная»), возможно экстраполировать на тенденции развития территорий, входящих в трансграничное пространство, поскольку процессы их развития определяют, в том числе, сами участники.

Результаты исследования и их обсуждение. Трансграничье детерминирует две основные тенденции развития социокультурного пространства: с одной стороны, размывание границ собственной культуры и угроза её утраты; с другой – актуализация и всплеск развития культур через механизм культурного регионализма [4]. Преобладание той или иной тенденции определяется внутрорегиональными связями, связями регионального пространства с пространством национальным, внутри которого оно находится, а также с национальными пространствами других государств. Таким образом, трансграничье может выступать и как угроза утраты культуры, включённой в трансграничное пространство. С другой стороны, трансграничье способно актуализировать отдельные культуры и социокультурную идентичность через механизмы культурного регионализма, либо культурного изоляционизма.

Регионализм выступает как открытое, ориентированное вовне активное участие регионов в международных процессах, цель которого – не отделение, а соединение глобального с локальным (региональным)¹. Н. А. Абрамова и Ли Пин в своей концепции культурной регионализации представляют её как процессуальную характеристику эволюции культурной среды в компактно-территориальном сообществе, обладающем единой пространственной локализацией и структурой, определяемой общей идентичностью и детерминированной культурной политикой [5, с. 109]. Такой тип регионализации характеризуется стремлением к самосохранению этнокультурных, религиозных и иных сообществ. Похожая трактовка содержится и в исследованиях В. А. Дергачёва: культурная регионализация акцентирует внимание на процессе развития культурных регионов и субрегионов, отличающихся социокультурными особенностями [6].

Иной характер имеет культурный изоляционизм, рассматриваемый как крайняя форма проявления регионализма. Общее определение изоляционизма обозначает его как стремление к обособлению. Концептуализируем культурный изоляционизм как стремление отдельных социокультурных общностей, регионов к обособлению, возникающее как реакция на трансграничное пространство. Если культурный регионализм предстаёт как мирное диалоговое сосуще-

¹ Бусыгина И. М. Регионализм. – URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0126549> (дата обращения: 16.07.2021). – Текст: электронный.

ствование культур, сохранение и презентация собственной культуры через механизмы, не нарушающие этических и правовых норм, то культурный изоляционизм может приобрести конфронтационный характер и насильственные формы своего проявления, предстать как открытое противостояние регионов, культур, народов и прочего трансграничному пространству.

При этом и регионализм, и изоляционизм имеют в своей основе стремление культур к самосохранению и самоопределению. В зависимости от степени доминирования и способности к устойчивости одной из взаимодействующих культур, ценности той и будут преобладать в трансграничном пространстве. В данном случае речь идёт о таких негативных последствиях трансграничного взаимодействия, как проблемы ассимиляции [7–9] и культурной гомогенизации [10]. В этом случае можно сказать, что к культурному изоляционизму культуры прибегают как к средству обособления в трансграничном пространстве с целью защитить собственную уникальность и закрыться от внешнего воздействия.

Трансграничье помещает человека в ситуацию пересечения и наложения нескольких социокультурных пространств, что детерминирует социо-антропологические изменения, заключающиеся в проблеме его культурной самоидентификации, осмыслении границ собственного социокультурного пространства. Суть самоидентификации заключается в осознании себя как целостной личности в границах собственной социокультурной идентичности. Это процесс отождествления себя с той или иной культурой (этнической, национальной, религиозной, массовой, профессиональной и др.), когда человек мыслит себя в контексте определённого социокультурного пространства, результатом которого является самосознание. Таким образом, человек находится в определённой «опространственной» [11] им среде, и его жизнедеятельность во многом зависит от особенностей и характера взаимодействия пространств, которые вбирает в себя трансграничное социокультурное пространство. В связи с этим мы можем говорить о конкретном социокультурном пространстве до тех пор, пока есть человеческое сообщество, его наполняющее и идентифицирующее себя с ним. Как только эта связь теряется, пространство начинает трансформироваться, изменяются ценно-

сти, бытующие в нём, основы жизнедеятельности людей. Физическое пространство остаётся всё тем же, но пространство социокультурное меняется.

Усложнение мира, появление новых социальных структур приводит к возникновению и новых типов идентичности человека, когда ориентироваться в постоянно меняющемся социокультурном пространстве становится всё сложнее. При этом типы идентичности могут быть как интеграционного, так и дезинтеграционного характера, что находит проявление в тенденциях развития культур в трансграничье, которые были отмечены ранее – регионализм и изоляционизм. Далее обратимся к более подробному описанию идентичности человека в условиях социокультурного трансграничья. Анализ методологии позволил систематизировать и типологизировать идентичность человека в ситуации трансграничья.

Трансграничная идентичность, как отмечает Ю. В. Громыко, предполагает выделение оснований идентификации в сфере совершенно чуждого для себя цивилизационного, национально-цивилизационного, конфессионального сознания [12, с. 239]. По мнению учёного, такой тип идентичности ведёт к проникновению в сферу чуждого и другого. Таким образом, трансграничная идентичность требует от личности и выхода за границы собственной культуры, и открытости перед культурами иными, но при этом такая позиция – это всегда риск утраты собственной культурной идентичности. Одновременно с этим трансграничье в идентичности может быть неким ресурсом развития личности и поднятия её до уровня «истинной» трансграничности (пример – космополиты). Трансграничное положение человека как бы заставляет его вырабатывать соответствующие механизмы существования и развития в данном пространстве [13–15]. Такой тип интегрирующей идентичности и соответствующий ему тип личности представлен в тенденции культурного регионализма.

Другой тип идентичности имеет дезинтеграционный характер – маргинальный тип. Впервые понятие «маргинальный человек» было введено в научный оборот американским учёным Р. Парком для определения человека свободного для постижения новой культуры, когда в результате контактов и столкновений культур традиционная организация общества рушится, а индивид смотрит на свою культуру уже с позиции чужака [16].

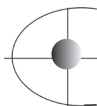
Продолжая данную мысль, Д. Г. Емченко говорит об индивиде с более широким горизонтом и рациональными взглядами, который существует в двух мирах одновременно [17, с. 48]. Стоит отметить, что данное понятие чаще встречается в работах, посвящённых миграционным процессам и проблемам адаптации и интеграции мигрантов в принимающем обществе [18–22], либо в исследованиях соответствующих социальных групп [23; 24], в статье же сделана попытка рассмотреть его по отношению ко всем участникам трансграничного пространства. Для этого уйдём от некоего «позитивного» образа маргинального человека, в данном случае он, скорее, схож с отмеченным ранее типом – человеком трансграничным, и сделаем попытку рассмотреть его с иной точки зрения. Исходя из значения слова, человек маргинальный – это тот, кто находится на краю, на границе культур [25]. Но что предполагает нахождение в таком положении? Необходимость выбора культуры, выбора ценностей. На наш взгляд, маргинальная идентичность – это чётко не выраженная идентичность как со своей социокультурной общностью, так и с иной. Человек, находясь между культурами, по сути, в ситуации внутриличностного конфликта, не овладевает в полной мере ни одной из них, не принимает до конца ценности, нормы, традиции ни одной из них, при этом испытывая влияние нескольких культур. Таким образом, можно говорить о феномене «растерянного человека» в трансграничном пространстве, которому присущи отстранённость, отчуждённость, ощущение своей ненужности и забытости. Похожее по смыслу понятие вводит В. И. Моисеев, обозначая подобное состояние как «онто-изоляция» [26]. При этом исследователь поясняет, что речь идёт не об абсолютной изоляции, а об относительной, в отношении принятия ценностей, норм, традиций иной культуры. Онто-изоляция способен как открываться, так и закрываться от внешнего бытия, переходя в режим самодетерминации [26].

Если идентичность трансграничная предполагает нацеленность на познание иной культуры, принятие множества культур, на интерес к новому и стремление к межкультурному диалогу, то маргинальная идентичность приводит к изоляции, нежеланию взаимодействовать, вслед за людьми маргинализируется сама культура. Проявляется это в безразличии к развитию тер-

ритории, региона у его жителей, особенно на фоне финансово-экономических, социальных, бытовых проблем, в оттоке населения, заброшенных населённых пунктах (пустующие деревни, пустующие сельскохозяйственные земли, военные города, например, в Забайкальском крае). В таком случае локальные, региональные и национальные общности согласно типологии социокультурной организации А. Я. Флиера можно отнести в данном случае к типу организации с мемориальной ценностной ориентацией, а также к типу, основанному на актуальных проблемах жизнедеятельности и практической эффективности [27].

Ещё одним типом идентичности человека в трансграничном социокультурном пространстве, схожим с предыдущим, маргинальным, является транзитная идентичность, а соответствующий ей тип человека – транзитный, «временщик». Особенно ярко такая идентичность проявляется в приграничных территориях, военных населённых пунктах и т. п., когда человек по каким-либо причинам вынужден временно находиться на «чужой» территории, возможно, вдали от своей родины, воспринимая эту территорию как временный промежуточный пункт, как, возможно, некий трамплин в карьере, «ещё одну ступень в карьерной лестнице» и т. д., как ресурс для собственного развития, но не развития этого места. Л. Е. Бляхер в этом контексте говорит о «проточной культуре», которая в данном случае схожа с транзитностью и транзитным мышлением, когда люди «протекают» через территорию [28; 29]. Основа проточной культуры – простейшие сетевые структуры, базирующиеся на системе витальных ценностей. Соответственно, в проточной культуре нет внутренней идентичности, необходимой, в том числе, для инноваций, для неё характерна слабая сформированность «популяционного ядра» [28]. Транзитная идентичность опасна тем, что таит в себе угрозу прерывания передачи и воспроизводства социального опыта, межпоколенческих связей, микрокоммуникаций внутри определённой территории и её общностей.

Как уже было отмечено, идентичность человека неразрывно связана с развитием культуры, той территории, к которой принадлежит человек (особенно, если жители одной территории близки по антропологическим, культурным признакам, образу жизни и т. д.), с развитием социокультурной общности, частью которой он является. Так,

Э. Смит относит территориальную или региональную идентичность к числу фундаментальных в структуре идентификационной матрицы человека [30]. Следовательно, отметим, что в целом идентичность может быть рассмотрена как ресурс развития территории (локальной территории, региона, государства).

Заключение. Социокультурное трансграничье представляет собой, с одной стороны, уникальное пространство пересечения множества разного уровня пространств, с другой – требует от человека, находящегося на перекрёстке социокультурных миров, осмысления своего положения и определения границ пространства собственной идентичности. Выделенные в статье типы личности и её идентичности в трансграничном социокультурном пространстве (трансграничная, маргинальная, транзитная) позволяют увидеть корреляционную зависимость культуры, общества и человека, а также того

пространства, в котором они существуют. Проблема идентичности человека в трансграничье заключается в том, что она напрямую влияет на развитие определённой территории, конкретного места, способствует повышению чувства ответственности людей за место своего проживания и выступает консолидирующим фактором общества, выражаясь в самосознании через сформированный образ «Мы». Одновременно процессы, протекающие внутри территории, наслоенность пространств внутри трансграничья конструируют идентичность человека, и через рефлекссию «региона» люди интерпретируют внешний мир и формируют в зависимости от этого модели своего поведения. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейшем более подробном анализе трансграничного пространства, человека и его идентичности внутри пространства, также применимы в изучении региональных практик.

Список литературы

1. Неклесса А. И. Метаморфозы цивилизационного транзита. Эволюционный марафон и социальная ментальность. Текст: электронный // Метафизика. 2021. № 1. URL: http://www.intelros.ru/pdf/metafizika/2021_01/3.pdf (дата обращения: 02.09.2021).
2. Неклесса А. И. Трансграничье: его ландшафты и обитатели. Из беседы на берегу Телецкого озера. URL: <http://viperson.ru/articles/aleksandr-neklessa-transgranichie-ego-landshafy-i-obitateli-iz-besedy-na-bereg-teleцкого-ozera> (дата обращения: 02.09.2021). Текст: электронный.
3. Зими́на Н. С. Социально-философский анализ этнокультурного многообразия // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 2. С. 13–20.
4. Held D. et al. *Global Transformations*. Cambridge: Polity Press, 1999.
5. Абрамова Н. А., Ли Пин. Проблема регионализации: культурный аспект // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Политология. Религиоведение». 2009. № 1. С. 105–111.
6. Дергачёв В. А. Регионалистика. Научные труды в семи книгах. Кн. 2. URL: <http://www.dergachev.ru/book-7/01.html> (дата обращения: 02.09.2021). Текст: электронный.
7. Hall S. *The Local and the Global: Globalization and Ethnicity. Culture, Globalization and the World-System. Contemporary Conditions for the Representation of Identity* / ed. by A. D. King. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. Pp. 19–41.
8. Martinez O. J. *Border People. Life and Society in the U. S. Mexico borderlands*. Tucson; London: University of Arizona Press, 1994.
9. Perkman M. *Cross-Border Regions in Europe. Significance and Drivers of Regional Cross-Border Cooperation* // *European Urban and Regional Studies*. 2003. No. 2. Pp. 153–171.
10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ: Астрель, 2011. 571 с.
11. Косолапов Н. А. Пространственно-организационный подход к анализу международных реалий. Текст: электронный // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. URL: <http://www.intertrends.ru/fifteen/005.htm> (дата обращения: 02.09.2021).
12. Громыко Ю. В. Антропология политической идентичности. Самоопределение «рашинз» в глобальном мире. Территориальное развитие, транснациональные русские корпорации и идентичность Russians. М.: АРКТИ, 2006. 400 с.
13. Бобер Ж. Подходы к исследованию проблемы маргинальности // Царскосельские чтения. 2011. Т. 3, № 15. С. 123–126.
14. Романова Н. П., Леконцева К. В. Трансграничный регион: эволюция теоретико-методологических подходов // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 6. С. 95–105.
15. Сайнаков Н. А. Маргинальность как понятие. Методологические перспективы в историческом исследовании // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 97–101.
16. Парк Р. Человеческая миграция и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. 1998. № 3. С. 167–177.

17. Емченко Д. Г. Маргинальный человек в контексте культуры трансграничного региона // Вестник государственного университета. 2009. № 11. С. 47–50.

18. Алексеев К. А. Маргинальная идентичность в условиях диаспоры // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 1. С. 332–335.

19. Герасименко Т. И. Роль этнокультурной основы в формировании трансграничных регионов. Текст: электронный // Россия и Запад: диалог культур. 2013. № 2. URL: <http://regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-16-38/268--q-q.pdf> (дата обращения: 02.09.2021).

20. Иванова С. Ю. Формирование российской идентичности в условиях новых вызовов // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов (г. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.) / отв. ред. В. А. Тишков, А. В. Головнёв. М.: Екатеринбург: ИЭА РАН: ИИИА УрО РАН, 2015. С. 57.

21. Седелников С. С. Маргинальная личность и утрата идентичности. URL: http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/30605/marginal%27naya_lichnost%27_i___utrata__identichnosti.pdf?sequence=1 (дата обращения: 02.09.2021). Текст: электронный.

22. Stonequist E. V. The marginal man: a study in personality and culture conflict. New York: Russell & Russell, 1961. No. 7. Pp. 159–174.

23. Магомед-Эминов М. Ш. Деконструкция и конструкция понятия социализации в психологическом научном дискурсе: от социализации к ресоциализации // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2019. № 8. С. 29–36.

24. Кемалова Л. И. Маргинальная личность: социально-психологический портрет // Вестник Севастопольского государственного технического университета. 2008. № 86. С. 94–97.

25. Гурин С. П. Маргинальная антропология. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000963/st000.shtml> (дата обращения: 02.09.2021). Текст: электронный.

26. Моисеев В. И. Образы онто-социологии: онто-изоляты и социо-эмердженты. Текст: электронный // Credo New. 2015. № 3. URL: <http://credo-new.ru/archives/567> (дата обращения: 02.09.2021).

27. Флиер А. Я. Очерки теории исторической динамики культуры. М.: Согласие, 2015. 528 с.

28. Бляхер Л. Е. Диалог через границу: региональные варианты кросскультурного экономического взаимодействия // Вестник Евразии. 2003. № 4. С. 93–112.

29. Бляхер Л. Е. Региональная самоидентификация и трансграничные практики на Дальнем Востоке России // Пространственная экономика. 2005. № 1. С. 117–132.

30. Smith A. D. National Identity. London: Penguin Books, 1991. 227 p.

Статья поступила в редакцию 05.09.2021; принята к публикации 10.10.2021

Сведения об авторе

Зимина Надежда Сергеевна, кандидат философских наук, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30; e-mail: 13zimina@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1212-8883>.

Библиографическое описание статьи

Зимина Н. С. Проблема идентичности человека в трансграничном социокультурном пространстве // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 5. С. 69–76. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-69-76.

References

1. Neklessa, A. I. Metamorphosis of civilizational transit. Evolutional marathon and social mentality. *Metaphysics*, no. 1, 2021. Web. 02.09.2021. http://www.intelros.ru/pdf/metafizika/2021_01/3.pdf (In Rus.)

2. Neklessa, A. I. Transboundary: its landscapes and inhabitants. From a conversation on the shore of Lake Teletskoye. Web. 02.09.2021. <http://viperson.ru/articles/aleksandr-neklessa-transgranichie-ego-landshafty-i-obitateli-iz-besedy-na-beregu-teletskogo-ozera> (In Rus.)

3. Zimina, N. S. Socio-philosophical analysis of ethnocultural diversity. *Humanitarian vector*, no. 2, pp. 13–20, 2019. (In Rus.)

4. Held, D. et al. *Global Transformations*. Cambridge: Polity Press, 1999. (In Engl.)

5. Abramova, N. A., Pin, Li. Problems of regionalization: cultural aspect. *The bulletin of Irkutsk State University. Series Political science and religion studies*, no. 1, pp. 105–111, 2009. (In Rus.)

6. Dergachev, V. A. *Regional Studies. Scientific works in seven books. Book 2*. Web. 02.09.2021. <http://www.dergachev.ru/book-7/01.html> (In Rus.)

7. Hall, S. *The Local and the Global: Globalization and Ethnicity. Culture, Globalization and the World-System. Contemporary Conditions for the Representation of Identity* / ed. by King, A. D. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997: 19–41. (In Engl.)

8. Martinez, O. J. *Border People. Life and Society in the U. S. Mexico borderlands*. Tucson, London: University of Arizona Press, 1994. (In Engl.)
9. Perkman, M. *Cross-Border Regions in Europe. Significance and Drivers of Regional Cross-Border Cooperation*. *European Urban and Regional Studies*, no. 2, pp. 153–171, 2003. (In Engl.)
10. Huntington, S. *The clash of civilizations*. M: AST: Astrel, 2011. (In Rus.)
11. Kosolapov, N. A. *Space-based and organization-based approach in theory of international relations. International trends*. *Journal of international relations theory and world politics*. Web. 02.09.2021. <http://www.intertrends.ru/fifteen/005.htm> (In Rus.)
12. Gromueko, Yu. V. *Anthropology of political identity. Self-determination of “Russians” in the global world. Territorial development, multinational corporations and Russian identity Russians*. M: ARKTI, 2006. (In Rus.)
13. Bober, Zh. *Approaches to the study of the problem of marginality*. *Tsarskoye Selo readings*. 2011: 123–126. (In Rus.)
14. Romanova, N. P., Lekontseva, K. V. *Cross-border region: evolution of theoretical and methodological approaches*. *Transbaikal state university journal*, no. 6, pp. 95–105, 2013. (In Rus.)
15. Saynakov, N. A. *Definition of marginality, methodological perspectives in historical studies*. *Tomsk State University journal*, no. 375, pp. 97–101, 2013. (In Rus.)
16. Park, R. *Human migration and the marginal man*. *Social and Human Sciences. Domestic and foreign literature, series 11. Sociology*, no. 3, pp. 167–177, 1998. (In Rus.)
17. Yemchenko, D. G. *Marginal man in the context of a culture of cross-border region*. *Chelyabinsk State University journal. Philosophy. Sociology. Cultural Studies*, no. 11, pp. 47–50, 2009. (In Rus.)
18. Alekseev, K. A. *The marginal identity in the conditions of diaspora*. *Social and humanitarian knowledge*, no. 1, pp. 332–335, 2015. (In Rus.)
19. Gerasimenko, T. I. *The role of ethno-cultural regional specificity in the formation of transborder regions. Russia and the West: the dialogue of cultures*, no. 2, 2013. Web. 02.09.2021. <http://regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-16-38/268--q-q.pdf>. (In Rus.)
20. Ivanova, S. Yu. *Formation of Russian identity in the face of new challenges*. Ed. by Tishkov, V. A., Golovnev, A. V. *Proceedings of the XI congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia*. Ekaterinburg: 2–5 July, 2015. M.; Ekaterinburg: IEA RAS, IHA UB RAS, 2015: 57. (In Rus.)
21. Sedelnikov, S. S. *Marginalized personality and loss of identity*. Web. 02.09.2021. http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/30605/marginal%27naya_lichnost%27_i___utrata__identichnosti.pdf?sequence=1. (In Rus.)
22. Stonequist, E. V. *The marginal man: a study in personality and culture conflict*. N. Y.: Russell & Russell, 1961. Ch. 7: 159–174. (In Engl.)
23. Magomed-Eminov, M. Sh. *Deconstruction and construction of the concept of socialization in psychological scientific discourse: from socialization to resocialization. Personality in extreme conditions and crisis situations of life*, no. 8, pp. 29–36, 2019. (In Rus.)
24. Kemalova, L. I. *Marginal personality: socio-psychological portrait*. *Sevastopol state technical university journal*, no. 86, pp. 94–97, 2008. (In Rus.)
25. Gurin, S. P. *Marginal anthropology*. Web. 02.09.2021. <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000963/st000.shtml> (In Rus.)
26. Moiseev, V. I. *The images of onto-Sociology: onto-isolates and socio-emergents*. *Credo New*, no. 3, 2015. Web. 02.09.2021. <http://credo-new.ru/archives/567>. (In Rus.)
27. Flier, A. Ya. *Essays on the theory of the historical dynamics of culture*. M: LLO “Publishing house ‘Consent’”, 2015. (In Rus.)
28. Blyakher, L. E. *Dialogue across the border: regional options for cross-cultural economic interaction*. *Eurasia Bulletin*, no. 4, pp. 93–112, 2003. (In Rus.)
29. Blyakher, L. E. *Regional identity and transboundary practices in the Far East, Russia*. *Spatial economics*, no. 1, pp. 117–132, 2005. (In Rus.)
30. Smith, A. D. *National Identity*. London: Penguin Books, 1991.

Received: September 5, 2021; accepted for publication October 10, 2021

Information about author

Zimina Nadezhda S., Candidate of Philosophy, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: 13zimina@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1212-8883>.

Reference to the article

Zimina N. S. *The Problem of Human Identity in a Transboundary Sociocultural Space // Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 5. PP. 69–76. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-69-76.

УДК 791.43

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-77-86

Максим Валерьевич Кирчанов,
 Воронежский государственный университет
 (г. Воронеж, Россия),
 e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Фантастический кинематограф как одна из форм локализации военных образов в американской массовой культуре

Война относится к числу наиболее популярных тем современной массовой культуры. Автор в статье анализирует особенности восприятия войны в современном фантастическом кинематографе. Анализ репрезентации войны в американской кинофантастике как форме исторической памяти массовой культуры является целью статьи. Автор использует инвенционистские методы, позволяющие анализировать образы войны в кинопродукции массовой культуры как «изобретённые традиции» общества потребления. Проанализированный диапазон восприятия войны и военного опыта в массовой культуре разнообразен. Современная глобальная киноиндустрия и национальные киноиндустрии регулярно обращаются к военной тематике в мировых или национальных контекстах, предлагая фильмы, затрагивающие исторический военный опыт наций и государств. Сегменты киноиндустрии, специализирующиеся на производстве фантастических и фэнтезийных фильмов, также не игнорируют военную тематику. Предполагается, что массовая культура предлагает различные образы войны, включая проблемы милитаризма, насилия, военной коллективной травмы и военного политического психоза. По мнению автора, военная тема в массовой культуре возникла как результат рефлексии, восприятия реальных военных конфликтов, а создатели поп-культурного проекта могли отторгнуть войну или её идеализировать. Автор полагает, что военная кинофантастика в современной американской массовой культуре актуализирует ценности пацифизма или милитаризма как отражение левых или правых предпочтений создателей такого культурного продукта для общества потребления. Фантастические фильмы актуализируют различные формы войны, включая глобальные военные столкновения, гражданские конфликты, агрессии, интервенции и геноцид. Массовая культура становится основной сферой существования памяти о войне, потому что военные конфликты фантастических сериалов могут восприниматься в обществе потребления как более реальные, чем исторические войны прошлого. Предполагается, что военные образы массовой культуры актуализируют различные формы памяти о войне, включая память как травму, память как маргинализацию, а также память-ностальгию, идеализирующую войны.

Ключевые слова: массовая культура, кинематограф, сериалы, война, военные фильмы, милитаризм, пацифизм

Maksym W. Kyrchanoff,
 Voronezh State University
 (Voronezh, Russia),
 e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

SciFi Cinema as one of Spatial Localizations of Military Images in American Mass Culture

War is one of the most popular topics in modern mass culture. The author analyzes the features of the perception of war in modern science fiction cinema. The purpose of this article is to analyze the representation of war in American science fiction as a form of historical memory in mass culture. The author uses inventionism methods to analyze the images of war in the film production of mass culture as "invented traditions" of the consumer society. The range of perception of war and military experience in popular culture is analyzed. Modern global film industry and national film industries regularly address military themes in the world or national contexts, producing films that actualize military experience of nations and states. The film industry segments that specialize in the production of science fiction and fantasy films also do not ignore the military theme. It is supposed that popular culture offers a variety of images of war, including militarism, violence, military collective trauma, and military political psychosis. The author believes that military theme in popular culture arose as a result of reflection on real military conflicts, and the creators of the pop-cultural project could reject the war or idealize it. The author believes that military science fiction in modern American mass culture actualizes the values of pacifism or militarism as reflections of the left or right preferences of the creators of such cultural product for the consumer

© Кирчанов М. В., 2021

society. Science fiction films actualize various forms of war, including global military clashes, civil conflicts, aggression, intervention and genocide. Popular culture is becoming the main sphere of existence of the memory of war because military conflicts of science fiction series can be perceived in the consumer society as more real than the historical wars of the past. Military images of mass culture are supposed to actualize various forms of war memory, including memory as trauma, memory as marginalization, and memory as nostalgia which idealize war.

Keywords: mass culture, cinema, TV series, war, war films, militarism, pacifism

Введение. Войны играют особую роль в истории цивилизации, историографии и популярной литературе. Действительно, история в определённой степени может быть редуцирована до истории войн и военных политических, этнических, гражданских, религиозных конфликтов, которые неизбежно сопровождалась актами массового насилия, в ряде случаев перераставшего в политику геноцида, направленного уничтожения одних групп и сообществ другими. Нарративные источники фиксируют описания многочисленных войн и конфликтов локального, регионального и мирового (глобального) уровней. Война стала одним из популярных коллективных героев литературы, и практически каждая национальная литература обеспечивает её историков многочисленными примерами текстов, которые в той или иной степени актуализируют военную тематику и проблематику. Война также стала и популярным героем профессиональной академической историографии.

Популярные, предназначенные для массового читателя и потребителя истории войн хорошо и успешно продаются. Международные и национальные издательства регулярно выпускают книги самого разного качества по военной тематике. К настоящему времени война в историографии может быть определена и описана в категориях «изобретённой традиции» или очередного историографического «большого нарратива». XX столетие внесло определённые коррективы в культурные локализации войны, несколько сместив её из формально «высокой» культуры в культуру массовую.

Массовая культура, предназначенная для удовлетворения культурных потребностей общества потребления, не могла обойти вниманием военную проблематику. Поэтому война – военные образы, мотивы реальных и воображаемых войн, рецидивы культурной и социальной памяти о милитаризме и коллективных военных травмах побед и поражений – в значительной степени присутствуют в продукции современной массовой культуры. Тема войн – их хода и течения, последствий, военных социальных

травм, насилия – заметна в большинстве культурных продуктов современности, которые возникают в рамках сериальной и/или франшизной парадигмы функционирования массовой культуры общества потребления.

Во-первых, военная тематика неизбежно становится основой в «исторических» сериалах, актуализируя образы войн прошлого, от условной древности до не менее условной современности. Во-вторых, военная тема в определённой степени представлена и в таком жанре, как «медицинский сериал», варьируясь от комедийной («Чёртова служба в госпитале Мэш», 1972–1983) до драматической («Скорая помощь», 1994–2009; «Трансплантация», 2020) подачи и (ре)интерпретации. В-третьих, война стала и одной из «изобретённых традиций» фантастического и фэнтезийного сериала и полнометражного фильма как направления современной массовой культуры. Именно военные образы, созданные в рамках этого субжанра, и будут в центре авторского внимания в данной статье.

Целью статьи является анализ форм и методов репрезентации войны в американской кинофантастике, ставшей формой исторической памяти в обществе массовой культуры. В число задач статьи входит анализ культурного значения репрезентации войны в фильмах и сериалах в жанре фантастики и фэнтези; изучение актуализации военных образов в этих сегментах кинематографа в контекстах функционирования социальной, культурной и исторической памяти; выявления специфики отражения войны, её симуляции и имитации в современных фантастических и фэнтезийных кинопроектах.

Методология и методы исследования. Методологически статья относится к числу текстов, актуализирующих достижения инвенционистского поворота в западной междисциплинарной историографии, отражение войны в кинопродукции массовой культуры воспринимается как «изобретение традиций», а сама война анализируется в категориях «изобретённой/изобретаемой традиции».

Изобретение традиций – конструктивистская и модернистская социокультурная и историческая концепция, предложенная британскими историками Эриком Хобсбаумом и Тэрэнсом Рэйнжером [1]. Центральным положением теории является гипотеза, что не только подлинно древних и архаичных политических и культурных традиций не существует (традиции, которые в глазах представителей тех или иных групп выглядят древними, в действительности являются социальными, культурными и политическими конструктами, возникшими в результате модернизации традиционных групп в нации), но современное общество потребления в состоянии воспроизводить и предлагать свои собственные изобретённые традиции, связанные, например, с продвижением тех или иных политических и культурных идентичностей при помощи визуальных средств, в первую очередь – кинематографа, который актуализирует те пространства исторической памяти, прерогатива формирования образов которых ранее принадлежала сферам интеллектуальной активности (академическая историография, искусство кино), отнесённым к «высокой культуре».

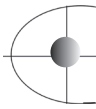
Российский историк М. Кром, комментируя особенности историографической ситуации, подчёркивает, что «деконструкция базовых понятий, на которых строилась вся концепция истории и историографии, поставила современных исследователей в очень непростое положение: хотя они по-прежнему могут разрабатывать частные сюжеты, пользуясь языком источников для построения нарратива, им явно не хватает понятийного аппарата для серьёзных обобщений» [2, с. 110], что, в том числе, относится и к альтернативным сферам бытования и функционирования памяти о войне, к числу которых принадлежит и массовая культура.

Историография. Историческая память отражена в современной историографии, но большинство имеющихся текстов по этой проблематике отличаются рядом особенностей, а именно: анализируются войны, эмоционально значимые для того или иного сообщества; военная тема, поднимаемая в военных фильмах, периодически оказывается в центре дискуссий в контекстах исторической памяти о реально имевших место событиях; отражение войны на экране воспринимается как часть исторической политики или различных тактик и стратегий,

используемых элитами и направленных на «проработку прошлого» [3] путём корректирования памяти в соответствии с политической конъюнктурой [4] и предпочтениями элит [5]. В этой ситуации проблемы, связанные с восприятием и переосмыслением войн в массовой культуре, могут восприниматься как маргинальные сюжеты, а пересечения между различными модусами восприятия войны и работы коллективных памятней о военном опыте фактически отсутствуют. Анализ киноотражений войны как части идентичности и военные мотивы в массовой культуре общества потребления изучаются в лучшем случае параллельно, но, как правило, отдельно, для их анализа используются различные модусы описания, что существенно фрагментирует современный гранд-нарратив войны в российской историографии.

Особенности источникового корпуса. Источниковый корпус данной статьи обладает рядом особенностей. Военная тема может быть признана уже традиционной в современном кинематографе, что вынуждает автора редуцировать возможные источники, анализируя одни и игнорируя другие. Сосредоточившись на фильмах, актуализирующих образы войны в масс-культуре (в его фантастическом сегменте), автор, с одной стороны, не рассматривает фильмы, снятые по текстам, которые исторически принадлежали к масс-культуре, но к началу XX века стали элементом классического наследия современной культуры. По такой логике в качестве источников не рассматриваются экранизации произведений Г. Уэллса. С другой, не анализируются условно «военные» фильмы с явной антивоенной компонентой (например, «На последнем берегу» С. Крамера, 1959 и Рассела Малкэхи, 2000), что, по мнению автора, позволяет рассматривать подобные произведения в большей степени в контексте политической истории, а не истории масс-культуры.

Результаты исследования и их осуждение. *Делигитимация войны в массовой культуре, 1960–1980-е гг.* Первым успешным научно-фантастическим проектом американской массовой культуры по ассимиляции памяти о военном опыте стал сериал «Звёздный путь», породивший многочисленные ответвления, но тема войны ни в одном из них никогда не была основной, будучи второстепенной на фоне продвиже-

ния идей толерантности, сотрудничества, мультикультурализма и идеологии, которую можно условно определить как гражданский национализм с устойчивым гуманистическим (и поэтому – утопическим) подтекстом. Проект «Звёздных войн» был запущен на несколько лет позже, будучи рассчитанным не несколько другую аудиторию.

«Оригинальный сериал», созданный умеренными левыми или либеральными американскими интеллектуалами [6], в значительной степени обращался к утопическим элементам в идентичности [7], предлагая мир без войн, где конфликты решались бы преимущественно при помощи дипломатии [8]. Среди центральных идей «Звёздного пути» была утопическая вера его создателей в возможность построения будущего справедливого мира без войн, насилия и военных конфликтов – войны, которые присутствуют в большинстве проектов «Звёздного пути», представляют собой чуждые и инопланетные конфликты, в которые вынуждены вмешиваться земляне из технологически развитого будущего, хотя политические контуры его устройства в сериале и фильмах остаются туманными и неопределёнными, а «первая директива» предписывает им оставаться пассивными наблюдателями чужих войн как элементов чужой истории. В этой ситуации массовая культура фактически взяла на себя не свойственные ей задачи, начав «деконструировать – критиковать и заново определять те смыслы, которые теряются в результате деполитизации политического мира, декультурализации культуры и нигилизации мышления» [9].

По мнению исследователей, «осознание и признание коллективной ответственности за травматическое прошлое связаны с огромными трудностями проработки и его преодоления» [10], но массовая культура существенно упрощает этот процесс, позволяя трансплантировать политические и психологические комплексы и травмы в фантастический дискурс, освобождая общество от дискуссии относительно реального исторического наследия или откладывая эти дебаты на неопределённое будущее. В этом контексте «Звёздный путь» стал в определённой степени антивоенным и пацифистским проектом, частично порождённым недовольством от военных действий во Вьетнаме, и чувство этого культурного

раздражения и недовольства милитаризмом было принесено в проект.

Американский историк кино Эйч Брюс Франклин, комментируя роль вьетнамской войны в генезисе концепции и идеологии «Звёздного пути», подчёркивает, что проект был «задуман, создан и показан во время одного из самых глубоких кризисов в американской истории, от которого мы до сих пор не оправились... война во Вьетнаме радикально изменила американское сознание во время первого показа сериала. В разгар катастрофической войны... Star Trek показывал будущее, когда Земля построила процветающий, гармоничный мир без войн и социальных конфликтов» [11]. «Звёздные войны», в свою очередь, успешно использовали политически актуальные мотивы противостояния двух систем, перенося нереальную для двупольного мира войну в фантастические декорации, хотя в отношении «Звёздного пути» также высказывались мнения о том, что военный конфликт между землянами и клингонами фактически символизировал столкновение между США и СССР. «Звёздные войны», вышедшие в тот период, когда худшие события, связанные с участием США во Вьетнамской войне, были уже позади, предлагали пространственно удалённые конфликты в космосе в качестве психотерапии для американского зрителя, который ещё пребывал под впечатлением от реальной войны.

Земные герои сериалов и полнометражных фильмов 1960–1980-х гг., в той или иной мере актуализирующих образы войны за пределами Земли, охотно играют роли гуманистов и пацифистов, оставляя право актуализировать ужасы войны менее развитым, с политической точки зрения, инопланетным расам, что фактически стало попыткой формирования и продвижения образов Другого (что стало одной из миссий современной научной фантастики [12]), но последние оказались зависимы от политической и идеологической ситуации и конъюнктуры 1960–1980-х гг. Что касается «Звёздных войн», то этот проект нередко воспринимался и интерпретировался в заранее заданной политической и идеологической парадигме [13]. В частности, в СССР он получил откровенно идеологически мотивированные оценки [14], воспринимаясь как апология милитаризма и империализма [15]. В целом и «Звёздный путь», и «Звёздные войны», несмотря на

либеральные симпатии их создателей или позиционирование этих фильмов как коммерческих проектов, оказались не свободны от стереотипов холодной войны [16], воспроизводя и тиражируя их в пространствах массовой культуры.

Многочисленные и гетерогенные «Другие» [17] в проекте «Звёздный путь», которые актуализируют ценности милитаризма и насилия, чрезвычайно гетерогенны, а их образы представлены в ряде эпизодов как оригинального сериала, так и более поздних продолжений и фильмов, что в целом соотносится с доминированием «либерально-гуманистического дискурса» [18]. В «Оригинальном сериале» и «Следующем поколении» земляне фактически монополизируют роль или сторонних наблюдателей, или культуртрегеров, которые не очень активны в навязывании ценностей победившего земного пацифизма.

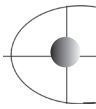
Война в массовой культуре: от художественного приёма к легитимации механизма принятия решений, 1990-е гг. В «Вояджер» проблемы войны оказались третьестепенными в контекстах других вызовов, которые актуализировали создатели сериала, обратившись в проблемам феминизма, толерантности и мультикультурализма. Война в «Вояджер» в целом представлена в той же парадигме неприятия и отстранения, что и в «Оригинальном сериале» и «Следующем поколении». Несколько иные векторы актуализации темы войны были выбраны создателями сериала «Дискавери», и, хотя военный конфликт между Федерацией Планет и Клингонской империей – один из центральных элементов сюжета – он тем не менее ассимилирован другими проблемами, включая феминизм и гомосексуальность, оказавшиеся на повестке дня западного общества 2000–2010-х гг., что привело к их неизбежной проекции в научно-фантастический киносегмент массовой культуры [19].

Если для создателей «Оригинального сериала» и «Следующего поколения» ценности милитаризма были непривлекательны или даже неприемлемы, то последующие проекты, включая «Глубокий космос 9» и «Энтерпрайз» склонны продвигать ценности интервенционизма, в большей степени актуализируя образы и эстетику войны: если в «Глубоком космосе 9» земляне уже отказываются от невмешательства, фактически беря на себя миссию поствоенного урегу-

лирования и сами оказываясь втянутыми в войну, то в «Энтерпрайзе» зритель сталкивается уже с военной операцией землян.

Американский сериал «Вавилон 5» в своём восприятии и позиционировании войны занимает фронтальное положение между «Глубоким космосом 9» и «Энтерпрайзом». Если создатели таких проектов, как «Глубокий космос 9» и «Энтерпрайз», в определённой степени стремились избежать крайностей, то «Вавилон 5» отразил как идеалистические иллюзии, так и эйфорию 1990-х гг., при этом его авторы фактически попытались проецировать в пространство массовой культуры стереотипы в отношении войн, которые доминировали в общественно-политическом дискурсе США 1990-х гг. Комментируя особенности восприятия и позиционирования войн в «Вавилоне 5», исследователи проекта полагают, что его создатели в качестве реальных исторических прототипов использовали карибский ракетный кризис, советское вторжение в Прагу и американскую операцию против Ирака [20]. Проект Джозефа Майкла Стражински отразил несколько модусов восприятия войны от условно отечественной (война Земли и Минбара) до войны геноцидальной (уничтожения хайак-до), от войны гражданской за права и свободы человека (конфликт Вавилона 5 и президента Кларка) до крестового похода (экспедиция в поисках лекарства от чумы дракхов).

Комментируя обилие войн в проекте, Дж. М. Стражински подчёркивал, что его «интересовала возможность изучить проблемы, эмоции и события, которые предшествуют войне, ускоряют начало войны, показывают последствия самой войны после её завершения... война – это основа истории, и люди оказываются в её центре» [21]. Диапазон военных конфликтов и форм из урегулирования в сериале настолько широк, что отражает основные парадигмальные подходы в изучении теории международных отношений, которые доминировали в западной политологии 1990-х гг., от реализма до институционализма. Если создатели целого ряда сериалов от «Звёздного пути» до «Звёздных войн», от «Звёздных врат» до «Звёздного десанта» ориентировались на запросы потребителей и законы кинорынка, то проект Дж. М. Стражински оказался перегружен дополнительными смыслами, фактически став попыткой изложить основные идеи теории

дипломатии, международных отношений и политологии (от военного конфликта до ведения переговоров, от легитимации насилия до государственного строительства) визуальными средствами массовой культуры.

Массовая культура как сфера проекции военных стереотипов современности, 2000-е гг. Если образы и военные мотивы «Глубокого космоса 9» в некоторой степени восходят к активизации военного присутствия США на Балканах в 1990-е гг., то пацифистский и антивоенный контент «Энтерпрайза» возник под вероятным влиянием военных операций США после террористических актов 11 сентября. Западными критиками неоднократно подчёркивалась зависимость частотности визуализации войны в проектах франшизы «Звёздный путь» от внешнеполитической ситуации [22]. Если холодная война стимулировала пацифистское культурное послание, то события 11 сентября стали стимулом для реабилитации милитаризма. «Энтерпрайз» сделался попыткой фактической реабилитации ценностей милитаризма в сравнении с более ранними проектами: герои сериала вынуждены принимать участие как в реальном военном конфликте после нападения на Землю (что вызывает прямые аналогии с террористическими актами 11 сентября), так и в войне иного плана – «временной холодной войне», ставшей фактически сражением за идентичность, сохранение культурной и исторической памяти, войной за невозможность внесения изменений и корректив в исторический процесс.

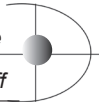
В этом контексте массовая культура также оказывается участником «битв за историю», ассимилируя ценности и принципы исторической политики, делая её более понятной и доступной для общества потребления. Трансформация образов войны в «Звёздном пути» фактически актуализирует зависимость массовой культуры от политической повестки дня, показывая степень вовлечённости киноиндустрии в решение идеологически мотивированных задач легитимации применения военной силы или преодоления коллективной военной травмы общества, вызванной участием в конфликте. Анализируя проявление темы войны в «Звёздном пути» и «Звёздных войнах», во внимание следует принимать и то, что они футуристичны, отсылают зрителей к хронологически не определённым или отдалён-

ному будущему, поэтому визуально фантастичны, что лишает возможности провести параллели с существующей военной формой и реальной символикой, используемой в вооружённых силах или в ходе войн XX в.

Война в массовой культуре и проблемы популяризации недемократии, 2010-е гг. Другие проекты – «Звёздные врата» и «Звёздный десант» – в этом отношении более реалистичны, и их версии войны и связанных с ней атрибутов милитаризма вполне узнаваемы и читаемы/понимаемы современными зрителями-потребителями. В «Звёздных вратах» герои и вовсе носят американскую военную форму, в то время как форма, символика и атрибутика «Звёздного десанта» [23] актуализируют ценности институционализированного неравенства [24] и принципы милитаризма [25], отсылая зрителя к форме Третьего рейха или (в лучшем случае) стран Латинской Америки [26].

К моменту запуска проекта «Звёздного десанта» военные атрибуты Германии 1933–1945 гг. столь часто были замечены в западном кино, что научная фантастика предприняла попытку их ассимиляции, а сюжетная линия фильма и вовсе содействует героизации тех, чья форма и символика напоминают снаряжение вермахта. Подобные визуализации войны в фантастической киноиндустрии стали, вероятно, следствием особенностей литературного первоисточника, который в американской критике нередко интерпретировался как текст, идеализирующий милитаризм и фашизм. Тем не менее «Звёздный десант» и его продолжения стали социальными и культурными сигналами, которые указывают как привлекательность идеи войны и ценностей милитаризма (визуально отсылающих зрителя к опыту авторитаризма) в формально демократическом мире, так и фактическую готовность общества потребления принять их.

Вероятно, без визуализации военной атрибутики, связанной с вермахтом, проекты типа «Человек в высоком замке» или «Британские СС» были бы менее успешны и заметны: если «Звёздный десант» предлагал фантастическое общество будущего, основанное на милитаризме и культе войны, то альтернативно-исторические проекты актуализировали поствоенный мир победившего нацизма, что свидетельствовало как о способности массовой культуры к ассимиляции многоуровневых и полисмысловых текстов

Ф. Дика, так и о её фактическом втягивании в политику идеологически мотивированных «проработок прошлого» и её превращении в инструмент для манипуляций с исторической памятью.

Фактором, который в XXI в. повлиял на функционирование культурной памяти о прошлом, стала смена поколений. Вместо памяти живых носителей коллективной/индивидуальной памяти и нарративов о прошлом, включая войны, появились новые формы памяти, формируемые в меньшей степени институтами националистической социализации (школа, националистические мифы, партии), в большей – массовой культурой общества потребления. По мнению Н. Копосова, модернизация «привела к радикальным изменениям социальной структуры и исчезновению групп – носителей естественной памяти» [27, с. 61]. В условиях, когда массовой культуре общества потребления тесно в границах современных идентичностей современных наций и их памяти, оно само генерирует, воображает и изобретает свои версии памяти, предусматривающие формы коммеморации войны, наилучшим пространством для чего выступает кинематограф. Массовая культура и производимые в ее рамках фантастические военные фильмы смогли предложить такой исторический нарратив, который «фокусируется на построении героического исторического канона» [28] прошлого/будущего, чего никогда не существовало.

Заключение. Война в современной массовой культуре успела стать одновременно её общим и узким местом, актуализируя родовые травмы как генезиса, так и последующего развития фантастического и фэнтезийного жанров в кинематографе. Генезис войны в анализируемой кинопродукции в определённой степени разнообразен, но социально и культурно образы и мотивы войны восходят к тем урокам, которые западные интеллектуалы были вынуждены извлечь из опыта Второй мировой войны. В этом контексте война в анализируемых фильмах может восприниматься как рефлексия реального исторического, политического, культурного и социального опыта.

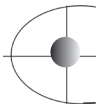
Военные образы в кинематографии массовой культуры также актуализируют различные версии и формы памяти о войне, которые могут варьироваться от памяти как травмы и памяти как вытеснения и маргина-

лизации до памяти как ностальгии и идеализации войны.

В этой культурной и интеллектуальной ситуации авторы и создатели анализируемых фильмов могли руководствоваться самыми разными мотивами – от коммерческой логики и рыночной рациональности до политически и идеологически мотивируемых и стимулируемых рефлексий относительно войны. В данном контексте рассматриваемые фильмы могут быть аполитичными (что, впрочем, крайне редко даже для массовой культуры); способны открыто культивировать идеи, принципы и ценности милитаризма («Звёздный десант»), гражданского национализма («Вавилон 5»), гуманитарного интервенционизма («Звёздные врата»), невмешательства в конфликт («Звёздный путь») или пацифизма и антивоенного протеста («Британские СС», «Человек в высоком замке»).

Вместе с тем анализируемые формы кинопродукции массовой культуры в значительной степени подвержены унификации и развиваются в соответствии с логикой серийности, что отражается и на особенностях воспроизводства военных образов в их рамках. Война в подобной версии культуры имитируется и симулируется через глобальный конфликт разных биологических видов или вселенское политическое и идеологическое противостояние, но и в этой культурной ситуации образы войны несут политическую и идеологическую нагрузку, актуализируя различные версии идентичности и самости, формируя образы Другости, Чужести и Инаковости, что фактически является проекцией опыта новейшей истории в воображаемые миры и вселенные, созданные в рамках массовой культуры.

Если до начала 1990-х гг. образы войны в анализируемых фильмах актуализировали реальные проблемы противостояния двух систем («Звёздный путь», «Звёздные войны»), то на протяжении 1990–2010-х гг. военные мотивы в фантастических и фэнтезийных проектах служили визуализации иных проблем, в том числе – опасности гражданского политического конфликта («Вавилон 5»), столкновения с универсальными Другими («Звёздные врата», «Звёздный десант») или ответственности внешнего, человеческого, вмешательства во внутренние дела воображаемых Других, включая их военные конфликты («Звёздный путь»).

Военная тема стала одной из основных и магистральных линий как развития, так и функционирования современной массовой культуры, представленной, в том числе, и многочисленными фантастическими проектами, фактически являющимися рефлексиями относительно реального исторического военного опыта XX в., отражающими попытки преодоления или примирения с наследием милитаризма или локализацией пацифизма в пространствах современной массовой культуры, склонной использовать универсальный язык имитации и симуляции даже в тех случаях, когда в центре рефлексий оказывается война.

Современная массовая культура Северной Америки развивается крайне динамично,

регулярно появляются новые полнометражные фильмы и сериалы, продолжающие ранее запущенные проекты. В 2021 г. в США должна выйти новая экранизация классического романа Фр. Херберта «Дюна», продолжают съёмки новых проектов в рамках сериала «Звёздный путь». Планируются съёмки второго сезона сериала «Воспитанные волками». Кроме того, новая администрация США может пересмотреть свою внешнюю политику, внося коррективы в проведение военных операций, на что неизбежно отреагирует и массовая культура. Таким образом, военная тематика в современной американской поп-культуре нуждается в дальнейших исследованиях, основанных на принципах междисциплинарности.

Список литературы

1. The Invention of Tradition / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press; New York, 1983. 324 p.
2. Кром М. Использование понятий в исследованиях по истории допетровской Руси: смена вех и новые ориентиры // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 94–125.
3. War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus / eds. J. Fedor, M. Kangaspuro, J. Lassila, T. Zhurzhenko. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. 506 p.
4. Woodward R., Jenkins N. Bringing War to Book: Writing and Producing the Military Memoir. London: Palgrave Macmillan, 2018. 285 p.
5. Franklin H. B. Star Trek in the Vietnam Era // Film and History: An Interdisciplinary Journal of Film and Television Studies. 1994. Vol. 24, no. 1–2. Pp. 36–46.
6. The Ultimate Star Trek and Philosophy: The Search for Socrates / eds. K. S. Decker, J. T. Eberl. London: Wiley, 2016. 368 p.
7. O'Connor M. Liberals in space: the 1960s politics of Star Trek // The Sixties: A Journal of History, Politics and Culture. 2012. Vol. 5, no. 2. Pp. 185–203.
8. Gupta A. Star Trek and International Relations. Текст: электронный // E-International Relations Journal. 2013. June 2. URL: <https://www.e-ir.info/2013/06/02/star-trek-and-international-relations/> (дата обращения: 16.07.2021).
9. Баркоўскі П. Інтэлектуальны маніфест: тут і цяпер // Палітычная сфера. 2013. № 21. С. 93–96.
10. Енев З. За ползите и вредите от «историята». Текст: электронный // Либерален преглед. 2013. Септември 16. URL: <http://www.librev.com/index.php/prospects-science-publisher/2171-nutzen-und-nachteil-1> (дата обращения: 16.07.2021).
11. Franklin H. B. Star Trek in the Vietnam Era // Film and History: An Interdisciplinary Journal of Film and Television Studies. 1994. Vol. 24, no. 1–2. Pp. 36–46.
12. Aliens R Us: The Other in Science Fiction Cinema / eds. Z. Sardar, S. Cubitt. London: Pluto Press, 2002. 186 p.
13. Гаков Вл. Четыре путешествия на машине времени. Научная фантастика и её предвидения. М.: Знание, 1983. 192 с.
14. Разлогов К. Конвейер грёз и психологическая война: кино и общественно-политическая борьба на Западе: 70–80-е годы. М.: Изд-во полит. лит., 1986. 240 с.
15. Кукаркин А. В. Буржуазная массовая культура: Теории. Идеи. Разновидности. Образцы. Техника. Бизнес. М.: Политиздат, 1985. 399 с.
16. Sarantakes N. Cold War Pop Culture and the Image of U. S. Foreign Policy: The Perspective of the Original Star Trek Series // Journal of Cold War Studies. 2005. No. 4. Pp. 74–103.
17. Kwan A. Seeking New Civilizations: Race Normativity in the Star Trek Franchise // Bulletin of Science, Technology & Society. 2007. No. 1. Pp. 59–70.
18. Bernardi D. Star Trek and history: Raceing toward a white future. New Brunswick; New Jersey: Rutgers University Press, 1998. 264 p.

19. Kac-Vergne M. Sideline Women in Contemporary Science-Fiction Film. Текст: электронный // Miranda. Revue pluridisciplinaire du monde anglophone. 2016. No. 12 (Mapping gender. Old images; new figures). March 2. URL: <http://journals.openedition.org/miranda/8642> (дата обращения: 16.07.2021).
20. Straczynski M. Coming of Shadows. Текст: электронный // JMS News. 1995. February 6. URL: <http://jmsnews.com/messages/message?id=16470> (дата обращения: 16.07.2021).
21. Straczynski M. Great Job (as usual). Текст: электронный // JMS News. 1997. February 2. URL: <http://www.jmsnews.com/messages/message?id=9894> (дата обращения: 16.07.2021).
22. Relke D. Drones, clones and alpha babes: retrofitting Star Trek's humanism, Post 9/11. Calgary: University of Calgary Press, 2006. 190 p.
23. Suvin D. Of Starship Troopers and Refuseniks: War and Militarism in U. S. Science Fiction // Extrapolation. 2007. Vol. 48, no. 1. Pp. 9–34.
24. Sousa Causo R. de, Citizenship at War. Текст: электронный // O Jornal da Tarde. 1998. February 21. URL: <http://www.wegrokit.com/causost.htm> (дата обращения: 16.07.2021).
25. Peterson R. Militarism and Utopia in "Starship Troopers". Текст: электронный // SPACE.com. 2000. June 9. URL: http://www.space.com/sciencefiction/books/troopers_book_000610.html (дата обращения: 16.07.2021).
26. Theisoehn Ph. The suits of invasion. Extra-terrestrial warfare and the clothing of the "body politic" in 20th century space fiction. URL: <https://www.ds.uzh.ch/dam/jcr:00000000-6e26-7731-0000-00005a8e6495/thesuitsofinvasion.pdf> (дата обращения: 16.07.2021).
27. Колосов Н. Исторические понятия в мире без будущего // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 57–93.
28. Енев З. За ползите и вредите от «историята». Текст: электронный // Либерален преглед. 2013. Септември 16. URL: <http://www.librev.com/index.php/prospects-science-publisher/2171-nutzen-und-nachteil-1> (дата обращения: 16.07.2021).

Статья поступила в редакцию 25.06.2021; принята к публикации 30.07.2021

Сведения об авторе

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, Воронежский государственный университет; 394000, Россия, г. Воронеж, ул. Пушкинская, 16; e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>.

Библиографическое описание статьи

Кирчанов М. В. Фантастический кинематограф как одна из форм локализации военных образов в американской массовой культуре // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 5. С. 77–86. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-77-86.

References

1. The Invention of Tradition / eds. Hobsbawm E., Ranger T. Cambridge – NY: Cambridge University Press, 1983. (In Engl.)
2. Krom, M. The use of concepts in research on the history of pre-Petr Russia: a change of landmarks and new landmarks. How we write history / eds. G. Garrett, G. Dufo, L. Pimenova. M: ROSSPEN, 2013: 94–125. (In Rus.)
3. War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus / eds. J. Fedor, M. Kangaspuro, J. Lassila, T. Zhurzhenko. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. (In Engl.)
4. Woodward, R., Jenkins, N. Bringing War to Book: Writing and Producing the Military Memoir. L: Palgrave Macmillan, 2018. (In Engl.)
5. Franklin, H. B. Star Trek in the Vietnam Era. Film and History: An Interdisciplinary Journal of Film and Television Studies, no. 1–2, pp. 36–46, 1994. (In Engl.)
6. The Ultimate Star Trek and Philosophy: The Search for Socrates / eds. K. S. Decker, J. T. Eberl. L: Wiley, 2016. (In Engl.)
7. O'Connor M. Liberals in space: the 1960s politics of Star Trek. The Sixties. A Journal of History, Politics and Culture, no. 2, pp. 185–203. 2012. (In Engl.)
8. Gupta A. Star Trek and International Relations. E-International Relations Journal. 2013. June 2. URL: <https://www.e-ir.info/2013/06/02/star-trek-and-international-relations/> (In Engl.)
9. Barkowski, P. Intellectual manifesto: here and now. Political sphere, no. 21, pp. 93–96, 2013. (In Bel.)
10. Enev, Z. The Reworking of the Past – Bulgaria, 2013. Liberal Review. 2013. June 9. URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/2081-2013>. (In Bulg.)

11. Franklin, H. B. Star Trek in the Vietnam Era. *Film and History: An Interdisciplinary Journal of Film and Television Studies*, no. 1–2, pp. 36–46, 1994. (In Engl.)
12. Aliens, R Us: The Other in Science Fiction Cinema / eds. Z. Sardar, S. Cubitt. L: Pluto Press, 2002. (In Engl.)
13. Gakov, V. I. Four travels in a time machine. *Science fiction and its foresight*. Moscow: Knowledge, 1983. (In Rus.)
14. Razlogov, K. Conveyor of dreams and psychological warfare: cinema and socio-political struggle in the West: 70–80s. Moscow: Political Literature Publishing House, 1986. (In Rus.)
15. Kukarkin, A. V. *Bourgeois Mass Culture: Theories. Ideas. Varieties. Samples. Equipment. Business*. Moscow: Politizdat, 1985. (In Rus.)
16. Sarantakes, N. Cold War Pop Culture and the Image of U. S. Foreign Policy: The Perspective of the Original Star Trek Series. *Journal of Cold War Studies*, no. 4, pp. 74–103, 2005. (In Engl.)
17. Kwan, A. Seeking New Civilizations: Race Normativity in the Star Trek Franchise. *Bulletin of Science, Technology & Society*, no. 1, pp. 59–70, 2007. (In Engl.)
18. Bernardi, D. *Star Trek and history: Racing toward a white future*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1998. (In Engl.)
19. Kac-Vergne, M. Sideline Women in Contemporary Science-Fiction Film. *Miranda. Revue pluridisciplinaire du monde anglophone*, no. 12, 2016. (Mapping gender. Old images; new figures). March 2. Web. 16.07.2021. <http://journals.openedition.org/miranda/8642>. (In Engl.)
20. Straczynski, M. Coming of Shadows. *JMS News*. 1995. February 6. Web. 16.07.2021. <http://jmsnews.com/messages/message?id=16470>. (In Engl.)
21. Straczynski, M. Great Job (as usual). *JMS News*. 1997. February 2. Web. 16.07.2021. <http://www.jmsnews.com/messages/message?id=9894>. (In Engl.)
22. Relke, D. Drones, clones and alpha babes: retrofitting Star Trek's humanism, Post- 9/11. Calgary: University of Calgary Press, 2006. (In Engl.)
23. Suvin, D. Of Starship Troopers and Refuseniks: War and Militarism in U. S. Science Fiction. *Extrapolation*, no. 1, pp. 9–34, 2007. (In Engl.)
24. Sousa Causo R. de, Citizenship at War. *O Jornal da Tarde*. 1998. February 21. Web. 16.07.2021. <http://www.wegrokit.com/causost.htm>. (In Engl.)
25. Peterson, R. Militarism and Utopia in 'Starship Troopers'. *SPACE.com*. 2000. June 09. Web. 16.07.2021. http://www.space.com/sciencefiction/books/troopers_book_000610.html. (In Engl.)
26. Theisohn, Ph. The suits of invasion. Extra-terrestrial warfare and the clothing of the 'body politic' in 20th century space fiction. Web. 16.07.2021. <https://www.ds.uzh.ch/dam/jcr:00000000-6e26-7731-0000-00005a8e6495/thesuitsofinvasion.pdf>. (In Engl.)
27. Kopusov N. Historical concepts in a world without a future. *How we write history* / eds. G. Garrett, G. Dufo, L. Pimenova. M: ROSSPEN, 2013: 57–93. (In Rus.)
28. Enev, Z. On the benefits and harms of "history". *Liberal Review*. 2013. September 16. Web. 16.07.2021. <http://www.librev.com/index.php/prospects-science-publisher/2171-nutzen-und-nachteil-1>. (In Bulg.)

Received: June 25 2021; accepted for publication July 30, 2021

Information about author

Kyrchanoff Maksym W., Doctor of History, Associate Professor, Voronezh State University; 16 Pushkin-skaya st., Voronezh, 394000, Russia; e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>.

Reference to the article

Kyrchanoff M. W. SciFi Cinema as one of Spatial Localizations of Military Images in American Mass Culture // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 5. PP. 77–86. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-77-86.

УДК 129

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-87-98

Надежда Дмитриевна Субботина,
Забайкальский государственный университет
(г. Чита, Россия),
e-mail: dialectica@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3251-4076>

Соотношение естественного и социального во внутригрупповых и межгрупповых отношениях в ситуации межэтнических конфликтов

Проблема межэтнических конфликтов в настоящее время является одной из тем, привлекающих внимание исследователей различных специальностей – культурологов, антропологов, историков, социальных психологов и других. Цель и основная задача данного исследования – проанализировать с философской точки зрения диалектику естественного и социального в этнических отношениях и её проявление в межэтнических конфликтах. Соответственно этому, в статье используются диалектический и компаративистский подходы. Теоретической основой исследования является авторская концепция соотношения естественного и социального в обществе и человеке, позволившая выявить структуру этнических отношений по данному критерию, определить отличия социально-групповых и естественно-групповых отношений. Внутригрупповые и межгрупповые отношения, в которых естественные составляющие преобладают над социальными, обозначаются введённым в авторской методологии понятием «естественно-групповые отношения» (ЕГО). Конкретными результатами исследования и новизной является обнаружение специфики проявления закономерностей естественно-групповых отношений и роли суггестии в межэтнических конфликтах. Доказывается, что для анализа групп недостаточно понятия «группоцентризм», так как оно описывает в основном оценку своей группы и её ценностей, а понятие «закономерности естественно-групповых отношений» обозначает иерархическую структуру группы, механизмы принудительной идентификации (в том числе методами воспитания) и самоидентификации, внутригрупповые и межгрупповые отношения, причины конформизма и др. В статье доказывается, что симптомы огруппления мышления, которые выявил И. Л. Янис в небольших закрытых группах и которые являются разновидностью закономерностей ЕГО, проявляются с некоторыми вариациями и в больших группах. Делается вывод, что авторы, изучающие групповые отношения, уделяют недостаточно внимания естественным предпосылкам формирования групп и огруппления мышления, тому, что вследствие необходимости выживания, стремления объединяться в группы, формировать и защищать единообразие мышления заложено в наших генетических программах и поддерживается суггестией. Дальнейшая часть статьи посвящена анализу двух межэтнических конфликтов на основе разработанной методологии (арабо-израильского и узбекско-киргизского) и прогнозу, а также возможности их преодоления.

Ключевые слова: межэтнический конфликт, естественное, социальное, группоцентризм, закономерности естественно-групповых отношений (ЕГО), делигитимизация, дегуманизация

Nadezhda D. Subbotina,
Transbaikal State University
(Chita, Russia),
e-mail: dialectica@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3251-4076>

The Relationship of the Natural and the Social in Intragroup and Intergroup Relations in a Situation of Interethnic Conflicts

The problem of interethnic conflicts is currently one of the topics attracting the attention of researchers of various specialties – culturologists, anthropologists, historians, social psychologists and others. The purpose and main task of this study is to analyze from a philosophical point of view the dialectics of the natural and the social in ethnic relations and its manifestation in interethnic conflicts. Accordingly, the article uses dialectical and comparative approaches. The theoretical basis of the study is the author's concept of the relationship between natural and social in society and a man, which made it possible to identify the structure of ethnic relations according to this criterion, to determine the differences between social-group and natural-group relations. Intragroup and intergroup relations, in which natural components prevail over social ones are designated by the concept of "natural-group relations" (NGR) introduced in the author's methodology. The specific results of the research and

© Субботина Н. Д., 2021

the novelty are the discovery of the specificity of the manifestation of the patterns of natural group relations and the role of suggestion in interethnic conflicts. It is proved that the concept of "group centrism" is not enough for the analysis of groups, since it describes mainly the assessment of one's group and its values, and the concept of "regularities of natural group relations" denotes the hierarchical structure of a group, mechanisms of forced identification (including by methods of education) and self-identification, intragroup and intergroup relationships, reasons for conformism, etc. The article proves that the symptoms of grouping thinking, which were identified by I. L. Janis in small closed groups, and which are a kind of (NGR) patterns, are manifested with some variations in large groups. It is concluded that authors studying group relations do not pay enough attention to the natural prerequisites for the formation of groups and grouping of thinking, the fact that, due to the need for survival, the desire to unite into groups, to form and protect the uniformity of thinking is inherent in our genetic programs and is supported by suggestion. The further part of the article is devoted to the analysis of two interethnic conflicts based on the developed methodology – the Arab-Israeli and Uzbek-Kyrgyz and the forecast, as well as the possibility of overcoming them.

Keywords: interethnic conflict, natural, social, group-centrism, laws of natural group relations (NGR), delegitimization, dehumanization

Введение. Современная глобализация делает неизбежными возникновение и развитие связей между различными государствами, этносами, конфессиями и культурами в целом. Межэтнические отношения отличаются в зависимости от того, находятся ли разные этносы внутри одного государства или в разных странах. В первом варианте отношений длительность совместного проживания этносов в одной стране влияет на количество общих интересов и ценностей. В межгосударственных отношениях интересы и ценности этносов могут значительно различаться. Этот факт делает необходимым пристальное изучение причин межэтнических конфликтов во внутригрупповых и межгрупповых отношениях и определение способов их преодоления.

Следует отметить, что закономерности межэтнических отношений совпадают с закономерностями любых межгрупповых отношений, а также связаны с закономерностями внутригрупповых отношений. Поэтому теоретико-методологическая часть данной статьи касается закономерностей, проявляющихся в любых стабильных группах.

Во взаимодействии групп людей присутствует диалектика естественного и социального. Часто группы образуются на основе исключительно естественных закономерностей, например, толпа, подверженная массовому поведению. Поводом для образования толпы могут быть как социальные, так и естественные причины. Если же группы создаются на основе каких-либо социальных связей (классы, партии, государственные учреждения и т. п.), они становятся, на первый взгляд, сугубо социальными образованиями, однако естественная сторона жизни людей может оказывать и оказывает на них своё влияние через естественные

стороны психики членов этих групп. Порой такое воздействие оказывается очень сильным, способным затрагивать судьбы целых государств.

Методология и методы исследования. В статье используется диалектический и компаративистский подходы. Теоретической основой исследования представленной проблемы является авторская концепция соотношения естественного и социального в обществе и человеке [1–3], которая предполагает выделение в объектах социально-гуманитарного познания естественной и социальной сторон, каждая из которых в свою очередь содержит внешние и внутренние компоненты. Применение этой методологии позволяет обнаружить качественные различия социально-групповых и естественно-групповых отношений. Согласно названию социально-групповые отношения основаны на социальных факторах – экономических, политических, культурных и прочих. Естественно-групповые отношения обусловлены генетическими причинами, приобретая (или нет) при этом социальное оформление. Можно условно выделить четыре типа общественных отношений: 1) внутригрупповые социальные отношения (например, отношения между соучениками или коллегами); 2) внутригрупповые естественные отношения, которые могут быть социально оформленными (например, отношения между начальником и подчинённым, когда первый использует социальную субординацию для показа своего более высокого статуса) и социально не оформленными (например, отношения между неформальным лидером и теми, кто, безусловно, признаёт это лидерство); 3) межгрупповые социальные отношения (например отношения между двумя государствами); 4) межгрупповые естественные

отношения (например, отношения между двумя близко живущими этносами, находящимися либо в рамках одного государства, либо на границе двух или нескольких государств). Следует уточнить, что отношения в обществе не бывают исключительно социальными или естественными. В любых отношениях есть эти две стороны, только в одних преобладает естественная сторона, а в других – социальная. В данной статье нас интересуют внутригрупповые и межгрупповые естественные этнические отношения в ситуации конфликта¹.

Результаты исследования и их обсуждение. Названная методология ранее позволила объединить обнаруженные психологами и социологами различные закономерности групповых отношений, имеющие естественную составляющую, и определить их как закономерности естественно-групповых отношений (ЕГО). В список этих закономерностей входит суггестия и многие феномены, основанные на суггестии: конформизм, подражание, огруппление мышления, групповая поляризация, социальная фасилитация, социальная ингибция и др. Эти законы проявляются в таких общественных явлениях, как манипулирование сознанием, мода, реклама, воспитание, массовое поведение в периоды революций, бунтов, фанатских столкновениях и т. д. [1; 2]. В данной статье я коснусь только тех закономерностей, которые непосредственно связаны с межэтническими конфликтами.

Следует отметить, что в современной социальной психологии есть понятие, объединяющее несколько закономерностей ЕГО – «группоцентризм». В отличие от популярного термина «этноцентризм» В. Г. Самнера [4], оно отражает стремление воспринимать как центральную любую группу, ценности которой индивид разделяет. А. В. Круглански определяет группоцентризм как синдром, «который включает давление, направленное на единообразие мнений, поощрение авторитарического лидерства, групповой фаворитизм, отказ от отклонений, сопротивление изменениям, консерватизм и увековечение групповых норм» [5, с. 84].

Можно предположить, что понятие «группоцентризм» делает излишним предлагаемое мною понятие «закономерно-

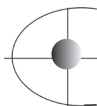
¹ Следует уточнить, что социальные причины конфликтов в данной статье не рассматриваются, хотя они в большинстве ситуаций играют важную роль, а во многих – определяющую.

сти ЕГО». Однако последнее значительно шире. Группоцентризм обозначает в основном оценку своей группы и её ценностей. Закономерности ЕГО связаны, помимо феномена группоцентризма, с иерархической структурой группы, механизмами принудительной идентификации (в том числе методами воспитания) и самоидентификации, внутригрупповыми и межгрупповыми отношениями и т. д.

Любая социальная группа, как отмечают все исследователи, строго придерживается определённых правил, признавая их единственно верными и неизменными. Тем не менее, если бы во всех группах действовали только такие правила, то в них не было бы никакого развития². Кроме того, наличие этих правил не объясняет, как они возникли. Понятно, что они появились не одновременно, а сформировались вследствие совместного преодоления внутригрупповых проблем. Неизбежность таких проблем объясняется тем, что интересы группы в целом и интересы составляющих её индивидов совпадают лишь частично. Это приводит к тому, что отдельные индивиды ставят свои интересы выше групповых и нарушают принятые правила. Для таких членов группы вырабатывается практика различных наказаний. Но есть и другая тенденция, которая возрастает в эпоху цивилизации, когда правила нарушают те, кто высоко ценит свою группу. Эти индивиды стремятся усовершенствовать существующие правила. Именно о них пишет В. Г. Хопкинс: «Чётко определённые члены группы иногда предпочитают отклоняться от своих групп, если они считают, что групповые нормы вредны для группы и что они делают это в надежде изменить коллектив таким образом, который считают лучшим для группы» [6, с. 51]. Такое поведение можно назвать социальным, так как индивиды оказываются способными преодолеть инстинктивную потребность в восхвалении своей группы. Позиция этого индивида будет или легко одобрена группой, если её отстаивает лидер, или встретит сопротивление, если его выскажет человек, имеющий более низкий статус. Он рискует быть осмеянным или даже изгнанным из группы.

П. Харт, как и другие исследователи данного вопроса, отмечает, что абсолютно всегда члены группы стремятся думать так, как думает группа в целом. Учёный выделя-

² Хотя и такие группы существуют при условии их полной изоляции.

ет уже не отдельных индивидов, о которых говорит В. Г. Хопкинс, а целые сплочённые группы, где считается нормальным критиковать принятую точку зрения. Правда, он тут же оговаривается, что это бывает редко [7, с. 252]. П. Харт пишет о небольших сплочённых группах, но если мы будем говорить о такой большой группе, как этнос, то здесь степень сплочённости будет ниже, но она будет возрастать в критические ситуации, к которым, в частности, относятся конфликты. Следовательно, возможность критических замечаний по отношению к преобладающей точке зрения будет выше. Однако, чем глубже конфликт, тем меньше будет разногласий у членов группы. Следовательно, для тех, кто желает этот конфликт погасить, очень важно не упустить время.

Сплочённость группы является решающим фактором не только для улучшения внутригрупповых отношений или погашения конфликта, но и для любых важных решений. По мнению И. Л. Яниса, сплочение группы вызывает единообразие мнений, его учёный определяет как «способ мышления, которым люди занимаются, когда они глубоко вовлечены в сплочённую группу, когда стремление к единодушию перевешивает их мотивацию реалистично оценивать альтернативные направления действий» [8, с. 19]. «Групповое мышление» приводит к тому, что её члены отказываются ради единодушия от реалистичной оценки ситуации, что может привести к серьёзным политическим ошибкам.

И. Л. Янис считает, что огруппление мышления происходит в момент принятия важного решения. Я предполагаю, что огруппление мышления не всегда связано лишь с необходимостью принятия решения, оно перманентно существует и в малых, и в больших группах и остаётся в рамках оценивания поведения членов своей группы, поведения представителей другой группы или ситуации, возникшей в результате взаимодействия с другой группой.

И. Л. Янис анализирует признаки огруппления мышления в малых группах и условия для принятия единодушного решения. Основная цель данной статьи – сравнение процесса огруппления мышления в малых и в больших группах, к которым, например, относятся этносы.

Сравнение больших и малых групп является одной из задач социальной психологии. В частности, такую задачу ставят себе

Л. Р. Капораэль и М. Б. Брюэр [9]. Л. Р. Капораэль задаёт естественный вопрос: «Как люди, адаптированные к групповой жизни лицом к лицу, строят и живут в крупномасштабных обществах, что является аномалией с эволюционной точки зрения» [10]. Логично предположить, что принцип объединения в большие группы должен иметь сходство с эволюционно возникшим способом создания малых групп. В малых группах люди знают друг друга «в лицо» и общаются непосредственно. Общение в больших группах (и сами группы) становится возможным при появлении сугубо социальных средств связи и прежде всего письменности. Осознание того, что незнакомый человек признаёт те же нормы и ценности, что и ты, даёт возможность включить его в свою группу.

В больших группах также формируется единодушие, особенно при возникновении межэтнического или межконфессионального конфликта. И в малых, и в больших группах есть такой признак, как сплочённость. Малая группа, по И. Л. Янису, должна быть изолированной. В большой группе полной изоляции нет, но есть неполнота информации о ценностях другой группы. Есть также общая идеология и общая социальная атмосфера.

И. Л. Янис формулирует симптомы группового мышления. И здесь также большинство симптомов, проявляющихся в малой группе, на мой взгляд, характерны и для большой. Отметим самые важные. Это иллюзия неуязвимости, вера в неотъемлемую мораль группы, самоцензура и иллюзия единодушия, когда каждый член группы не решается высказать точку зрения, которая противоположна озвучиваемой, предполагая, что все другие думают одинаково. Есть также давление на несогласных, тех, кто не соблюдает принятые в группе нормы, или решил высказать сомнение в правильности этих норм. И. Л. Янис также отмечает отсутствие в малой группе детальной проработки принятых планов, отсутствие вариантов ответа на непредвиденные обстоятельства. То же самое есть и в большой группе. Когда нет явных организаторов, данный симптом очень ярко выражен. Группа просто не думает об этом по причине названных ранее симптомов.

И. Л. Янис к феномену огруппления мышления относится негативно, показывает, что именно огруппление приводило к

неверным решениям американского правительства. Однако важно ответить на вопрос: почему возник этот феномен, ведь в процессе социальной эволюции в условиях естественного, а затем и социального отбора должны сохраняться только те паттерны, которые способствуют выживанию группы? Если бы групповое мышление всегда имело только негативные последствия, оно не закрепилось бы на генетическом уровне. Если экстраполировать групповое мышление в прошлое, на жизнь первобытного человека и даже на группы социальных животных, то ценность его можно проиллюстрировать на таком простом примере: во время критической ситуации больше шансов на выживание имеют те группы, члены которой не разбегаются в разные стороны, не спорят между собой, а двигаются в одном направлении. Конечно, это направление может оказаться тупиковым, но в первом случае распад группы практически неизбежен, а единое направление давало больший или меньший шанс на коллективное выживание. Поэтому успешность поведения на основе группового мышления зависит от выбора правильного направления и в прошлом, и в настоящее время. И. Л. Янис же обходит анализом те решения малой группы, которые имели успех¹. Для чистоты вывода необходимо выявить соотношение успешных и неуспешных последствий принятых планов, являющихся следствием группового мышления.

А. В. Круглански связывает группоцентризм с двумя «основными характеристиками» человека: когнитивными и социальными склонностями. Когнитивные склонности являются способом осознания окружающего мира и возникновения когнитивного закрытия: «В самом деле, наш главный тезис состоит в том, что потребность в когнитивном закрытии, однажды возникшая, может повлиять на широкий спектр групповых явлений, объединяющая цель которых состоит в том, чтобы создать согласованную общую реальность в группе, способствуя чувству группировки членов» [5, с. 85]. Проблемой когнитивного закрытия занимаются в настоящее время многие психологи, в том числе К. Балднер, Л. Жаме, А. Пиерро, О. Фельдман Холл, А. Шенхав и др. [11; 12].

А. В. Круглански противопоставляет своё исследование классическим работам, посвящённым динамике групп. Если другие

¹ И. Л. Янис исследовал причины неудачных решений американского правительства.

авторы на первое место ставят «стремление к вознаграждениям, опосредованным группами (посредством давления однородности)», то он считает, что главная потребность – это «потребность людей в знаниях, необходимых для большинства человеческих занятий» [5, с. 95].

Полагаю, что верны оба вывода, но относительно разных объектов. Для самосохранения группы необходимо единомыслие, приводящее к согласованности действий всех её членов, которое достигается посредством суггестивного воздействия со стороны группы на каждого человека. По сути, здесь происходит коллективная самосуггестия членов этой группы, так как они постоянно повторяют, напоминают себе все принятые догмы [2]. Для самосохранения человека требуется когнитивное закрытие (*cognitive closure*), которое создаёт устойчивое представление об окружающем мире, чёткие цели и средства их достижения. При этом происходит снижение неопределённости, на значимость которого указывал М. А. Хогг [13, с. 248].

Большинство авторов объясняют феномен «групповости» стремлением индивидов принадлежать к группе и оставаться в ней. Например, с точки зрения Л. Фестингера, групповая сплочённость – «результат всех сил, действующих на членов, чтобы остаться в группе» [14, с. 273]. Но не менее важна и изначальная (хотя и не всегда осознаваемая её членами) заинтересованность группы в том, чтобы все её участники вели себя согласованно. Для группы это – вопрос выживания. Для индивида уже существующая группа становится условием его личного выживания.

Д. П. Кент и Р. Г. Бёрнайт выделяют три варианта установок, возникающих при контакте разных культур: «знакомый этноцентрический взгляд, в котором предпочтительна своя культура; ксеноцентрическое представление, в котором предпочтительна культура, отличная от собственной, обратная первой; и культурный релятивизм, в котором каждая культура оценивается с точки зрения её собственных обстоятельств и ценностей [15, с. 256]. Таким образом, первая и вторая установки отражают желание индивида принадлежать к лучшей группе, вне зависимости от того, совпадают ли характеристики представителей этой группы с его собственными. Такой может быть рас-

ценена не только своя группа, но и другая, если она воспринимается как лучшая. Видимо, первая установка преобладает ввиду врождённой склонности человека к этноцентризму и изначально характерна для всех культур и каждого человека без исключения. Лишь позднее при контакте с другими культурами может сформироваться вторая или третья установка. Причём третья уже не имеет естественного начала. Она – результат высокого развития мышления индивида и социума в целом.

Примеры действия закономерностей ЕГО. Рассмотрим на примерах некоторых межгрупповых конфликтов проявление диалектики естественных и социальных предпосылок и закономерностей ЕГО. Основной задачей является доказательство того, что огруппление мышления свойственно не только малым закрытым группам, но и большим, довольно открытым.

Сначала остановимся на конфликте двух групп, проживающих в разных государствах. Арабо-израильский конфликт является сложнейшим и длительным конфликтом на Ближнем Востоке. Социальная составляющая причин этого конфликта постоянно анализируется экспертами, однако факт, что он вспыхивает вновь и вновь, свидетельствует о том, что у него есть серьёзные естественные причины.

Очень интересным выглядит «когнитивный анализ» причин этого конфликта, сделанный Д. Бар-Тал [16]. При этом теоретические положения работ Д. Бар-Тала применимы и к другим межгрупповым конфликтам. Исследователь считает, что нельзя ограничиваться анализом исторических, политических и культурных основ конфликта, необходимо добавить анализ его «психологических корней». Такие «корни» (причины конфликта) следует определить как внутренние естественные.

Д. Бар-Тал анализирует эпистемические источники данного конфликта, чтобы объяснить, почему «убеждения одной группы несовместимы с убеждениями другой» [Там же]. Учёный ссылается на эпистемологический подход А. В. Круглански, включающий анализ трёх эпистемических мотиваций, «которые определяют, являются ли верования “замороженными” или “открытыми” для замещения альтернативными гипотезами. <...> Это мотивация валидности, мотивация структуры и мотивация конкретного контента» [Там же].

Д. Бар-Тал ссылается на А. В. Круглански, который считает, что «критерием оценки достоверности приобретённого убеждения является принцип постоянства». Это означает, что предлагаемая гипотеза должна соответствовать тем знаниям, которые уже есть у человека. И здесь Д. Бар-Тал ставит вопрос: «...могут ли люди осознать правдоподобную гипотетическую альтернативу исходному убеждению, подтвердить её и принять её вместо ранее существовавшей веры, или они “замирают” на этом убеждении?» [16]. Если А. В. Круглански, как я отмечала ранее, говорит о необходимости закрытия, то Д. Бар-Тал ищет возможность «разморозить» устоявшиеся представления о сущности конфликта, о целях, которыми руководствуется противоположная сторона.

Говоря о *мотивации валидности*, Д. Бар-Тал утверждает: «Люди боятся принять на себя возможные ошибочные убеждения, и, чтобы избежать этого, они открыты для рассмотрения множества альтернативных гипотез, прежде чем принять любую из них как действительную» [Там же]. Пожалуй, следует усомниться в том, что данная мотивация присуща всем без исключения индивидам. Известно, что люди больше доверяют информации, которую получили первой. По всей вероятности, она в большей степени суггестивна. *Мотивация структурирования*, по словам Д. Бар-Тала, – это желание людей иметь целостное, не двусмысленное представление о чём-либо, когда у них нет желания его оспаривать. *Мотивация для конкретного вывода* заключается в потребности «считать данное убеждение истиной и воздерживаться от соперничающих альтернативных гипотез. Нежелательные гипотезы отвергаются, а желаемые принимаются» [Там же].

По моему мнению, вначале формируются вторая и третья мотивации из названных Д. Бар-Талом. Они вытекают из естественной потребности в самосохранении, в потребности иметь уверенное представление о внешнем мире, которое А. В. Круглански называет «закрытием». Формирование этих мотиваций связано с суггестией. Третья мотивация формируется на более высоком уровне развития логического мышления и предполагает высокую степень развития контрсуггестии.

Д. Бар-Тал анализирует арабо-израильский конфликт в ракурсе указанных мо-

тиваций. На примере многих публикаций он показывает несовпадение потребностей израильских евреев и арабов, а также несовпадение представлений этих сторон о себе с представлениями о них противоположной стороны конфликта. По мнению арабов, причиной конфликта является стремление евреев расширяться, а по мнению евреев, желание арабов – уничтожить государство Израиль. Д. Бар Тал приводит данные, что в 1974 г. 74,3 % израильских респондентов и 79,7 % арабских респондентов чувствовали угрозу от противоположной стороны [16]. Здесь прослеживается проявление одного из симптомов огруппления мышления, выявленных И. Л. Янисом, когда формируется взгляд на противника, который считается одновременно и злонамеренным, и неразумным [8].

Д. Бар-Тал считает, что для разрешения конфликтов необходимы условия, которые будут способствовать размораживанию убеждений: «а) когда стороны осознали, что убеждения относительны и субъективны; б) когда потребности были удовлетворены; в) когда была обнаружена важная информация первостепенной важности; и г) вмешательство третьей стороны в качестве эпистемологического органа» [16]. На мой взгляд, самым труднодостижимым условием является первое из названных. Совершенно справедливо Д. Бар-Тал отмечает, что монополизация объективности и истины приводит к тому, что «каждая сторона считает свои действия реакцией и подчёркивает зверства, терроризм, негибкость, враждебность и жестокость другой стороны» [Там же]. Данное положение он подтверждает множеством примеров. Поэтому, по мнению автора, необходимо помочь враждующим сторонам провести диалог в атмосфере терпения и понимания. Каждая сторона диалога должна осознать субъективность своих представлений, что будет способствовать поиску мирных решений.

Однако, как создать такую атмосферу, если ни одна из противоборствующих сторон к этому не стремится? За тридцать лет со времени написания этой статьи нужная атмосфера не была создана. Что касается третьей стороны, то она играет положительную, но временную роль. Д. Бар-Тал считает, что «третья сторона может информировать обе стороны о субъективном и относительном состоянии их знаний и о потребностях

своей стороны и соперника» [Там же]. Однако, на мой взгляд, здесь не истина субъективна, а субъективны противоположные оценки одних и тех же достоверных фактов; субъективен выбор тех фактов, которые подтверждают собственную оценку и игнорирование фактов, которые такую оценку подвергают сомнениям. Кроме того, эта оценка укрепляется посредством коллективной самосуггестии в рамках каждой из противоборствующих сторон, что делает её почти «непробиваемой».

В другой, уже недавней публикации Д. Бар-Тал совместно с М. Наси арабо-израильский конфликт относят к группе неразрешимых [17]. Тему затяжного неразрешимого конфликта учёный разрабатывает на протяжении последних двадцати лет [18–20]. Доказывается, что в условиях затяжного неразрешимого конфликта у каждой из сторон развивается коллективная память, включающая ряд общественных убеждений и представлений: о справедливости собственных целей, безопасности, позитивном коллективном образе себя, собственной виктимизации, патриотизме, единстве убеждений в отношении мира [17]. Сомневаясь в обязательности последнего из убеждений в коллективной памяти каждой группы, согласимся со всеми остальными, напомним при этом, что коллективная память является результатом коллективной самосуггестии, и именно поэтому она далеко не всегда соответствует реальной истории группы.

Наиболее подробно Д. Бар-Тал и М. Наси анализируют такую составляющую общественного убеждения, как делегитимизация, при которой отдельные лица или группы выводятся за пределы границ, в рамках которых следует к ним относиться морально и справедливо, причинение им вреда считается уместным. Отмечается, что особенно ярким проявлением делегитимизации является дегуманизация, когда противоположную группу в целом и её отдельных представителей относят к какой-нибудь нечеловеческой категории – животных, недочеловеков, демонов и т. д. Делегитимизация не просто исключает чужую группу из сферы нравственности: «Наша концепция определяет феномен на коллективном уровне общественного дискурса, обнародованном в социальных и культурных институтах, таких как средства массовой информации и образование, и на индивидуальном уровне

интернализированного нарратива социальных категорий, который даёт членам группы моральную лицензию на совершение насилия» [17].

Таким образом, авторы выделяют внешние и внутренние социальные факторы делегитимизации. Однако не менее важен внутренний естественный фактор – антипатия к другим, существующая на генетическом, часто подсознательном уровне. Предупреждая возможную критику и обвинение в ксенофобии, уточню, что близкое общение, особенно в раннем возрасте, приводит к тому, что все люди, внешне отличающиеся от индивида, по тем же естественным законам воспринимаются как члены своей группы, и отношение к ним формируется уже не по внешности, а по личностным качествам. Этому способствуют и социальные факторы – идея гуманизма и воспитание толерантности. В возникновении конфликта могут играть роль и внешние естественные факторы, к примеру, нехватка пищи, территории, природные катаклизмы, неизбежно обостряющие социальные конфликты.

Основываясь на новых положениях, Д. Бар-Тал и М. Наси уточняют вопрос о возможности разрешения конфликтов, в том числе и арабо-израильского. Они отмечают, что «в неразрешимых конфликтах, которые длятся десятилетиями, делегитимизация общественных представлений о сопернике институционализируется» [Там же]. Авторы предлагают уже конкретный, реальный, хотя, на мой взгляд, очень медленный способ преодоления этой институционализации – использование межкультурного подхода к обучению, «чтобы разморозить и изменить делегитимизирующие убеждения обществ, живущих в контексте неразрешимого конфликта» [Там же]. Авторы уточняют, что межкультурное обучение в условиях неразрешимого конфликта обладает большой сложностью, так как делегитимизирующие убеждения «усваиваются уже в раннем возрасте, составляют часть общего мировоззрения членов общества и остаются относительно постоянными во времени» [Там же]. Устойчивость этих убеждений подкрепляется отсутствием регулярных контактов между соперничающими группами.

К перечисленным причинам сложности преодоления делегитимизации следует добавить недостаточное развитие критического мышления, которое может отсутствовать

при анализе противоборствующей группы даже у образованных людей. Собственно, этот факт является следствием того, что стереотипы о других (чужих) были внушены человеку с раннего детства и понимаются как нечто само собой разумеющееся, несмотря на то, что часто противоречат логике. Кстати, раннее внушение детям стереотипов было экспериментально подтверждено [20].

Исследователи Т. Ф. Петтигрю и Л. Р. Тропп осуществили метаанализ более чем 700 независимых выборок из 515 исследований межгрупповых контактов, проведённых за 60 лет. Это позволило им подтвердить гипотезу о том, что «межгрупповой контакт обычно снижает межгрупповые предубеждения» [21]. Для нас наиболее важным является вывод авторов метаанализа о том, что «теория контактов, первоначально разработанная для расовых и этнических столкновений, может быть распространена на другие группы» [Там же]. Это согласуется с выводом о том, что закономерности ЕГО проявляются во всех устойчивых группах. В то же время авторы метаанализа отмечают, что уменьшение предубеждений при этом не является существенным. И это также объяснимо: предубеждения полностью исчезнут тогда, когда представители другой группы будут включены в свою группу: и формально, и на уровне сознания. Для этого одного лишь контакта недостаточно: исчезновение негативных предубеждений относительно индивида, с которым был непосредственный контакт, не приводит к отбрасыванию предубеждений относительно группы в целом. Просто данный индивид будет восприниматься как исключение.

Следующий пример – конфликт между двумя этносами внутри одной страны. Такой конфликт произошёл в Киргизстане в г. Оше в 2010 г. между узбекским и киргизским¹ этносами. В результате конфликта, по официальным сведениям, 426 чел. погибло и 1925 чел. получили ранения. Как и в предыдущем примере, эксперты обращают внимание на социальные причины этого конфликта: социальную незащищённость населения, низкий уровень качества жизни, безработицу, искажённую национальную политику руководства страны. Всё это так, но

¹ В настоящее время в русскоязычных текстах употребляется два варианта: «киргиз» и «кыргыз»; второй является самоназванием этноса, но именно первый вариант считается правильным в русском языке. Поэтому в статье слово «кыргыз» присутствует только в цитатах.

если бы всё сводилось к социальным причинам, то конфликт произошёл бы между богатыми и бедными гражданами, независимо от их этнической принадлежности. Следовательно, социальные причины явились лишь толчком развития «тлеющего» межэтнического конфликта. Конфликт долгое время развивался в политическом поле, анализ которого выходит за рамки данной статьи. Поводом для открытого конфликта и кровопролития послужило незначительное событие. Две группы молодых людей, игравших в казино, стали обвинять друг друга в мошенничестве, началась драка, в которую включилось вызванное по сотовым телефонам с обеих сторон подкрепление.

После кровавых событий американский корреспондент Дэвид Стерн, посетивший Ош, писал: «Узбеки рассказывали леденящие душу истории про банды кыргызов, в основном не из Оша, набегавших на их кварталы, грабивших, стрелявших, поджигавших дома, иногда прямо с семьями внутри. Кыргызы говорили, что были вынуждены мстить, потому что узбеки их убивали в больших количествах»¹.

Как и в предыдущем примере, можно говорить, что конфликтующие этносы негативно и подозрительно относятся друг к другу. Вот несколько частных замечаний: «Весьма критично к кыргызам относятся узбеки, считают их ленивыми и хитрыми. Знакомая кыргызка рассказывала мне, что в Узбекистане в ходу пословица: “Не спи долго – кыргызом станешь”»². Противоположное высказывание: «Общался с группой кыргызско-узбеков. Так вот, кыргызы узбеков считают гнилыми внутри. Они так и говорят: “узбеки внутри гнилые, у них там всё гниёт”»³. Кыргызы дали узбекам унижительное прозвище «сарт». Всё это примеры огруппления мышления больших групп, проявления дегуманизации, ведущие к делегитимизации представителей конфликтующей стороны. Очевидно, что негативное отношение этих этносов друг к другу возникло настолько давно, что уже

¹ Киргизия: анализ причин насилия в Оше (Средняя Азия). – Текст: электронный // ИноСМИ. – 2010. – 18 окт. – URL: https://inosmi.ru/middle_asia/20101020/163720943.html (дата обращения: 18.07.2021).

² Мусульмане в России – заметки дилетанта. – Ч. 1. – URL: <https://dmitri-lytov.livejournal.com/3530.html> (дата обращения: 18.07.2021). – Текст: электронный.

³ Народы Средней Азии, как понаехавшие относятся друг к другу. – Текст: электронный // Я плакал. – URL: <https://www.yaplakal.com/forum14/topic698749.html> 12.12.2013. (дата обращения: 18.07.2021).

прочно закрепилось в пословицах. По мнению А. В. Круглански, эти представления входят в закрытую картину окружающего социального мира. Таким образом, любые социально-политические события, понятые одной из сторон как несправедливые, подобны спичке, разжегшей огонь. Логично предположить: чем древнее конфликт, тем сложнее его преодолеть. В данной конкретной ситуации даже проживание в одной стране не создаёт условий для сближения двух групп.

Заключение. Сравнивая внутригрупповые и межгрупповые связи, можно сделать вывод, что их общей чертой является наличие закономерностей естественно-групповых отношений, основанных на суггестии и контрсуггестии.

Авторы, изучающие групповые отношения, на мой взгляд, уделяют недостаточно внимания тому, что «групповость» возникла вследствие необходимости выживания, заложена в наших генетических программах и поддерживается суггестией. Большую роль в общественных отношениях играет диалектика естественного и социального. Выработка генетической программы «групповости» человека обусловлена необходимостью выживания в условиях дикой природы – внешнего естественного. Позднее эта программа пригодилась человеку для успешности в межгрупповой конкуренции уже в рамках социума, который является для группы внешним социальным. Внутренним социальным являются нормы поведения, внушённые человеку в процессе его социализации и самоидентификации. В обыденной жизни и в изолированных группах преобладают социально-групповые отношения. В экстремальных ситуациях (на войне, во время революции, катастроф, в значительных конфликтах), в массовидных процессах, а также в изолированных группах господствуют естественно-групповые отношения, иногда имеющие внешнее социальное оформление.

Проведённый анализ доказывает, что симптомы огруппления мышления, которые выявил И. Л. Янис в небольших закрытых группах и которые являются разновидностью закономерностей ЕГО, проявляются с некоторыми вариациями и в больших группах.

При этом необходимо уточнить, что данный анализ не даёт оснований сделать вывод, что мы живём по законам природы, что в нас преобладает естественное нача-

ло. Отнюдь нет. Естественные предпосылки системы общества, в том числе естественные предпосылки общественных отношений, были диалектически сняты, взяты под контроль социальным. Большинство общественных групп социальны и по форме, и по содержанию, но и в них явно или неявно присутствует естественное начало. Оно зафиксировано в наших генах, является внутренним естественным и влияет на поведение как отдельных индивидов, так и целых групп. В большей степени это проявляется в этнических группах, как первоначально возникших.

Что касается межэтнических конфликтных отношений в перспективе, то на уровне отдельных индивидов способом преодоления делегитимизации является долговременное близкое общение представителей ранее враждующих между собой групп. На уровне группы в целом единственным выходом из конфликтной ситуации может стать возникновение общих интересов и целей. Только личное общение способно привести к персонализации представителей других этносов, конфессий и к преодолению предубеждений относительно других культур.

Список литературы

1. Субботина Н. Д. Проблема соотношения естественного и социального в обществе и в человеке: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Улан-Удэ, 2002. 399 с.
2. Субботина Н. Д. Суггестия и контрсуггестия в обществе. М.: КомКнига, 2006. 208 с.
3. Subbotina N. D. The Concepts of "Social", "Asocial" and "Anti-Social" // *Filosofskie nauki*. 2016. No. 11. Pp. 108–121.
4. Sumner W. G. What Social Classes Owe to Each Other. The CAXTON PRINTER. Ltd. Caldwell, Idaho. 1974. 146 p.
5. Kruglanski A. W., Pierro A., Mannetti L., De Grada E. Groups as Epistemic Providers: Need for Closure and the Unfolding of Group-Centrism // *Psychological Review* Copyright 2006 by the American Psychological Association. 2006. Vol. 113, no. 1. Pp. 84–100.
6. Hopkins W. G. Sport and Recreation. Текст: электронный // *Sportscience*. 2007. Vol. 11. URL: <https://sportsci.org/2007/index.html> (дата обращения: 18.07.2021).
7. Hart P. Irving L. Janis' Victims of Groupthink // *Political Psychology*, 1991. Vol. 12, no. 2. Pp. 247–278.
8. Janis I. L. Victims of groupthink: A psychological study of foreign-policy decisions and fiascos. Boston: Houghton Mifflin, 1972. 276 p.
9. Caporael L. R., Brewer M. B. The quest for human nature: Social and scientific issues in evolutionary psychology // *Journal of Social Issues*. 1991. Vol. 47. Pp. 1–9.
10. Caporael L. R. Individual self, relational self, and collective self // *Parts and wholes: The evolutionary importance of groups* / C. Sedikides & M. B. Brewer. Philadelphia: PA: Psychology Press, 2002. Pp. 241–258.
11. Baldner C., Jaume L. C., Pierro A, Kruglanski A. W. The epistemic bases of prejudice: the role of need for cognitive closure // *Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology*. 2019. Vol. 26, no. 3. September Pp. 447–461. DOI: 10.4473/TPM26.3.9/2019.
12. Feldman Hall O., Shenha A. Resolving uncertainty in a social world // *Nature Human Behaviour*. 2019. № 3. Pp. 426–435.
13. Hogg M. A. Subjective uncertainty reduction through self-categorization: A motivational theory of social identity processes // *European Review of Social Psychology*. 2000. No. 11. Pp. 223–255.
14. Festinger L. Informal social communication. Текст: электронный // *Psychological Review*, 1950. No. 57. Pp. 271–282. URL: <https://philpapers.org/> (дата обращения: 18.07.2021).
15. Kent D. P., Burnight R. G. Group Centrism in Complex Societies // *American Journal of Sociology*. 1951. Vol. 57, no. 3. Pp. 256–259.
16. Bar-Tal D. Israeli-palestinian conflict: A cognitive analysis. Текст: электронный // *International Journal of Intercultural Relations*. 1990. Vol. 14. Pp. 7–29. URL: https://www.researchgate.net/publication/223177098_Israeli-Palestinian_conflict_A_cognitive_analysis (дата обращения: 18.07.2021).
17. Nasie M., Bar-Tal D. Intractable Conflict, Delegitimization and Intercultural Training (Chapter in Handbook of intercultural training). Текст: электронный // School of Education Tel Aviv University. 2020. June URL: <https://www.researchgate.net/publication/263470620> (дата обращения: 18.07.2021).
18. Bar-Tal D. Societal beliefs in times of intractable conflict: The Israeli case // *International Journal of Conflict Management*. 1998. No. 9. Pp. 22–50.
19. Bar-Tal D. Intractable conflicts: Socio-psychological foundations and dynamics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 584 p.
20. Bar-Tal D., Diamond A. H., Nasie, M. Political socialization of young children in intractable conflicts: Conception and evidence // *International Journal of Behavioral Development*. 2017. No. 41. Pp. 415–425. URL: <https://doi.org/10.1177/0165025416652508> (дата обращения: 18.07.2021).

21. Pettigrew T. F., Tropp L. R. Meta-analytic test of intergroup contact theory // *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006. No. 90. Pp. 751–783.

Статья поступила в редакцию 20.07.2021; принята к публикации 30.08.2021

Сведения об авторе

Субботина Надежда Дмитриевна, доктор философских наук, профессор, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail: dialectica@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3251-4076>.

Библиографическое описание статьи

Субботина Н. Д. Соотношение естественного и социального во внутригрупповых и межгрупповых отношениях в ситуации межэтнических конфликтов // *Гуманитарный вектор*. 2021. Т. 16, № 5. С. 87–98. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-87-98.

References

1. Subbotina, N. D. The problem of the relationship between the natural and the social in society and in man: Dr. sci. diss. Ulan-Ude, 2002. (In Rus.)
2. Subbotina, N. D. Suggestions and counter-suggestions in society. M: KomKniga, 2006. (In Rus.)
3. Subbotina, N. D. The Concepts of "Social", "Asocial" and "Anti-Social". *Philosophical Sciences*, no. 11, pp. 108–121, 2016. (In Rus.)
4. Sumner, W. G. What Social Classes Owe to Each Other. The CAXTON PRINTER. Ltd. Caldwell, Idaho. 1974. (In Engl.)
5. Kruglanski, A. W., Pierro, A., Mannetti, L., De Grada, E. Groups as Epistemic Providers: Need for Closure and the Unfolding of Group-Centrism. *Psychological Review* Copyright 2006 by the American Psychological Association, no. 1. pp. 84–100, 2006. (In Rus.)
6. Hopkins, W. G. Date: Annual 2007. From: *Sportscience* (Vol. 11). Publisher: Internet Society for Sport Science. Web. 18.07.2021. <https://sportsoci.org/2007/index.html>. (In Engl.)
7. Hart, P. Irving, L. Janis' Victims of Groupthink. *Political Psychology*, no. 2 (Jun., 1991), pp. 247–278, 1991. (In Engl.)
8. Janis, I. L. Victims of groupthink: A psychological study of foreign-policy decisions and fiascoes. Boston: Houghton Mifflin, 1972. (In Engl.)
9. Caporael, L. R., Brewer, M. B. The quest for human nature: Social and scientific issues in evolutionary psychology. *Journal of Social Issues*, no. 47, pp. 1–9, 1991. (In Engl.)
10. Caporael, L. R. Individual self, relational self, and collective self. Parts and wholes: The evolutionary importance of groups / C. Sedikides & M. B. Brewer (Eds.). Philadelphia, PA: Psychology Press, 2002: 241–258. (In Engl.)
11. Baldner, C., Jaume, L. C., Pierro, A., Kruglanski, A. W. The epistemic bases of prejudice: the role of need for cognitive closure. *TPM* no. 3, pp. 447–461, September 2019. Special Issue. doi:10.4473/TPM26.3.9/2019. (In Engl.)
12. Feldman, Hall, O., Shenha, A. Resolving uncertainty in a social world. *Nature Human Behaviour*, no. 3, pp. 426–435, 2019. (In Engl.)
13. Hogg, M. A. Subjective uncertainty reduction through self-categorization: A motivational theory of social identity processes. *European Review of Social Psychology*, no. 11, pp. 223–255, 2000. (In Engl.)
14. Festinger, L. Informal social communication. *Psychological Review*, no. 57, pp. 271–282, 1950. Web. 18.07.2021. <https://philpapers.org>. (In Engl.)
15. Kent, D. P., Burnight, R. G. Group Centrism in Complex Societies. *American Journal of Sociology*, no. 3, pp. 256–259, 1951. (In Engl.)
16. Bar-Tal, D. Israeli-Palestinian conflict: A cognitive analysis. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 14, pp. 7–29, 1990. Web. 18.07.2021. https://www.researchgate.net/publication/223177098_Israeli-Palestinian_conflict_A_cognitive_analysis. (In Engl.)
17. Nasie, M., Bar-Tal, D. Intractable Conflict, Delegitimization and Intercultural Training. Chapter in *Handbook of intercultural training / School of Education Tel Aviv University* June 2020. Web. 18.07.2021. <https://www.researchgate.net/publication/263470620>. (In Engl.)
18. Bar-Tal, D. Societal beliefs in times of intractable conflict: The Israeli case. *International Journal of Conflict Management*, no. 9, pp. 22–50, 1998. (In Engl.)
19. Bar-Tal, D. *Intractable conflicts: Socio-psychological foundations and dynamics*. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. (In Engl.)

20. Bar-Tal, D., Diamond, A. H., Nasie, M. Political socialization of young children in intractable conflicts: Conception and evidence. *International Journal of Behavioral Development*, no. 41, 415–425, 2017. Web. 18.07.2021. <https://doi.org/10.1177/0165025416652508>. (In Engl.)

21. Pettigrew, T. F., Tropp, L. R. Meta-analytic test of intergroup contact theory. *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 90, pp. 751–783, 2006. (In Engl.)

Received: July 20, 2021; accepted for publication August 30, 2021

Information about author

Subbotina Nadezhda D., Doctor of Philosophy, Professor, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: dialectica@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3251-4076>.

Reference to the article

Subbotina N. D. The Relationship of the Natural and the Social in Intragroup and Intergroup Relations in a Situation of Interethnic Conflicts // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 5. PP. 87–98. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-87-98.

УДК 130.2+ 316.334.56+ 394.014

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-99-105

Марат Николаевич Чистанов,

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
(г. Абакан, Россия),
e-mail: maratchistanov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-9002-5604>*

Леонид Валентинович Еремин,

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
(г. Абакан, Россия),
e-mail: leo_eregin@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0107-1228>*

Современные городские диаспоры: факторы социальной динамики (на примере тувинской диаспоры в г. Абакане)

Летом и осенью 2021 г. кафедрой философии и культурологии Хакасского государственного университета проведено пилотажное социологическое исследование тувинской диаспоры г. Абакана. Одной из задач исследования послужило построение общей комплексной теоретической модели идентичности этнических сообществ, которая могла быть применима для анализа этнокультурных процессов в современных городских условиях. В рамках исследования этнокультурной идентичности диаспоры рассматривались как сложные многоуровневые системы, которые могут быть визуализированы через набор определённых сценариев поведения. Данные сценарии предполагалось исследовать при помощи методологии фреймов Ирвина Гофмана и концепции иконического поворота в культуре И. Н. Инишева. Предварительные результаты исследования представлены в данной статье. В частности, утверждается, что современные этнические диаспоры обладают этнической идентичностью второго, а возможно даже третьего порядка (возникновение после традиционной и индустриальной стадий). Такая идентичность более характерна для взрослых, состоявшихся людей, создавших семью, имеющих детей, образование и профессию, но по разным причинам не реализовавших себя на своей исторической родине. Их этническая самоидентификация чаще всего не предполагает участия в организациях и объединениях этнического толка, но ведёт к широкому использованию системы визуальных маркеров, сигнализирующих о значимости этнической идентификации и самоидентификации для субъекта. В первом приближении модель представляется заслуживающей внимания, материалы глубинных интервью и экспертного опроса в целом соответствуют её базовым положениям, её дальнейшая разработка и корректировка станут возможными после обработки всех эмпирических данных и анализа результатов исследования.

Ключевые слова: постиндустриальный урбанизм, этноурбанистика, этнокультурная идентичность, культурный ландшафт, постколониальные исследования, иконический поворот

Marat N. Chistanov,

*Khakass State University
(Abakan, Russia),
e-mail: maratchistanov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-9002-5604>*

Leonid V. Eremin,

*Khakass State University
(Abakan, Russia),
e-mail: leo_eregin@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0107-1228>*

Modern Urban Diasporas: Factors of Social Dynamics (on Materials of Tuva Diaspora in the City Of Abakan)

In the summer and autumn of 2021, the Department of Philosophy and Cultural Studies of Khakass State University conducted a pilot sociological study of the Tuvan diaspora in the city of Abakan. One of the main tasks of the study was to build a general integrated theoretical model of the identity of ethnic communities, which would be applicable to the analysis of ethnocultural processes in modern urban conditions. Diasporas are seen

© Чистанов М. Н., Еремин Л. В., 2021

as complex multilevel systems that can be visualized through a set of specific behavioral scenarios. These scenarios were supposed to be investigated using the methodology of the frames of Ervin Goffman and the concept of iconic turn in the culture of Ilya Inishev. The preliminary results of the study are presented in this article. It is argued that modern ethnic diasporas have a second or third-order ethnic identity (arising after the traditional and industrial stages of social development). This identity is characteristic of adults who have passed through people who have created a family, have children, an education and a profession, but for various reasons they have not realized themselves in their historical homeland. Ethnic identity of such people does not involve participation in ethnic organizations and associations, but involves the use of visual markers that signal their own ethnic identification and self-identification. In the first approach, the model seems justified, the materials of the in-depth interviews and the expert interviews as a whole correspond to its basic provisions. Further development and adjustment of the model will be possible after processing of all empirical data and analysis of the study results.

Keywords: post-industrial urbanism, ethno-urbanism, ethno-cultural identity, cultural landscape, post-colonial studies, iconic turn

Введение. Тувинская диаспора г. Абакана ещё 20–30 лет назад в основном состояла из студентов абаканских вузов и техникумов. Закончив обучение, как правило, они возвращались на свою историческую родину, либо переселялись в другие регионы России с целью продолжения образования или поиска работы по специальности. Лишь малая часть из них оставалась в Абакане: чаще всего те, кто вступил в брак с местными жителями и решил инкорпорироваться в местное сообщество. Однако за последние 20 лет ситуация радикально поменялась: молодые люди осознанно приезжают в Абакан, чтобы остаться здесь на постоянное место жительства, как правило, уже с семьями и маленькими детьми. Студенты, вступившие в брак с представителями своей национальности во время обучения, тоже часто выбирают Абакан для дальнейшей работы и проживания, они составляют значительную часть покупателей квартир в городских новостройках. Увеличивается количество абаканских врачей, преподавателей, школьных учителей, являющихся этническими тувинцами. Важным фактором является то, что эти мигранты не теряют связи со своей исторической родиной, сохраняют свою этническую идентичность, их дети дома и в диаспоре говорят на тувинском языке. В то же время, специальных исследований тувинской идентичности за пределами Республики Тыва в целом и в Республике Хакасия в частности ранее не проводилось, поэтому о процессах, проходящих внутри диаспоры, можно только догадываться. Из работ, хотя бы частично относящихся к проблемному полю анализа, следует отметить исследование нашего коллеги Ю. М. Аксютин [1], проведённое по материалам полевых исследований 2015 г., или коллективную работу наших коллег 2017 г. [2].

Летом и осенью 2021 г. научным коллективом в составе заведующего кафедрой

философии и культурологии Хакасского государственного университета М. Н. Чистанова, директора Научно-исследовательского института археологии и этнографии Хакасского государственного университета Л. В. Еремина и аспиранта кафедры философии и культурологии Хакасского государственного университета Е. Ю. Немковой проводилось пилотажное социологическое исследование тувинской диаспоры г. Абакана. Цель работы – установление и анализ численности, социальной структуры и культурной идентичности тувинской этнической диаспоры в г. Абакане и его пригородах. Одна из задач исследования – построение общей комплексной теоретической модели идентичности этнических сообществ, которая была бы применима для анализа этнокультурных процессов в современных городских условиях. Изложению данной модели и посвящена данная статья.

Методология и методы исследования. В рамках проводимого исследования этнокультурной идентичности диаспоры рассматриваются как сложная многоуровневая система, которая может быть тематизирована через набор определённых сценариев поведения. Данные сценарии предполагается изучить при помощи методологии фреймов Ирвина Гоффмана [4; 5]. В разных ситуациях фреймы могут сужаться и расширяться, поэтому границы диаспоры всегда носят гибкий характер, то включая, то исключая отдельных её членов. Кроме того, привлекается концепция иконического поворота в культуре И. Н. Инишева [6–8], основанная на феноменологии телесности и восприятия Э. Гуссерля (см., напр.: [9]) и М. Мерло-Понти [10]. В силу собственной интенциональности, этническое сознание членов диаспоры всегда предполагает некоторое овнешнение. Таким образом, для эмпирического анализа могут быть доступны

лишь визуально-перцептивные проявления такого сознания, определённые этнические маркеры, которые могут быть выделены в ходе исследования. Сам эмпирический материал собран и обработан комплексом социологических методов (анкетирование, глубинное интервью, экспертный опрос). Поскольку результаты анкетирования всё ещё находятся в обработке, статья отражает лишь теоретическую модель и отчасти данные опроса экспертов и глубинных интервью.

Результаты исследования и их об-суждение. Исходным пунктом исследования является тезис о том, что субъектом этнического сознания, а значит и носителем этнической идентичности считается конкретный индивид. Коллективный субъект, будь то сам этнос, народ, нация или что-то ещё, – всего лишь абстракция, результат гипостазирования понятий, но не что-то реально существующее. Пребывание в однородной социальной среде, рядом с людьми, которые близки тебе по крови, языку и образу жизни, формирует общность социальных и психологических реакций на раздражители, единообразие поведенческих сценариев и всё то, что мы называем этнической культурой. В этом плане формирование этничности первого порядка, той, которую мы обычно именуем традиционной культурой, не представляет собой особой теоретической сложности, хотя может быть интересным с точки зрения исследования многообразия проявлений. По всей видимости, такая этническая культура является продолжением природной среды и в этом плане вполне может быть концептуализирована даже при помощи географического детерминизма XVIII в. В современном мире более уместно говорить об экологической или ландшафтной модели, но сути дела это практически не меняет, поскольку смена научной лексики на более современную и модную в теоретическом плане ничего не изменит.

Появление этнических диаспор радикальным образом меняет саму проблематику этничности, поскольку здесь на первый план выходит не просто естественный уклад жизни традиционного общества, но и его взаимодействие с другими этническими культурами, их способность к сосуществованию и взаимодействию. Очевидно, что успешное сосуществование различных культур – задача нелёгкая и фактически зависит

от того, насколько разделены будут экологические ниши, которые занимают диаспоры. Если этнические сообщества не вступают в схватку за ресурсы и жизненное пространство, есть шанс, что между ними образуется симбиотическое единство – то, что приводит в XX в. к теории “Salad bowl” и концепции мультикультурализма (см. напр.: [11]). На практике такая ситуация представляет собой некоторый идеальный вариант, который встречается только в фантастических романах и утопиях социальных философов. В реальном мире соседство различных этнических групп практически всегда порождает многочисленные конфликты по самым разным поводам. Впрочем, само существование диаспор в исторической ретроспективе показывает, что наличие конфликтов ещё не свидетельствует о невозможности совместного существования, а лишь сигнализирует о возможных проблемах и угрозах. Многовековой (если не многотысячелетней) опыт совместного проживания народов различного этнического происхождения показывает, что способы разрешения этих конфликтов существуют, и человечество умеет этим пользоваться.

На наш взгляд, появление индустриальных городов, характерных для цивилизации Запада, а затем постиндустриальная и постколониальная революция, превратившая города из центров промышленного производства в центры производства знаний и культурных ценностей, оказали решающее влияние не только на превращение традиционной культуры в индустриальную, а затем в постиндустриальную [12–14], но и на характер существования и сосуществования этнических диаспор, а также на само содержание этнической идентичности на современном этапе.

Индустриальная революция на Западе приводит к перемещениям огромного количества людей, рекрутируемых для строительства жилья и инфраструктуры, работы на заводах и фабриках, в сфере обслуживания. Появление колониальной системы во всех её разновидностях приводит к тому, что моноэтнические общества становятся фактами далёкого прошлого, а на ограниченных территориях мегаполисов вынужденно сталкиваются совершенно разнородные и чуждые друг другу культуры. И если в Европе данные противоречия какое-то время ещё сглаживались исторически сложивши-

мися нормами муниципального общежития, то в Новом Свете и новых мегаполисах во всех окраинах колониальных империй диаспоры проходят трудный и мучительный путь к установлению шаткого коммунального согласия и взаимоуважения.

Для нас важно то, что установление границ влияния этнических диаспор в городской среде в индустриальную эпоху происходит по тому же ландшафтному или экологическому принципу, что и в целом взаимодействие различных культур на одной территории: через систему экологических ниш и разделение труда и городских территорий. Как следствие, дошедшие до настоящего времени городские гетто, этнические анклавы, в которых пересечение границ кварталов иногда может быть смертельно опасным для представителей других этнических или религиозных групп. Отсюда же узурпация тех или иных видов промышленности или сферы услуг представителями этнических группировок, зачастую криминальных по своей сути. В этом смысле система этнической идентификации и самоидентификации мало изменяется со времён своего сельского периода, поскольку также эксплуатирует тему этнической взаимопомощи и солидарности в трудных жизненных ситуациях.

Серьёзные изменения в сфере этнической идентификации происходят лишь во второй половине XX в., когда промышленное производство начинает покидать страны Старого Света и Северной Америки и перемещаться в регионы с более дешёвой рабочей силой. Города, освобождаясь от заводов и фабрик, а вместе с ними – от пролетариата, становятся местом проживания буржуазии, офисных служащих, людей творческих и свободных профессий, а также многочисленных маргиналов. Стандартная застройка новых городских кварталов изрядно потеснила опасное очарование этнических районов, богачи и люмпены потихоньку перебираются за город. Центр города наводняется людьми, которые носят одинаковые костюмы, живут в типовых квартирах, едят в кафе и ресторанах и свои базовые потребности, в том числе и духовные, удовлетворяют в городских моллах и развлекательных центрах [15]. Очевидно, что потребность в этнической солидарности в таких условиях становится менее выраженной, а концентрация на индивидуальных целях и успехах наоборот возрастает.

Удивительным образом потребность в этнической идентификации у жителя постиндустриального города никуда не исчезает, наоборот (данное исследование это подтверждает), для горожанина старше 30 лет, с высшим образованием и стабильной работой, переживание им самим его этнической принадлежности и реакция на неё окружающих становятся очень важными. Возможным объяснением этого феномена является понятие перформативности современного сознания, введённое Ирвингом Гофманом. Моё представление о себе, моя собственная самооценка, по Гофману, напрямую зависят от реакции окружающих на транслируемые мной во внешнюю среду визуальные символы. Эти символы с одной стороны манифестируют мою уникальность и ценность, а с другой, будучи направленными на окружающих, с неизбежностью должны соответствовать каким-то социальным правилам и нормам, следовать какому-то общему сценарию.

В этом плане этнический сценарий, идентифицирующий меня как представителя выделенной социальной группы, предоставляет мне уже готовый «реквизит» (в терминологии Гофмана) [4], с другой стороны, наделяет меня определённым социальным капиталом, который у данной социальной (в данном случае этнической) группы имеется. Например, наличие белого халата предоставляет актору определённые преимущества в стенах лечебного учреждения, аналогичным образом принадлежность к конкретной этнической группе может придавать дополнительную значимость личности в собственных глазах и глазах окружающих. Так, несколько совершенно не связанных друг с другом американцев в личном общении с одним из авторов статьи с гордостью подчёркивали наличие в своей родословной коренных жителей своей страны, американских индейцев. Очевидно, что для них этот факт по какой-то причине оказывался важным, выделял их из когорты заурядных граждан США.

Наличие стандартных сценариев этнического поведения отнюдь не обозначает, что такое поведение всегда жёстко регламентировано. Современная городская этничность лучше всего описывается через теорию фреймов, гибких рамок, которые устанавливаются для конкретного случая и указывают, скорее, на приближение к опас-

ной черте, нежели на реальное нарушение правил. Главным в применении фрейма становится внутреннее чувство меры, поэтому люди разной душевной и психической организации этнические сценарии «играют» с разной степенью экспрессии.

Индивидуалистический характер современной этнической идентификации хорошо иллюстрируется фактом, который фиксируется в большинстве проведённых глубинных интервью и экспертных опросов: отсутствие или сугубо формальный характер официальных этнических обществ или ассоциаций. Так, представители тувинской диаспоры рассказали, что по преимуществу общаются с родственниками или друзьями по работе или учёбе. Если ещё 10–15 лет назад тувинское землячество регулярно устраивало коллективные мероприятия, то в настоящее время совместные действия ограничиваются празднованием Нового года по лунному календарю – Шагаа, причём во многом это связано с тем, что в проведении этого праздника оказывают содействие органы государственной власти Республик Тыва и Хакасия. Вместе с тем, тувинцы в Абакане стремятся сохранять свои обычаи, кухню (она достаточно сильно отличается от кухни даже этнически близких к ним хакасов), язык. Пожалуй, только у тувинцев в Абакане можно встретить привычку носить элементы своей национальной одежды в повседневной жизни, у остальных народов этнические костюмы – скорее, элемент праздничного ритуала. Найдутся и те, кто скажет, что в последнее время всё чаще можно встретить женщин в хиджабе или никабе, но это, скорее, указание на конфессиональную, а не этническую принадлежность, а конфессиональная идентичность вне общины вряд ли возможна. Вообще, выражение себя, своей идентичности во внешнем, визуальном плане – отличительная особенность так называемого иконического поворота: «Образ, возможно, – единственный объект, который в процессе своего восприятия не только потребляет “семантические ресурсы”, сформированные в иных средах, например, в языковой коммуникации или телесных практиках разнообразных общественных ритуалов. Он также производит их специфическим для него способом. Иконический опыт, с одной стороны, представляет собой продолжение внеобразного опыта, а, с другой стороны, прерывает его течение, привнося в него со-

держания, спонтанно сформировавшиеся и стабилизировавшиеся в специфически образном медиуме. Автономная по отношению к языку “логика образа” обуславливает своего рода непроизвольную конкретизацию общих рассуждений об образе, его функциях и структуре... Образ как самостоятельная область смыслоформирования не только требует соответствующей интуитивной (в данном случае зрительной) данности, но и представляет собой универсальную модель зримости» [6, с. 185]. В целом иконический анализ материалов этнической жизни – один из самых перспективных векторов развития наших исследований.

Таким образом, на примере тувинской диаспоры г. Абакана можно рассмотреть этническую идентичность второго, возможно, даже третьего порядка (после традиционной и индустриальной стадий). Такая идентичность характерна для взрослых, самостоятельных людей, часто уже создавших семью и имеющих детей, с образованием и профессией, но по разным причинам не реализовавших себя на своей исторической родине. Их этническая самоидентификация чаще всего не предполагает участия в организациях и объединениях этнического толка, но включает в себя поддержание родственных и дружеских связей с земляками, использование тувинского языка для общения между собой и с детьми, использование визуальных и перцептивных маркеров, подчёркивающих этническую принадлежность одежды, кухни, соблюдение светских и религиозных ритуалов и обычаев тувинского народа и т. д.

Заключение. В рамках исследования тувинской диаспоры г. Абакана была разработана и апробирована на эмпирическом материале теоретическая модель постиндустриальной этнической идентичности. В первом приближении модель представляется заслуживающей внимания, материалы глубинных интервью и экспертного опроса в целом соответствуют её базовым положениям, её дальнейшая разработка и корректировка станут возможными после обработки всех эмпирических данных и анализа результатов исследования.

Выявлено, что тувинская диаспора в Абакане перешла в стадию активного формирования лишь восемь-десять лет назад, в силу чего формировалась по совершенно иному принципу, чем традиционные сооб-

щества мигрантов. В частности, отсутствует стремление к компактному совместному проживанию, тувинцы крайне редко селятся в частном секторе, предпочитая районы многоэтажной застройки. Круг общения фактически ограничивается родственниками и ближайшими друзьями. Это позволяет предположить, что тувинская диаспора Абакана, скорее, соответствует постин-

дустриальному урбанистическому типу, третьему типу этнической идентичности в нашей классификации.

Представляется, что предложенную модель возможно использовать в более широком аспекте, для анализа любых этнических (а возможно и не только этнических) сообществ и выделения факторов их внутренней и внешней социальной динамики.

Список литературы

1. Аксютин Ю. М. Влияние трансформации структуры идентичностей жителей регионов постсоветской России на характер межэтнических отношений (на примере Тувы, Хакасии, Алтая) // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 162–174.
2. Anzhiganova L., Asochakova V., Topoeva M. Ethno-confessional neotraditionalism in a globalized world: Search for basis of identification // Revista de Humanidades. 2017. Vol. 30. Pp. 141–151. DOI: 10.5944/rdh.30.2017.18206.
3. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2004. 752 с.
4. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. 306 с.
5. Goffman, Erving. Relations in public: microstudies of the public order. New York: Basic Books, 1971. 396 p.
6. Инишев И. Н. «Иконический поворот» в науках о культуре и обществе // Логос. 2012. № 1. С. 184–212.
7. Инишев И. Н., Бедаш Ю. А. Визуальное, социальное, образное: зрительное восприятие как фактор современной культуры // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2016. Вып. 1. С. 9–25.
8. Инишев И. Н. Взаимосвязь визуального восприятия, пространства и действия в герменевтической концепции образа // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 7. С. 16–24.
9. Михайлов И. А. Проблемы восприятия в феноменологии Гуссерля // Наука, техника и образование. 2018. № 12. С. 66–75. DOI: 10.20861/2312-8267-2018-53-003.
10. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Наука: Ювента, 1999. 605 с.
11. Yasir Khan, Muhammad; Latif, Mohsin; Khalid, Rehan. Application of Salad Bowl Theory and Melting Pot Theory on the Short Story «My Son The Fanatic» by Hanif Kureishi // World Wide Journal of Multidisciplinary Research and Development. 2017. No. 3. Pp. 62–66.
12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
13. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2016. 671 с.
14. Chakrabarty Dipesh. Provincializing Europe: postcolonial thought and historical difference. Princeton: Princeton University Press, 2000. 300 p.
15. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.

Статья поступила в редакцию 13.09.2021; принята к публикации 25.10.2021

Сведения об авторах

Чистанов Марат Николаевич, доктор философских наук, доцент, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова; 655017, Россия, г. Абакан, ул. Ленина, 90; e-mail: maratchistanov@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-9002-5604>.

Еремин Леонид Валентинович, кандидат исторических наук, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова; 655017, Россия, г. Абакан, ул. Ленина, 90; e-mail: leo_eremin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0107-1228>.

Вклад авторов в статью

- М. Н. Чистанов – основной автор, концептуализировал и оформлял текст.
Л. В. Еремин проводил и анализировал результаты исследования.

Библиографическое описание статьи

Чистанов М. Н., Еремин Л. В. Современные городские диаспоры: факторы социальной динамики (на примере тувинской диаспоры в г. Абакане) // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 5. С. 99–105. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-99-105.

References

1. Aksyutin, Yu. M. Transformation of personal identity structure in the regions of post-Soviet Russia and its impact on interethnic relations: the cases of the republics of Tuva, Khakassia and Altai. The new research of Tuva, no. 2, pp. 162–174, 2016. (In Rus.)
2. Anzhiganova, L., Asochakova, V., Topoeva, M. Ethno-confessional neotraditionalism in a globalized world: Search for basis of identification. Revista de Humanidades, vol. 30, pp. 141–151, 2017. DOI: 10.5944/rdh.30.2017.18206. (In Engl.)
3. Goffman, Erving. Frame analysis: An essay on the organization of experience. Moscow: ISRAS, 2004. (In Rus.)
4. Goffman, Erving. The Presentation of Self in Everyday Life. Moscow: Canon Press, 2000. (In Rus.)
5. Goffman, Erving. Relations in public: microstudies of the public order. New York: Basic Books, 1971. (In Engl.)
6. Inishev, Ilya N. The “Iconic turn” in the theories of culture and society. Logos. Philosophical and Literary Journal, no. 1, pp. 184–212, 2012. (In Rus.)
7. Inishev, I. N., Bedash, J. A. The visual, social and imaginative: Visual perception as a factor of contemporary culture. ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics, issue 1, pp. 9–25, 2016. (In Rus.)
8. Inishev, I. N. Interconnection between visual perception, space and action in Hermeneutic conception of image. TSPU Bulletin, issue 7, pp. 16–24, 2014. (In Rus.)
9. Mikhaylov, I. A. Perception in Husserl’s Phenomenology. Journal Science, Technology and Education, no. 12, pp. 66–75, 2018. DOI: 10.20861/2312-8267-2018-53-003. (In Rus.)
10. Merleau-Ponty, Maurice. Phenomenology of Perception. Saint Petersburg: Nauka. Juventa, 1999. (In Rus.)
11. Yasir, Khan, Muhammad; Latif, Mohsin; Khalid, Rehan. Application of Salad Bowl Theory and Melting Pot Theory on the Short Story “My Son The Fanatic” by Hanif Kureishi. World Wide Journal of Multidisciplinary Research and Development, no. 3, pp. 62–66, 2017. (In Engl.)
12. Huntington, Samuel Phillips. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. Moscow: AST, 2003. (In Rus.)
13. Said, Ed. W. Orientalism – Saint Petersburg: Russian world, 2016. (In Rus.)
14. Chakrabarty, D. Provincializing Europe: postcolonial thought and historical difference. Princeton University Press, 2000. (In Engl.)
15. Oldenburg, Ray. Celebrating the Third Place: Inspiring Stories about the “Great Good Places” at the Heart of Our Communities. Moscow: NLO Books, 2014. (In Rus.)

Received: September 13, 2021; accepted for publication October 25, 2021

Information about authors

Chistanov Marat N., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Khakass State University; 90 Lenina st., Abakan, 655017, Russia; e-mail: maratchistanov@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-9002-5604>.

Eremin Leonid V., Candidate of History, Khakass State University; 90 Lenina st., Abakan, 655017, Russia; e-mail: leo_eregin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0107-1228>.

Contribution of authors to the article

M. N. Chistanov – the main author, conceptualization and design of the text.

L. V. Eremin – carrying out and analysis of research results.

Reference to the article

Chistanov M. N., Eremin L. V. Modern Urban Diasporas: Factors of Social Dynamics (on Materials of Tuva Diaspora in the City Of Abakan) // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 5. PP. 99–105. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-99-105.

УГОЛ ЗРЕНИЯ

POINT OF VIEW

УДК 177.7 + 304

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-106-115

Андрей Евгеньевич Сериков,

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королёва*

(г. Самара, Россия),

e-mail: aeserikov@mail.ru

https://orcid.org/0000-0002-4213-8089

Страхование как аналог отбора кандидатов в жертвы в контексте проблемы универсальности человеческого жертвоприношения

Проблему универсальности человеческого жертвоприношения можно сформулировать следующим образом: является ли человеческое жертвоприношение социально-культурной универсалией и, если является, каким способом это можно доказать? Один из возможных подходов к решению данной проблемы заключается в том, чтобы показать, каким образом человеческие жертвоприношения реализуются в современных нам обществах. Основной целью данного исследования послужило обоснование предположения о том, что существуют современные аналоги отбора кандидатов на роль жертвы в человеческом жертвоприношении. Если они существуют, это будет дополнительным аргументом в рамках решения указанной проблемы. Элементы человеческого жертвоприношения могут быть разнесены во времени и пространстве, а также реализованы в ином порядке, чем в традиционных ритуалах. Гипотеза исследования заключалась в том, что функция отбора кандидатов на роль жертв в современном распределённом жертвоприношении реализуется различными вариантами страхования жизни и здоровья. Метод исследования состоял в анализе эмпирических данных о возможных статистических связях между смертностью и продолжительностью жизни людей, с одной стороны, и наличием у них различного типа полисов страхования жизни и здоровья – с другой. Поскольку смертность среди военных на действительной службе выше, чем среди гражданских лиц, обязательное страхование жизни и здоровья военнослужащих можно рассматривать как аналог отбора жертв. В случае с гражданскими жертвами добровольное страхование жизни и здоровья играет противоположную роль: наличие у людей полисов добровольного страхования жизни и здоровья положительно коррелирует с продолжительностью жизни, что предположительно связано с более качественным медицинским обслуживанием в случаях заболевания или несчастного случая. Поэтому добровольное страхование может быть рассмотрено как аналог отрицательного отбора в жертвы: незастрахованный человек имеет больше шансов стать жертвой.

Ключевые слова: страхование жизни, страхование здоровья, смертность, жертва, жертвоприношение, антропология, социальная теория

Благодарность: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 19-011-00872 «Философская антропология жертвы: сакрализация, управление, дизайн».

© Сериков А. Е., 2021

Andrei E. Serikov,

S. P. Korolev Samara National Research University

(Samara, Russia),

e-mail: aeserikov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4213-8089>

Insurance as an Analogue of the Candidates Selection for Sacrifice in the Context of the Problem of Human Sacrifice Universality

The problem of human sacrifice universality can be formulated as follows: is a human sacrifice a socio-cultural universal and, if so, how can this be proved? One possible approach to solving this problem is to show how human sacrifice is realized in modern societies. The main purpose of this research is to substantiate the assumption that there are contemporary analogues of the candidate's selection for the role of a human sacrifice. If they exist, this will be an additional argument in favor of the opinion that human sacrifice is universal. The elements of human sacrifice can be spread out in time and space, and also be implemented in a different order than in traditional rituals. The hypothesis was that the selection of candidates for the role of victims in such distributed sacrifice is implemented by life and health insurance. As a research method we used the analysis of possible statistical relationships between mortality and life expectancy of people, on the one hand, and the availability of different types of life and health insurance policies, on the other. Since the mortality rate among the military in active service is higher than among civilians, compulsory life and health insurance for military personnel can be viewed as an analogue of the selection of victims. In the case of civilian victims, the availability of voluntary life and health insurance policies for people is positively correlated with life expectancy, which is presumably associated with better medical care in cases of illness or accident. Voluntary insurance can be viewed as an analogue of negative selection: those not insured have a higher chance of becoming a victim.

Keywords: life insurance, health insurance, mortality, victim, sacrifice, anthropology, social theory

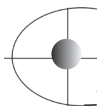
Acknowledgment: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research under Grant No. 19-011-00872 "Philosophical Anthropology of Victim: Sacralization, Management, Design".

Введение. Важнейший социально-философский вопрос состоит в том, существуют ли универсальные инварианты, единые для всех человеческих обществ, как архаических, так и современных? Если так, то архаические универсалии должны в изменённой форме присутствовать и в современной нам жизни. Это напрямую касается жертвоприношения. Большинство исследователей культуры разделяют тезис о том, что архаический ритуал является истоком возникновения всех социальных и культурных практик, а также о том, что центральной частью всякого архаического ритуала является жертвоприношение [1, с. 15–20]. В этом контексте можно утверждать, что жертвоприношение в широком смысле этого слова лежит в основании не только архаических, но и современных практик.

Более спорным является вопрос о человеческом жертвоприношении. В последнее время учёные предполагают, что оно было распространено в традиционных обществах гораздо шире, чем это предполагалось ранее. Например, там где раньше просто видели места массовых захоронений, теперь обнаруживают специфические признаки следов проведения ритуалов жертвоприно-

шения [2]. Поэтому возможно, что именно человеческое жертвоприношение является прототипом жертвоприношения вообще¹. В связи с этим возникают вопросы: насколько универсальным является человеческое жертвоприношение и какую роль играет в современной культуре; существуют ли вообще в современных обществах какие-либо формы человеческого жертвоприношения, помимо героического самопожертвования на войне и при спасении жизни других? Если существуют, то в каком виде, ведь явное ритуальное насилие одного человека над другим в современных культурах табуировано? Так, Жан Бодрийяр усматривал «страсть к жертвоприношению» в чрезвычайном интересе современного человека к неестественной смерти в результате несчастных случаев, преступлений и катастроф [3, с. 293]. В этом контексте философскую проблему, лежащую в основе данного исследования, можно сформулировать следующим образом: *является ли человеческое жертвоприношение социально-культурной универса-*

¹ Carrasco D. Sacrifice/Human Sacrifice in Religious Traditions. – Текст: электронный // The Oxford Handbook of Religion and Violence / eds. M. Juergensmeyer, M. Kitts, M. Jerryson. – New York; Oxford: Oxford University Press, 2013. – Pp. 209–225. – URL: <https://dash.harvard.edu/handle/1/34814073> (дата обращения: 01.03.2021).

лией и, если является, каким способом это можно доказать?

В решении этого вопроса можно опереться на биологию и эволюционную психологию, показав существование базовых врождённых предрасположенностей человека, формирующих основы культуры и общества. В рамках этого направления Эдвард Уилсон недавно обосновал предположение об эусоциальности человека [4]. Если его гипотеза верна, из неё следует, что у людей на генетическом уровне заложена эволюционно сформировавшаяся склонность к тому, чтобы приносить и принимать жертвы.

Но к решению данного вопроса можно подойти также в рамках социальной теории, показав, каким образом человеческие жертвоприношения реализуются в современных нам обществах. Так, Рональд Кордеро считает, что в современных развитых обществах человеческие жертвоприношения практикуются довольно часто, например при массовых вакцинациях населения или при принятии таких решений, как использование пестицидов в сельском хозяйстве, которые повысят урожайность, но увеличат смертность сельскохозяйственных рабочих. При принятии подобных решений всегда рассчитывается минимальное допустимое число жертв вследствие нежелательных побочных эффектов. Но в современных обществах подобные действия не принято называть жертвоприношением, а жертвы обычно преподносятся как случайные [5, с. 206–212].

Ранее мной был обоснован тезис, что в настоящее время элементы человеческого жертвоприношения, такие как отбор жертв, их ритуальное очищение или осквернение, смерть жертв, их сакрализация, поминовение, консумация, могут быть разнесены во времени и пространстве, а также быть реализованы в ином порядке, чем в традиционных ритуалах [6]. Например, аналогом убийства жертвы на алтаре становится её гибель из-за болезни или несчастного случая, смерть во время природного бедствия, катастрофы или теракта. Аналогом последующей религиозной сакрализации жертвы становится конструирование её сакрального образа в массмедиа. Елена Иваненко предложила для таких процессов термин «распределённое жертвоприношение» [7, с. 287].

Элементы распределённого жертвоприношения можно рассматривать в качестве

функциональных аналогов элементов архаического жертвоприношения. Одним из таких обязательных элементов является отбор кандидатов на роль жертвы. Рене Жирар, например, обсуждает эту тему и доказывает, что в архаическом обществе жертвами становятся те, за кого некому отомстить [8, с. 20–22]. В современных обществах большинство жертв гибнут вроде бы случайно, и кажется, что на эту роль их никто и ничто не отбирает. Но так ли это? Я думаю, что нет, и предполагаю, что должны существовать современные аналоги подобного отбора.

Соответственно, *основной целью* данного исследования является обоснование предположения о том, что существуют современные аналоги отбора кандидатов на роль жертвы в человеческом жертвоприношении. Если они существуют, это будет дополнительным аргументом в рамках решения социально-философского вопроса об универсальности человеческого жертвоприношения.

Кроме того, существует более частный социально-философский вопрос о сущности такой современной социальной практики, как страхование жизни и здоровья. Традиционно предлагается два объяснения: экономическое и этическое. С экономической точки зрения, страхование – это, прежде всего, способ приумножить капитал, т. е. бизнес. С этической и политической точки зрения, страхование жизни – это инструмент социальной стабильности, взаимной поддержки всеми, кто рискует (сообществом в целом), семей и бизнеса тех, кто погиб. Это как бы следствие взаимного морального обязательства, которое оформляется в виде страховых взносов, договоров и т. п.

В старейшем классическом учебнике Соломона Хюбнера написано: «С точки зрения сообщества, страхование жизни может быть определено как социальный инструмент накоплений на случай неопределённых потерь вследствие преждевременной смерти, осуществляемых путём переноса рисков многих индивидов на одну персону или группу персон»¹. Таким образом, рискуют все, платят взносы все, а когда кто-то гибнет, риски большинства переносятся на тех, кто погиб. Если это понять буквально и рассмотреть в контексте социальной теории жертвоприношения, получится, что один (или группа) были пожертвованы, чтобы все

¹ Huebner S. S. Life Insurance: a Textbook. – New York; London: D. Appleton And Company, 1919. – P. 3.

остальные (участники жертвоприношения) продолжали жить и здравствовать. До того, как страхователь погиб, он является частью сообщества, граница между ним и остальными не проведена. Как только он погиб, он стал жертвой, граница проведена, а остальные, которые продолжают жить (участники ритуала жертвоприношения), должны поддержать его семью и продолжить его дело, должны расплатиться за то, что в жертву принесены не они, а погибший. Такая социально-философская интерпретация страхования является новой, и её обоснование является *дополнительной целью* данного исследования.

Методология и методы исследования. Основная гипотеза исследования заключалась в том, что современными аналогами отбора кандидатов в жертвы могут быть различные варианты страхования жизни и здоровья.

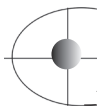
Сама по себе идея о том, что страхование как-то связано с жертвоприношением, не является оригинальной. Так, Никлас Луман писал про укоренённость морского страхования в религиозных ритуалах, направленных на коммуникацию с богами. В древности практика дивинации «гарантировала, что решения [людей] не возбудят гнев богов или иных сакральных [numinose] сил, будучи как-то застрахованы контактом с таинственными предначертаниями судьбы. <...> Уже в морской торговле Древнего Востока (что вполне естественно) имели место и сознание риска, и соответствующие правовые учреждения. Первоначально они были почти неразличимы от программ дивинации, призвания богов-покровителей и т. д., но в области правовой, в особенности в разделении ролей тех, кто давал капитал, и самих мореплавателей, они явственным образом исполняли функцию страховки и тем самым вплоть до средневековья могли почти непрерывно оказывать влияние на право морской торговли и морских страховок» [9, с. 140].

Чтобы правильно понять связь, на которую указывал Н. Луман, следует помнить, что морское страхование было первой исторической формой страхования вообще, а основным средством коммуникации с богами всегда было жертвоприношение. В древности верили, что боги по-разному относятся к людям, и их отношение напрямую зависит от качества принесённых жертв. От

чего зависит судьба людей в современном мире? Например, все ли попавшие в зону природного бедствия или пострадавшие в катастрофе люди обладают равными шансами на то, чтобы выжить? Видимо, нет. В частности, возникает предположение, что эффективность эвакуации и других мер по спасению потенциальных жертв может быть связана с их гражданством, социальным статусом и наличием страховых полисов.

Метод исследования состоял в поиске и анализе опубликованных эмпирических данных о возможных статистических связях между смертностью и продолжительностью жизни людей, с одной стороны, и наличием у них различного типа полисов страхования жизни и здоровья – с другой. Наличие таких связей можно было бы интерпретировать как подтверждение тезиса, что страхование – это один из элементов современного распределённого жертвоприношения, выполняющих функцию проведения социальных различий между людьми и основанного на этих различиях отбора кандидатов в жертвы.

Результаты исследования и их обсуждение. Одним из первых задокументированных примеров катастрофы, в которой шанс на спасение зависел от социального статуса, была гибель «Титаника». С этой историей связано много мифов, поэтому сначала приведу просто числа. Имеющаяся статистика связана с тем, что люди на борту делились на членов экипажа и пассажиров 1, 2 и 3-го классов, а также на мужчин, с одной стороны, и женщин и детей – с другой. В 1-м классе из 175 мужчин погибло 118 чел. (67,4 %), из 150 женщин и детей – 4 чел. (2,7 %); во 2-м классе из 168 мужчин погибло 154 чел. (91,7 %), из 117 женщин и детей – 13 чел. (11,2 %); в 3-м классе из 462 мужчин погибло 387 чел. (83,8 %), из 244 женщин и детей – 141 чел. (57,8 %). Среди членов экипажа из 862 мужчин погибло 670 чел. (77,7 %), из 23 женщин и детей – 3 чел. (13,1 %). Статистический анализ показывает: 1) женщины и дети имели больше шансов на выживание, чем мужчины; 2) не было статистически значимых различий между выживанием пассажиров и членов экипажа; 3) шансы на выживание пассажиров зависели от принадлежности к классу; 4) эта зависимость особенно сильно была выражена среди женщин и детей. Ситуация в целом объясняется тем, что на «Титанике» не было

достаточного количества спасательных шлюпок, а имеющиеся шлюпки находились на палубах 1-го и 2-го классов; пассажирам 2-го класса отказывали в посадке на шлюпки 1-го класса, а членам экипажа и пассажирам 3-го класса отказывали в доступе на палубу 1-го класса; многие пассажиры 3-го класса не имели шансов подняться даже на палубу 2-го класса. Гендерные различия в смертности объясняются тем, что пассажиры 1-го и 2-го классов уступали свои места в шлюпках женщинам и детям [10].

В целом это можно описать в рамках следующей модели: мужчины из высшего общества жертвовали собой ради женщин и детей своего класса, но при этом легко приносили в жертву других, менее привилегированных мужчин и женщин. Что же касается наличия у пассажиров страховых полисов, известно лишь, что многие из них действительно застраховали свою жизнь (в это было вовлечено 119 страховых организаций) и были застрахованы от несчастных случаев (в 48 организациях), и многие страховые выплаты после катастрофы были произведены¹. Но более подробной информации нет, и поэтому невозможно точно установить, каким образом наличие страховки и её стоимость были связаны с выживаемостью. Тем не менее можно предположить, что наличие и стоимость страховых полисов коррелировали с классовой принадлежностью, а значит, с шансами на выживание пассажиров «Титаника».

Эта история, поскольку она произошла довольно давно, позволяет взглянуть на вопрос о связи между наличием страховки, классовой принадлежностью и оказываемой помощью, так сказать, в чистом виде. Во-первых, в некоторых обществах у человека из низших классов может не быть никакой страховки на случай болезни или несчастного случая, и ему могут отказать в какой-либо помощи вообще. Во-вторых, даже в тех обществах, где предусмотрено обязательное страхование, существуют добровольные формы страхования, стоимость которых коррелирует с классовым положением, и они могут стать основанием для того, чтобы оказать человеку в беде дополнительную помощь. В-третьих, есть про-

фессиональные категории – экипажи транспортных средств, военные, спасатели, врачи – принадлежность к которым обязывает жертвовать собой, независимо от наличия страховки.

В современном обществе у представителей последних категорий страхование жизни и здоровья может быть одним из обязательных условий вхождения в профессию, связанную с повышенным риском, и оплачиваться не самим человеком, а его работодателем или государством в обмен на обязательство рисковать собой.

С исторической точки зрения, современный ритуал проводов в армию и ритуал принятия воинской присяги можно рассматривать как трансформацию архаической сакрализации накануне самопожертвования, как ритуальную подготовку к возможной смерти на войне [11]. Современное обязательное государственное страхование жизни и здоровья военнослужащих – это один из аналогов того же ритуального комплекса, гарантирующих в современных условиях, что о здоровье раненого и семье погибшего солдата позаботится государство. Существование таких ритуалов и их аналогов соотносится с интуитивным представлением о том, что шансы пострадать у военнослужащих намного выше, чем у гражданского населения.

Можно ли эту интуицию проверить статистически? Для этого нужно сравнить данные о смертности военнослужащих в действующей армии с данными о смертности населения в целом. Если взять данные начала XXI в.², максимальная ежегодная смертность населения России в целом имела место в 2003 г. и составила 16,4 %, а возрастные коэффициенты смертности взрослых людей (в возрастах, примерно соответствующих возрастам военнослужащих) составили от 1,2 % для когорты 15–19 лет до 12,5 % для когорты 45–49 лет³. Для сравнения, к 1 февраля 1995 г. Объединённая группировка российских войск в Чечне составляла 70 509 чел. и в целом в Первую чеченскую войну российские войска потеряли убитыми, умершими и взятыми в плен 5 552 чел. [12, с. 581–584]. Из этого следует, что смертность составила 7,87 %, т. е. при-

¹ Titanic Sinks! Insurance Claims Mount For Passengers, Cargo P2. – Текст: электронный // Ver Ploeg & Marino. – 2012. – Apr. 14th. – URL: <https://www.vpm-legal.com/blog/titanic-sinks-insurance-claims-mount-passengers-cargo-p2/> (дата обращения: 01.03.2021).

² До эпидемии коронавируса 2020 г., смертность во время которой неизбежно возрастёт и, возможно, превысит смертность в 2003 г.

³ Демографический ежегодник России. 2005: статистический сборник. – М.: Росстат, 2005. – С. 257.

мерно в десять раз больше, чем среди молодых и зрелых людей в мирное время. В качестве радикального примера военных потерь, связанных с самопожертвованием, можно привести бой псковских десантников у высоты 776 (эпизод Второй чеченской войны), в ходе которого 1 марта 2000 г. погибло 84 из 90 десантников (93 %) [Там же, с. 592].

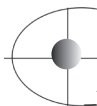
Причинно-следственные объяснения повышенной смертности на действительной армейской службе довольно просты. В армии человек может оказаться в опасной ситуации не по своей собственной воле, а по приказу. В то время как гражданские люди в целом сами выбирают, в каких условиях им жить, с кем общаться, как одеваться, на чём передвигаться и т. п. Именно возможность оказаться участником боевых действий делает армию особо опасным для жизни местом и позволяет говорить о том, что процедуры оформления статуса военнослужащего, такие как военный медосмотр, проводы в армию, присяга и обязательное страхование, являются аналогами ритуалов отбора и подготовки потенциальных жертв.

При анализе статистических связей между наличием различных форм страховых полисов и смертностью среди гражданского населения, прежде всего, следует проанализировать ситуации, в которых у некоторых категорий населения промышленно развитых стран вообще нет медицинской страховки. Суть этих ситуаций в том, что качественное высокотехнологическое медицинское обслуживание в принципе существует, но для тех людей, у которых нет страховки, оно недоступно. С этой точки зрения, уникальная страна – США, где медицинская наука и технологии развиты на высочайшем уровне, но где до сих пор не внедрена система обязательного медицинского страхования. В «США до недавнего времени было около 50 млн незастрахованных (16 % населения). <...> Проблема с наличием незастрахованных граждан в США уже сегодня приводит к серьёзным последствиям: около 20 тыс. смертей (или 0,8 % всех смертей за год) связаны с отсутствием у граждан медицинской страховки, необходимость оплаты счетов за лечение в отсутствие медицинского страхования – ведущая причина банкротства в США. Более того, непомерно растущие расходы на оплату медицинской помощи вынуждают страховые компании поднимать тарифы на добровольное медицинское

страхование. В свою очередь работодатели, которые должны оплачивать эти завышенные тарифы, или снижают уровень покрытия страховым планом своих работников, или снижают заработную плату работникам, чтобы покрыть расходы на их медицинское страхование, или просто лишают часть работников страховки» [13].

Каким образом страхование жизни и здоровья может быть связано с продолжительностью жизни и смертностью на причинном уровне, наглядно объясняет Эдуардо Портер: «Изучение жертв тяжёлых ДТП, обратившихся в службу скорой помощи госпиталей штата Висконсин, показало, что те из них, у кого не было медицинской страховки, получали на 20 % меньше медицинских услуг, чем те, у кого страховки были. В среднем их держали в госпитале всего 6,4 дня, тогда как обладатели страховок оставались в госпитале на 9,2 дня. Обычно госпитали тратили на застрахованного пациента на 3300 долларов больше, чем на незастрахованного. Разумеется, смертность среди незастрахованных была на 40 % выше, чем среди застрахованных» [14, с. 77].

Эта ситуация делает вопрос о связи между страхованием, качеством медицинского обслуживания и смертностью в США актуальным для политиков (демократы выступают за обязательное медицинское страхование, республиканцы рассматривают всё обязательное как нарушение базовых свобод) и, как следствие, порождает большое количество соответствующих статистических исследований. С точки зрения методологии, в этих исследованиях важно различать: 1) полное отсутствие страховки, 2) добровольное частное (*private*) страхование, которое может предоставляться работодателем или оплачиваться самим индивидом, 3) государственное (*public*) страхование. Последний тип страхования (Medicaid, Medicare, the Department of Veterans Affairs insurance) предоставляется лишь определённым категориям населения, как правило, уже имеющим серьёзные проблемы со здоровьем. Поэтому публично застрахованные американцы могут иметь худшее здоровье, чем незастрахованные вообще. С другой стороны, застрахованные работодателем могут иметь лучшее здоровье вследствие того, что больные не работают (или не страхуются работодателем). Всё это показывает, что существует проблема выбора правиль-

ного метода статистического анализа, и решение этой проблемы не всегда является однозначным. «Тем не менее, большинство из тех, кто анализирует отношение между отсутствием страховки и смертностью, считают наилучшим из доступных сравнение незастрахованных с приватно застрахованными, при условии статистического контроля за занятостью, доходом, состоянием здоровья и другими потенциальными искажающими факторами» [15, с. 424].

Обзор подобных исследований в целом показывает, что наличие у людей полисов страхования жизни и здоровья, особенно полисов добровольного частного страхования, положительно коррелирует с продолжительностью жизни не только в США, но и в некоторых других странах [15–21]. К сожалению, в открытом доступе нет исследовательских работ, анализирующих связь между наличием страховых полисов и продолжительностью жизни в России, но можно предположить, что в нашей стране дело обстоит примерно так же, как и в других странах, и покупка дополнительных добровольных страховых полисов обеспечивает более качественное медицинское обслуживание и более продолжительную жизнь.

В России в настоящее время действует система обязательного медицинского страхования, регламентируемая федеральными законами № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования», № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» и постановлением Правительства Российской Федерации от 10 декабря 2018 г. № 1506 «О программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов». Указанная программа «устанавливает перечень видов, форм и условий медицинской помощи, оказание которой осуществляется бесплатно, перечень заболеваний и состояний, оказание медицинской помощи при которых осуществляется бесплатно, категории граждан, оказание медицинской помощи которым осуществляется бесплатно, средние нормативы объёма медицинской помощи, средние нормативы финансовых затрат на единицу объёма медицинской помощи, средние подушевые нормативы финансирования, порядок и структуру формирования тарифов на

медицинскую помощь и способы её оплаты, а также устанавливает требования к территориальным программам государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в части определения порядка и условий предоставления медицинской помощи, критериев доступности и качества медицинской помощи»¹. Совершенно очевидно, что из этого следует простой вывод: медицинская помощь по ОМС оказывается не всегда, не всем и не одинакового качества. Например, устанавливаемый данной программой перечень дополнительных услуг, которые могут оказываться за счёт бюджетных ассигнований бюджетов субъектов Российской Федерации, фактически является списком услуг, которые *не оказываются* по ОМС в большинстве субъектов РФ. Логично предположить, что эти услуги могут оказываться тем, у кого есть полисы дополнительного добровольного страхования.

Заключение. Страхование жизни и здоровья чаще всего исследуется как экономический феномен. Кроме того, страхование часто преподносится как социально ответственное поведение, т. е. интерпретируется в контексте этики, а если речь идёт о государственном страховании – то в контексте политики. Новизна данного исследования состоит в том, что страхование рассматривается как аналог одного из элементов человеческого жертвоприношения, функция которого состоит в отборе кандидатов в жертвы. Для обоснования этой гипотезы необходимо ответить на два основных вопроса: 1) «Есть ли статистическая связь между наличием страховых полисов и продолжительностью жизни?»; 2) «Если эта связь имеется, как её можно объяснить? Каковы конкретные механизмы отбора жертв?».

Анализ имеющихся статистических данных показывает, что смертность среди военных на действительной службе существенно выше, чем в мирное время. Объясняется это тем, что возможность оказаться в смертельно опасной ситуации у военнослужащего связана не с его собственными решениями, а с отдаваемыми ему приказами. Поэтому проце-

¹ О программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов: постановление Правительства Российской Федерации от 10 декабря 2018 г. № 1506. – URL: <http://www.ffoms.ru/upload/medialibrary/bcd/bcdf98f2d88494dca1392d593e3f4fd6.pdf> (дата обращения: 01.03.2021). – Текст: электронный.

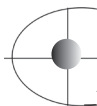
дуры отбора на военную службу и обязательное государственное страхование военнослужащих можно рассматривать как аналоги отбора жертв. В случае с гражданскими жертвами добровольное страхование жизни и здоровья играет противоположную роль: наличие у людей полисов добровольного страхования жизни и здоровья положительно коррелирует с продолжительностью жизни, что предположительно связано с более качественным медицинским обслуживанием в случаях заболевания или несчастного случая. Поэтому

добровольное страхование может быть рассмотрено как аналог отрицательного отбора в жертвы: тот, кто не застраховался, имеет больше шансов стать жертвой.

Этот вывод о том, что страхование играет определённую роль в отборе жертв в рамках современного распределённого человеческого жертвоприношения, является дополнительным аргументом, подтверждающим философский тезис о человеческом жертвоприношении как социально-культурной универсалии.

Список литературы

1. Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и ранне-литературных памятниках / сост. Л. Ш. Рожанский. М.: Наука, 1988. С. 7–60.
2. New Perspectives on Human Sacrifice and Ritual Body Treatments in Ancient Maya Society / ed. by Vera Tiesler and Andrea Cucina. New York: Springer, 2007. 319 p.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
4. Уилсон Э. Эусоциальность: люди, муравьи, голые землекопы и другие общественные животные / пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 158 с.
5. Cordero R. A. Human Sacrifice Today. The Journal of Value Inquiry, 2008. Vol. 42. Pp. 203–216. URL: <https://doi.org/10.1007/s10790-008-9105-0>. Текст: электронный.
6. Сериков А. Е. Современные аналоги человеческого жертвоприношения // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2019. № 2. С. 68–100.
7. Иваненко Е. А. Хайп: производство и потребление аффекта коллективным телом // Миргород. 2020. № 1. С. 254–291.
8. Жирар Р. Насилие и священное / пер. с фр. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 400 с.
9. Луман Н. Понятие риска // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Вып. 5. Риск, неопределённость, случайность. С. 135–160.
10. Hall W. Social Class and Survival on the SS Titanic (PDF) // Social Science & Medicine. 1986. Vol. 22, is. 6. Pp. 687–690.
11. Сериков А. Е. Историческая трансформация смыслов самопожертвования // История. Семиотика. Культура: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. И. В. Демин. Самара: Самар. гум. акад., 2017. С. 227–235.
12. Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование / под ред. Г. В. Кривошеева. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 698 с.
13. Улумбекова Г. Э. Реформа здравоохранения США: уроки для России // Социальные аспекты здоровья населения. 2012. № 5. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/429/30/lang/ru/> (дата обращения: 01.03.2021). Текст: электронный.
14. Портер Э. За что и почему мы платим, или Как деньги правят миром. СПб.: Питер, 2012. 320 с.
15. Woolhandler S., Himmelstein D. U. The Relationship of Health Insurance and Mortality: Is Lack of Insurance Deadly? // Annals of Internal Medicine. 2017. Vol. 167. Pp. 424–431.
16. Akpalu Y., Sullivan S. J., Regan A. K. Association between health insurance coverage and uptake of seasonal influenza vaccine in Brazos County, Texas, 2020. Pp. 2132–2135.
17. Kullberg L., Blomqvist P., Winblad U. Health insurance for the healthy? Voluntary health insurance in Sweden // Health Policy. 2019. Vol. 123, is. 8. August. Pp. 737–746.
18. Miller S., Altekruze S., Johnson N., Wherry L. R. Medicaid and mortality: new evidence from linked survey and administrative data. Working Paper 26081. National bureau of economic research. Cambridge, 2019. URL: <https://www.nber.org/papers/w26081.pdf> (дата обращения: 01.03.2021). Текст: электронный.
19. Rozentall O., Ma X., Weinberg R., Gadalla F., Essien U. R., White R. S. Disparities in mortality after abdominal aortic aneurysm repair are linked to insurance status // Journal of Vascular Surgery. 2020. Vol. 72, is. 5. November. Pp. 1691–1700.
20. Sobotka L. A., Hinton A., Conteh L. F. Insurance status impacts treatment for hepatocellular carcinoma // Annals of Hepatology. 2019. Vol. 18, is. 3. May–June. Pp. 461–465.
21. Wang N., Bu Q., Yang J., Liu Q., He H., Liu J., Ren X., Lyu J. Insurance status is related to overall survival in patients with small intestine adenocarcinoma: A population-based study. Текст: электронный //

Current Problems in Cancer. 2020. Vol. 44, is. 1. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0147027219300972> (дата обращения: 01.03.2021).

Статья поступила в редакцию 10.03.2021; принята к публикации 15.05.2021

Сведения об авторе

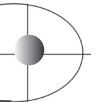
Сериков Андрей Евгеньевич, кандидат философских наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королёва; 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34; e-mail: aeserikov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4213-8089>.

Библиографическое описание статьи

Сериков А. Е. Страхование как аналог отбора кандидатов в жертвы в контексте проблемы универсальности человеческого жертвоприношения // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 5. С. 106–115. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-106-115.

References

1. Toporov, V. N. About the ritual. Introduction to the problematic // Archaic ritual in folklore and early literary monuments / Compiled by L. SH. Rozhanskiy. M: Nauka, 1988: 7–60. (In Rus.)
2. New Perspectives on Human Sacrifice and Ritual Body Treatments in Ancient Maya Society / Ed. By Vera Tiesler and Andrea Cucina. New York: Springer, 2007. (In Engl.)
3. Baudrillard, J. Symbolic Exchange and Death. M: Dobrosvet, 2000. (In Rus.)
4. Wilson, E. The deep origin of societies. M: Al'pina non-fikshn, 2020. (In Rus.)
5. Cordero R. A. Human Sacrifice Today. The Journal of Value Inquiry, vol. 42, pp. 203–216, 2008. (In Engl.)
6. Serikov, A. E. Contemporary analogues of human sacrifice. Samara Academy of Humanities Bulletin. Series "Philosophy. Philology", no. 2, pp. 68–100, 2019. (In Rus.)
7. Ivanenko, E. A. Hype: Production and consumption of affect by the collective body. Mirgorod, no. 1, pp. 254–291, 2020. (In Rus.)
8. Girard, R. Violence and the Sacred. M: Novoye literaturnoye obozreniye, 2000. Web. 01.03.2021. <https://avidreaders.ru/read-book/nasilie-i-svyaschennoe.html> (In Rus.)
9. Luman, N. Risk concept. THESIS: Theory and history of economic and social institutions and systems, 1994: 135–160. Web. 01.03.2021. https://igiti.hse.ru/data/423/313/1234/5_2_2Luhm.pdf. (In Rus.)
10. Hall, W. Social class and survival on the SS Titanic (PDF). Social Science & Medicine, vol. 22, Issue 6, pp. 687–690, 1986. (In Engl.)
11. Serikov, A. E. Historical transformations of self-sacrifice meanings. History. Semiotics. Culture: Proceedings of the All-Russian Conference. Samara, 2017: 227–235. Web. 01.03.2021. https://elibrary.ru/download/elibrary_30584675_34545876.pdf (In Rus.)
12. Russia and the USSR in the wars of the 20th century: A statistical study / G. V. Krivosheyev, editor. M: OLMA-PRESS, 2001. http://www.pseudology.org/colonels/Russia_USSR_Voiny20veka.pdf. Web. 01.03.2021. (In Rus.)
13. Ulumbekova, G. E. Healthcare reform in the USA: lessons for Russia. Social aspects of population health, no. 5, 2012. Web. 01.03.2021. <http://vestnik.mednet.ru/content/view/429/30/lang,ru/>. (In Rus.)
14. Porter, E. The price of everything: Solving the mystery of why we pay what we do. Sankt-Peterburg: Piter, 2012. (In Rus.)
15. Woolhandler, S, Himmelstein, D. U. The Relationship of Health Insurance and Mortality: Is Lack of Insurance Deadly? Annals of Internal Medicine, vol. 167, pp. 424–431, 2017. (In Engl.)
16. Akpalu, Y., Sullivan S. J., Regan A. K. Association between health insurance coverage and uptake of seasonal influenza vaccine in Brazos County, Texas. Vaccine, vol. 38, issue 9, pp. 2132–2135, 2020.
17. Kullberg, L., Blomqvist, P., Winblad, U., Health insurance for the healthy? Voluntary health insurance in Sweden. Health Policy, vol. 123, Issue 8, pp. 737–746, August 2019. (In Engl.)
18. Miller, S., Altekruze, S., Johnson, N., Wherry, L. R. Medicaid and mortality: new evidence from linked survey and administrative data. Working Paper 26081. National bureau of economic research, Cambridge, MA 02138 July 2019. Web. 01.03.2021. <https://www.nber.org/papers/w26081.pdf>. (In Engl.)
19. Rozental, O., Ma, X., Weinberg, R., Gadalla, F., Essien, U. R., White, R. S. Disparities in mortality after abdominal aortic aneurysm repair are linked to insurance status. Journal of Vascular Surgery, vol. 72, issue 5, pp. 1691–1700.e5, November 2020. (In Rus.)
20. Sobotka, L. A., Hinton, A., Conteh, L. F. Insurance status impacts treatment for hepatocellular carcinoma. Annals of Hepatology, vol. 18, Issue 3, pp. 461–465, May–June 2019. (In Rus.)

21. Wang, N., Bu, Q., Yang, J., Liu, Q., He, H., Liu, J., Ren, X., Lyu, J. Insurance status is related to overall survival in patients with small intestine adenocarcinoma: A population-based study. *Current Problems in Cancer*. Vol. 44, Issue 1, 2020. Web. 01.03.2021. <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0147027219300972>.

Received: March 10, 2021; accepted for publication May 15, 2021

Information about author

Serikov Andrei E., Candidate of Philosophy, Associate Professor, S. P. Korolev Samara National Research University; 34 Moskovskoye Sh., Samara, 443086, Russia; e-mail: aeserikov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4213-8089>.

Reference to the article

Serikov A. E. Insurance as an Analogue of the Candidates Selection for Sacrifice in the Context of the Problem of Human Sacrifice Universality // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 5. PP. 106–115. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-106-115.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами) на русском, английском, китайском языках, выполненные в жанре научно-исследовательская статья, научный обзор, научное сообщение, рецензия. Все поступающие материалы проходят проверку на оригинальность в лицензионной программе «Антиплагиат». Оригинальность разделов «Результаты исследования», «Обсуждение результатов», «Заключение» должна быть 100 %.

Один автор в одном номере может опубликовать только одну статью.

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Электронный вариант заполненного **лицензионного договора**.
3. **Личную карточку автора** – сведения об авторе(-ах).

Структура статьи, представляемой в редколлегию журнала

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК, ORCID

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Название статьи – на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными). Название должно быть компактным и достаточным для понимания содержания статьи (не более 10 слов).

Аннотация: 200–250 слов на русском и английском языках. Аннотация должна отражать содержание статьи и включать **следующие блоки**:

1. Введение (актуальность, новизна, постановка проблемы, цель и гипотеза исследования);
2. Материалы и методы исследования;
3. Конкретные результаты исследования;
4. Обсуждение результатов исследования;
5. Выводы и перспективы исследования.

Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий или маркеров проблемы, отражают содержание и концепцию статьи) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи должен содержать следующие блоки: введение, обзор литературы, методология и методы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение – выводы. **Название блоков выделяется полужирным шрифтом.**

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

По возможности нужно использовать **наглядный материал**: диаграммы, карты, рисунки, таблицы и др. Необходимо указывать авторство всех иконических данных, полученных из других источников (рисунки, таблицы, диаграммы и др.), сопровождая их соответствующей ссылкой и названием на русском и английском языках.

Ссылки на грант, организации и людей, оказавших финансовую поддержку в подготовке статьи, указываются в **разделе Благодарности** – на русском и английском языках.

Список литературы указывается по мере цитирования (упоминания в тексте статьи) и должен включать не менее 25 источников, включая за последние 4 года – не менее 15, иностранных – не менее 10. При наличии в источнике указывается DOI.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются **источниками**, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Необходимо повторить русскоязычный список литературы также на английском языке, оформить **References** согласно следующим требованиям:

Автор/ы (транслитерация в формате BSI, BGN);

Название работы/ источника (перевод на английский язык);

Выходные данные: город, издательство, год, том, диапазон страниц (транслитерация).

Указание на язык источника (In Rus.)

Самоцитирование допускается в объёме не более 10 % от общего количества источников в списке литературы.

Технические параметры статьи

Рабочие языки: русский, английский, китайский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2 см; левое и правое – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль– 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание– по ширине. При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию. При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и ФИО автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: 0 (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т.д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например *таблица 1*, в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение– не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170×240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все **подрисуночные подписи на русском и английском языках** прилагаются отдельным списком в конце статьи. Рисунки, полученные из других источников, должны сопровождаться соответствующей ссылкой.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Приём статей, их редакторская подготовка и публикация бесплатны для авторов.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по электронной почте: zab-nauka@mail.ru.

Почтовые расходы по пересылке авторского экземпляра журнала составляют по России – 200 р.

Адрес редакции

672007, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Бабушкина, 129

Забайкальский государственный университет

Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна

e-mail: zab-nauka@mail.ru

Тел. +7(3022) 35-24-79

MANUSCRIPT SUBMISSION PROCEDURE

The Editorial Board accepts manuscripts which **haven't been previously published**. Manuscripts prepared in Russian, English or Chinese should not exceed 40,000 characters with spaces and are to be written in the genre of research article, scientific review, scientific report, review. The sent articles are checked for originality by the anti-plagiarism software. The originality of the sections "Research Results", "Discussion of Results", "Conclusion" should be 100%.

One author can publish only one article in the issue.

Submission Package

Authors should enclose the following documents in the package:

1. Electronic copy of the article. The name of the file should contain the author's name and the title of the article.
2. Data of access and publishing agreement.
3. Information about the author.

The Structure of the Paper Submitted to the Editorial Board

Branch of science (journal section).

Code: UDK, ORCID

Initials, author's surname (in Russian and English). The number of co-authors should not exceed 5 persons. If there is more than one author, the name of the main author should be given first. There should be information on the author's contribution in Russian and English (one sentence long).

City, country (in Russian and English).

Affiliation (place of work) in Russian and English.

Mail address.

Sources of financing (if there are any) in Russian and English.

Title of the paper in **Russian** (lowercase letters only) and **English** (in title capitalization the first and last words and all nouns, pronouns, adjectives, verbs, adverbs, verbs, and subordinate conjunctions (*if, because, as, that, etc.*) are capitalized).

Abstract (200 to 250 words) in Russian and English. The abstract should reflect the main outcomes of the research and include the following parts:

1. Introduction (relevance, novelty, problem statement, purpose and hypothesis of the research);
2. Materials and research methods;
3. Specific results of the study;
4. Discussion of the research results;
5. Conclusions and perspectives of the study.

The abstract should not contain any references.

Keywords or word combinations (5-7 terms/concepts or problem markers, reflecting the content and concept of the article, separated by a comma. They are given in Russian and English).

The main text of the article should contain the following parts: introduction, literature review, methodology and research methods, results of the study, discussion of the results, conclusion - resumes. The titles of the parts are given in bold type.

The article should have in-text references to cited works. References are given in square brackets, indicating the source number in the reference list and the page number as well, e.g. [1, p.25]. Several sources are separated by a semicolon, e.g. [1; 3; 4].

If possible, it is necessary to use visual material: diagrams, maps, figures, tables, etc. It is necessary to indicate the authorship of all iconic data obtained from other sources (figures, tables, diagrams, etc.), accompanying them with the appropriate reference and title in Russian and English.

References to the grant, organizations and people, who provided financial support in the preparation of the article, should be indicated in the Acknowledgements section - in Russian and English.

The list of references is given as cited (mentioned in the text of the article) and should include not less than 25 sources, including the sources for the last 4 years – not less than 15, foreign ones - not less than 10. If available in the source DOI is indicated.

Textbooks, publicism, archives, reference, dictionary and legislative materials are **sources**, which are not included in the list of references but are included in the text of the article as footnotes (footnotes at the bottom of the page). The footnote marker is an Arabic numeral; the numbering is according to the page number.

The reference list should be compiled according to the Russian State Standard (GOST) R 7.0.5-2008. For each source the publisher, the total number of pages must be specified.

It is necessary to repeat the Russian-language list of references also in English, to form References according to the following requirements:

Author/s (transliteration in BSI, BGN format);

Title of the work/source (translated into English);

The output data: city, publisher, year, volume, page range (transliteration).

Indication of the source language (In Rus.).

Self-citation is allowed in the volume of not more than 10% of the total number of sources in the list of references.

Article Format Requirements

Languages of publications: Russian and English, Chinese

General requirements: Margins of the A4-size page (book orientation) should be: top and bottom –2 cm, left and right –2.5 cm. The main text should be Arial 14 pt with 1.5 spacing. First line indent – 1.25. The text should not include automatic hyphenation; it should be centered on the width.

If using additional fonts, consult the editor.

The last page of the manuscript should contain the note “The article is published for the first time”, the date and the author’s signature.

Words, figures, formulas, measurements

Units of measurement are repulsed from characters and numbers to which they relate.

A clear distinction should be made about o (letter) and 0 (zero), 1 (one) and I (Roman unit or the letter “I”), a hyphen (-) and a dash (–).

Don’t use letter “e” instead of “ë”.

All **tables** must be created in Word, be titled and marked with Arabic numbers (e.g. Table 1). Within the body of the text, references to tables should be abbreviated (e.g. tab. 1). The content of the table should not duplicate the text. The words in the tables should be written in full with correct hyphenation. The table cell should not include a dot at the end of the sentence.

Black-and-white drawings (graphs, diagrams – Excel format, charts, maps, photos) should have Arabic numbers, the word “figure” should be always abbreviated (e.g. fig. 1). Illustrations are submitted in jpg format (with a minimum 300 dpi resolution or higher) as separate files, indicating their number, author’s name/authors’ names and the title of the article. Image size 170×240 mm. When reducing, all details of the image should be distinguished. All captions in Russian and English are included in a separate list at the end of the article. Figures obtained from other sources should be accompanied by an appropriate reference. Figures must not exceed 1/4 length of the article text.

The articles that do not meet the above mentioned requirements will not be accepted.

The authors are fully responsible for the accuracy of quotations and references.

Payment for the author’s copy postage.

Article submission, processing and publication are free of charge.

An amount of 200 rubles is paid for postage.

The complete package should be sent to the following address:
129 Babushkina st., Chita, 672007, Russia
Transbaikal State University, Editorial Board (Room 126)

Executive Secretary
Elena V. Sedina, Candidate of Culturology
e-mail: zab-nauka@mail.ru
Tel. +7(3022) 35-24-79